

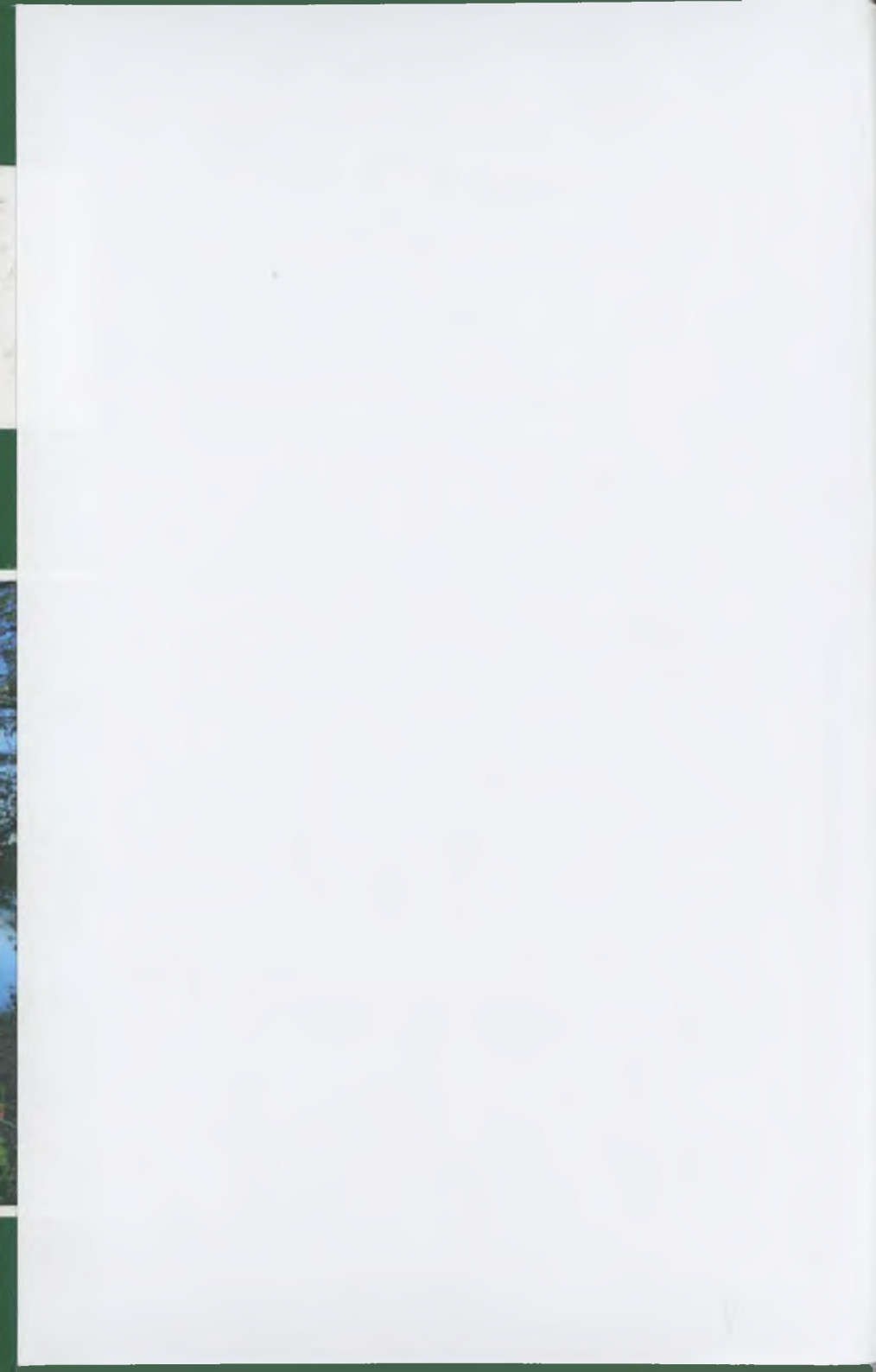
К 1526701

Людмила Яцкевич

ДЕТСТВО НА ШЕКСНЕ

ПОВЕСТЬ • БЫВАЛЬЩИНЫ

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Вологда. XXI век

ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ

ДЕТСТВО НА ШЕКСНЕ

ПОВЕСТЬ
БЫВАЛЬЩИНЫ

K 1526701

Вологда • Родники
2021

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

+ кр + кмн

84

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

Я94

Редактор А. А. Цыганов

Художник Э. В. Фролов

Яцкевич (Калачёва) Л. Г.

Я94 Детство на Шексне. Повесть. Бывальщины / Людмила Яцкевич : [ред. А. А. Цыганов]. – Вологда : Родники, 2021. – 204 с. – (Вологда XXI век). – 12 л. ISBN 978-5-9729-5004-1

В книге опубликованы повесть «Детство на Шексне» и «Шекснинские бывальщины». В повести описывается жизнь в городе Череповце и в деревне Квасюнино в период с конца 40-х и по начало 60-х годов XX века. Автор вспоминает события детства в послевоенные годы, своих родственников, знакомых, священников, которые особенно запечатлелись в её памяти.

В сборнике «Шекснинских бывальщин» представлены короткие рассказы о невероятных событиях, которые случались (то есть бывали) с рассказчиком или его родственниками и знакомыми. В тексте бывальщин частично сохраняются особенности устной речи и местные слова, характерные для жителей Шекснинского района Вологодской области.

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

Предназначается для любителей родной старины.

ISBN 978-5-9729-5004-1

© Яцкевич Л. Г., 2021

© Издательство «Родники», 2021

© Оформление. Издательство «Родники», 2021

ДЕТСТВО НА ШЕКСПЕ

Глава 1. ПРЕДАНЫЯ РУССКОГО СЕМЕЙСТВА

*Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да правы нашей старины.*

А.С. Пушкин

Детство моё прошло в послевоенные годы в Черёповце, в маленьком городке, который расположен на берегу двух рек – Шексны и её притока – Ягорбы. (Только потом, в 60-70-е годы, маленький Черёповец вырос в большой Череповец, центр чёрной металлургии).

Наша семья, как и многие в послевоенное время, горевала о своих родных, погибших на фронте, об односельчанах, «раскулаченных» и высланных из родной деревни. Это детское впечатление, оставленное чувством соучастия и сострадания, осталось на всю жизнь. Мои дедушка и бабушка, Степан Митрофанович Калачёв и Надежда Феофановна (в девичестве Валькова), были выходцами из деревни Квасюнино, где крестьянствовали до 1935 года, после чего переселились в Череповец, поддавшись уговорам Ивана Феофановича, брата бабушки. Как человек учёный, закончивший Московский университет, он считал, что детям надо дать хорошее образование. В городе бабушка и особенно дедушка сильно тосковали по родной деревне, полям, лесам, реке. Старались при любой возможности побывать на родине.

Об их прошлой деревенской жизни мне в детстве много рассказывала бабушка, когда мы с ней долгими зимними морозными вечерами сидели вдвоём на лежанке. Так я узнала и запомнила своё родословие.

Надежда Феофановна Калачёва, в девичестве Валькова

(1885 - 1963)

Моя бабушка родилась в семье сельской интеллигенции того времени: учителя и знахарки, которая принимала роды и лечила целебными травами. Родословная моей бабушки **Надежды Феофановны Калачёвой, в девичестве Вальковой**, таинственна, как по линии отца, так и по линии матери. Её отец – **Феофан Семёнович Вальков, мой прадед**. А мой прапрадед, Семён Никитич, по семейной легенде, пришёл вместе с отцом в шекснинские края откуда-то с южных мест. Внешностью он очень отличался от местных жителей, в основном, светловолосых, так как был смугл и черноволос. Его сын Феофан вернулся в Квасюнино после армии, где он дослужился почти до прапорщика, даже и офицерский мундир был сшит, но что-то помешало получить это звание. Был он, судя по некоторым событиям его жизни, человеком горячим и с авантюрной жилкой, видимо, сказывалось его цыганское или греческое происхождение. Так, например, когда он встретил свою будущую жену, то настолько ею увлёкся, а была она красавица, что решил любым способом жениться на ней. Стал свататься, а Еннафа отказывает. Видимо, не хотела быть женой неимущего человека. Тогда он взял в долг у своего знакомого большую сумму денег и показал эти деньги невесте, убеждая её, что он, якобы, человек не бедный. Убедил её в этом, она поверила и вышла за него замуж. После свадьбы обман обнаружился, но было уже поздно.

Феофан стал сельским учителем, причём учил детей не в Квасюнине, а в другой деревне. Школы не было, дети собирались по очереди в крестьянских домах. Плата за учёбу была нищенской.

Родились свои дети: Алексей, Мария, Андрей, Надежда (моя бабушка) и Иван. Когда Надежде было пять лет, а Ивану два года, то есть в 1890 году, Феофан сильно простудился по пути домой: был март, дороги все развезло, он сильно промок. Умер скоропостижно, оставив жену Еннафу и пятерых детей. Похо-

ронили его в том самом мундире прапорщика, который так и не удалось ему носить при жизни.

Родословное древо моей прабабушки **Еннафы Васильевны** также загадочно. В последние годы я попробовала разгадать некоторые загадки. Моя прабабушка, по семейной легенде, была дочерью кого-то из представителей рода дворян **Жемчужниковых**. Сведения о том, кто были её мать и отец, до меня не дошли. Вспоминали родственники и односельчане, что Еннафа очень отличалась по внешнему виду и поведению от деревенских баб. Крестьянским трудом занималась мало, лечила травами, принимала роды, могла и погадать на картах, хотя была набожной, и до самой смерти ходила в церковь. Внука своего Шуру, душевно больного, всегда с собой брала, научила молитвам не только по-церковнославянски, но и по-гречески. Её странное замужество я описала выше. Прабабушка, рано оставшись вдовой, тем не менее, воспитала пятерых детей. Сыновья Алексей и Иван стали учителями. Иван закончил Московский университет. Умерла Еннафа Васильевна в 1923 году. Сохранилась фотокарточка прабабушки. Красивое лицо с тонкими чертами, очень спокойное. Таких лиц сейчас не увидишь.

Многие наши родственники задавали себе вопрос: кто же был отцом и матерью нашей прабабушки. Решила я обратиться в местный Вологодский архив, однако оказалось, что документы бывшего Череповецкого уезда в этом архиве почти отсутствуют, так как ранее это была территория Новгородской губернии. Тем не менее, я всё-таки нашла одно, но очень важное документальное свидетельство. Деревней Анисимово, в которой Еннафа жила до замужества, в середине девятнадцатого века владел отставной полковник **Жемчужников Лука Ильич**, а потом его дети. Семейная легенда нашла подтверждение: связь между моей прабабушкой и родом Жемчужниковых существовала. Но какой была эта связь?.. Пока нечем подтвердить это семейное предание.

Лука Ильич Жемчужников был участником Отечественной войны 1812 года. А.С. Пушкин в своих письмах неоднократно его упоминает и называет своим приятелем. Именно у Жемчужникова поэт занял по векселю большую сумму денег перед своей женитьбой. Пушкин познакомился с ним в Английском клубе. Говорят, что полковник был опытным игро-

ком и даже, по мнению некоторых литературоведов, являлся прототипом Чекалинского, одного из героев пушкинской повести «Пиковая дама».

Мой дед Степан Митрофанович Калачёв (1890 – 1954)

Мой дед Степан Калачёв был старшим сыном **Митрофана и Марии**, коренных жителей деревни Квасюнино, крестьян. Дед Степана был мельником. Мать Степана, Мария, заболела туберкулёзом и умерла, оставив сиротами пятерых детей. Тогда Степан, старший сын, посватался к Надежде, которая уже давно его привлекала своей красотой и рассудительностью. К удивлению многих в деревне, она дала согласие на брак. Как это так решиться идти хозяйкой в семью с кучей детей и большим хозяйством!? Но она выбрала Степана – немногословного, трудолюбивого и надёжного человека. И не ошиблась, как показала вся их совместная жизнь. Правда, и горя пришлось хлебнуть без меры. Посудите сами: женились они в 1913 году, и за первые двадцать лет совместной жизни в их семье умерли пятеро молодых. Сначала смерть скосила двух младших сестёр Степана, Ефросинью и Анну, затем младшего брата Андрея. В двадцатые годы внезапно умер трёхлетний сын Степана и Надежды. В 1933 году они потеряли и старшего сына Анатолия. Он учился в педагогическом училище в Череповце и умер от воспаления легких. Причиной болезни была сильная простуда, так как сын не имел хорошей обуви и одежды. В 1943 году погиб под Ленинградом их сын Владимир. Война, голод, потери близких – все эти беды пришлось пережить им и при этом не утратить доброту, человеческое достоинство и живую душу.

Я родилась осенью 1944 года, в тот период, когда дед с бабушкой были в большом горе после гибели на фронте сына Владимира. Поэтому моё появление на свет они восприняли как подарок судьбы и сразу меня полюбили. Наша семья занимала тогда небольшую комнату в мезонине деревянного дома, принадлежавшего учительскому институту (бывшему педучилищу). По рассказам моей бабушки, дедушка Степан вбил в потолок большой железный крюк, скованный ещё когда-то в деревенской кузнице, на него он и подвесил для меня самодельную зыбку, то есть колыбель. Потом, когда в этой комна-

те жили уже другие люди – вдова и четверо детей – я всегда, приходя к ним в гости, с большим интересом смотрела на этот крюк, который так и остался торчать из потолка.

В раннем детстве я жила среди деревенского быта, перенесённого из Квасюнина в город. Ещё были в нашей семье в ходу холщовые полотенца, глиняная квашня и вырезанная дедом из ветки «мутовка», им же сплетённая большая корешковая корзина, в которой хранили продукты в сарае (о холодильниках тогда даже не слышали). Употреблялись в обиходе самовар, чугунок, большая кадушка для квашеной капусты. На стене висели часы, ещё дореволюционные, с выцветшим рисунком на циферблате и двумя гириями на цепочке. Они всегда показывали точное время, несмотря на то, что, как говорила мне бабушка, в деревне мой прадедушка Митрофан полоскал их время от времени в бочке с водой для очистки от паутины и пыли. Пользовались и другими деревенскими орудиями – длинной палкой с крючком для полоскания белья на реке, деревянным вальком для сего выколачивания, чунками, то есть деревянными санками, и плетёной корзиной для белья. Всё это было когда-то сделано руками моего дедушки. Но особенно мне запомнился большой самодельный сундук, в котором, за неимением одежды, в то время хранили пшеничное зерно. В голодные сороковые годы этим зерном племянница дедушки Ефрася расплатилась за наш старый дом в Квасюнине, который Степан Митрофанович ей продал. Зерно долго хранить было нельзя. У дедушки в роду были мельники, поэтому он имел небольшой жёрнов, ручную мельницу, на которой и мололи это зерно время от времени. Как сейчас помню, к нам приехала в гости с детьми моя тётя Лида, мамина сестра. Бабушка решила печь пироги. Дедушка принёс по частям из кладовки свой жёрнов и установил среди нашей небольшой комнаты. Начал сыпать зерно и крутить жёрнов по кругу, снизу из жёлоба тонкой струйкой стала сыпаться мука в большое глиняное блюдо. Мы с двоюродной сестрой Тamarой стали наперебой просить дедушку позволения покрутить. Он отмалчивался и решительно отстранял наши нетерпеливые ручонки, которые тянулись к ручке жёрнова. Работа была тяжёлая, в чём я убедилась, когда как-то раз сделала всё-таки тщетную попытку крутануть жёрнов.

Моя бабушка по-деревенски носила длинную ситцевую

юбку и широкую ситцевую кофту тёмных тонов, хотя в молодости она была деревенской модницей, что запечатлено на революционной фотографии: красивая девушка со строгим лицом, высокая причёска, платье красивое со стойкой. А дедушка после войны всегда носил солдатскую одежду – гимнастёрку и галифе. Имел он и дешёвенький костюм, который он надевал только по праздникам. Был он солдатом в Первую мировую войну, служил в Финляндии. Сохранились в семейном архиве его фотографии военной поры.

Первым делом написала о дедушке и бабушке, так как в детстве они мне были очень близки. О матери и отце писать тяжело, так как они расстались очень рано, и отца я не помню. Каждый месяц он посылал нам небольшую сумму денег и короткое письмо из Томска, куда его забросила судьба. В войну отец с мамой были фронтовиками, воевали на границе с Норвегией на полуострове Рыбачий. В моём детстве мама очень много времени проводила на работе и заочно училась на историческом факультете в пединституте в Вологде. Все родственники меня очень любили, но воспитывали в строгости. За это я им сердечно благодарна.

Глава 2.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ

Расскажу о своих первых годах жизни, которые я до сих пор хорошо помню, хотя мне пошёл уже восьмой десяток лет.

МАНДАРИНКА

В первые годы после войны, то есть во второй половине сороковых, маленьких детей в Череповце было немного, так как в войну редко рожали. Всем находилось место в яслях и детсадах. Это спасало детей от голода, хотя и там кормили не досыта.

Я помню себя с ясельного возраста. Правда, теперь вспоминаются только самые счастливые или самые драматичные для младенца события. Одним из последних были сборы и поездка в ясли. Зимой меня укутывали в ватное одеяло, хотя я уже бойко бегала. Я отчаянно сопротивлялась и плакала, но мама крепко меня пеленала, а одеяло завязывала шнурком. Дело в

том, что у меня не было тёплой одежды, и в мороз доставить ребёнка в ясли можно было только таким способом. Затем меня клали в большую плетёную корзину, прикреплённую к чункам, то есть самодельным крестьянским санкам, и везли рано утром в ясли. И чунки, и корзину смастерил для каких-то хозяйственных нужд мой дедушка Степан, когда семья ещё жила в деревне Квасюнино. Всю дорогу до самых яслей, я ничего не видела, так как моё лицо было прикрыто уголком одеяла, чтобы защититть от мороза. Мне до сих пор кажется, что этот способ оградить меня от холода как-то в дальнейшем повлиял на мой довольно свосвольный характер.

В яслях многие дети тогда не могли похвастаться своими нарядами и вообще не обращали на них внимание. Мы играли, как и положено детям, но тревога и горе взрослых, переживших страшную войну и потерявших своих близких и родных, витала в воздухе и проникала в детские беззаботные души.

Перед новым годом в яслях устроили утренник, события которого мне не запомнились. Врезалась в память лишь история с мандаринкой. Нам после праздника вручили скромные пакетики с угощением, которому мы были очень рады. Среди дешёвых конфет и пряников я вдруг увидела неизвестный мне ярко оранжевый круглый плод, источающий удивительный аромат и вселяющий праздничную радость. Дома мы сели ужинать. На столе стояла керосиновая лампа, неверным светом освещающая нашу комнату. В городе часто отключали электричество, и дедушка где-то с большим трудом раздобыл эту лампу. Мне дали мандаринку, я, полюбовавшись ею, вдруг неожиданно сильно её надкусила, ведь никто не знал, как есть этот чудесный фрукт... И тут случилась беда: мандариновый сок брызнул на стекло лампы и оно треснуло... Даже сейчас мне тяжело вспоминать это событие: лампу погасили, и в темноте дедушка, огорчённо крикнув, стал рукавицей собирать в миску отваливающиеся куски стекла. Мама сердито выговаривали мне о моей неосторожности, но, видимо, она это делала с большой досады, так как понимала, что я ни в чём не виновата. Ни я, ни она ничего не ведали о злополучном заморском фрукте и о том, как его надо чистить и есть.

В наше время, когда магазины завалены мандаринами, а дети едят их не только в большие праздники, эта история кажется невероятной. Но это было именно так, как я описываю.

Всю зиму в тот год мы прожили с коптилкой, потом наступили светлые дни весны. Из Ленинграда вернулась бабушка Надя. Она с осени гостила у своего брата Ивана Феофановича и его сыновей Сергея и Кирилла. У брата умерла жена, заболев ещё в эвакуации. Мужчины очень тяжело переносили утрату любимого родного человека. В быту они были беспомощны. Бабушка поехала к ним, чтобы как-то помочь им пережить сиротство.

ФРИЦЫ ИДУТ!

А сиротство вокруг было страшное! У многих в семье были потери кормильца, а некоторые дети вообще остались без родителей. Опять вспомнился драматичный случай. Мне было тогда лет пять, когда соседские дети постарше затеяли злую игру. Часто по улице Социалистической мимо нашего дома водили строем на прогулку детей из детдома. Однажды, увидев издали нестройную колонну сирот, девочек и мальчиков, остриженных «налысо», кто-то у нас во дворе предложил подшутить над ними – из фантиков и земли наvertеть подобие конфет и положить на их пути...

Когда колонна сирот поравнялась с нашим домом, строй нарушился. Дети бросились поднимать «конфеты», а развернув их, многие начали плакать. До сих пор помню, как дрогнуло у меня сердце от сострадания к ним и жгучего стыда за наше детское жестокое вероломство. Одна из сопровождавших детей воспитателей со слезами крикнула нам: «Вот ведь какие вы фрицы! Сирот не пожалели!»

Так я впервые услышала это слово – фрицы. Надо сказать, что в первые годы после войны фашистов в народе именно так называли. Помню, однажды мы, дети, играли в детском саду в группе. Вдруг один из мальчиков, стоявших у окна, громко закричал: «Фрицы идут!» Мы все бросились к окну и увидели унылую картину: шла колонна военнопленных, одетых в старые потрепанные шинели. Вид у «фрицев» был унылый и обречённый. От них веяло страшной бедой так сильно, что даже дети это почувствовали.

На окраине Череповца в те годы выросло немецкое кладбище, куда хоронили умерших от ранений и болезней пленных немцев. Все старались обходить его стороной. А рядом одновременно с немецким, росло и кладбище наших солдат, так-

же умерших от ран в многочисленных госпиталях Череповца. Смерть была близка к нам с детства ...

БОЛЕЗНИ

Самое страшное воспоминание из младенческих лет было самым смутным. Видимо, я была ещё очень мала. Помню, что меня поместили в чужом доме в отдельную комнату одну. Только изредка ко мне заглядывала незнакомая женщина в белом халате. Как я потом узнала, это был изолятор в детской больнице. Я без конца тихо плакала. Тоска по матери и родному дому, непонимание своего положения в чужом и явно не жилом месте – всё это легло непосильной ношей на детское сердце. Я изнемогала от обрушившегося на меня одиночества, которое ранее было мне незнакомо. Подозревали дифтерию, но диагноз, слава Богу, не подтвердился, и меня через несколько дней вернули домой, в привычное человеческое тепло. Но испытанное тогда мной чувство безысходной оставленности и ужасного одиночества души я помню до сих пор.

В пять лет я заболела желтухой. По назначению врача мама отвела меня в межрайонную больницу, которая располагалась на берегу Шексны. Меня поместили в палату, я не отпускала маму, крепко держала её за руку, но строгая медсестра велела ей уйти.

Не успела я осмотреться, кто же ещё находится в палате, как вдруг небо потемнело, неожиданно наступили сумерки, и раздалась раскаты грома. Порывом ветра распахнуло окно, и хлынул сильный ливень. Я со страхом вглядывалась в полумрак палаты и обнаружила, что в палате я одна. А ветер хлестал рамой распахнувшегося окна, и молнии сверкали и сверкали, сопровождаемые страшным громом.

Я притихла в своей кровати, укрывшись с головой одеялом, и молча ждала избавления. Ждала, что сейчас вернется мама и закроет окно, и дождь уже не будет так хлестать по подоконнику, и молнии перестанут сверкать...

Но вместо неё в палату стремительно вбежала сердитая медсестра и поспешно стала закрывать рамы, строго выговаривая мне: «Зачем окно-то открыла! Не успела прийти, как безобразишь!»

Я молча лежала в кровати и радовалась хоть такому враждебному избавлению от грозы, испугавшей меня очень сильно.

Ночью я почти не спала, боясь темноты и безлюдья большой палаты. Солнечным утром поступило ещё несколько больных детей, с которыми я быстро сдружилась. Стало намного легче переживать больничное существование.

Надо сказать, что эти два случая, когда я попадала в больницу, были исключением. Обычно в раннем детстве я не болела. Даже когда все вокруг дети заболели корью или скарлатиной, я как-то умудрялась не заразиться. Может быть, это было связано с тем, что меня бабушка водила в церковь, и в пять лет меня крестили.

Глава 3. КАК МЕНЯ КРЕСТИЛИ

Часто с благоговением вспоминаю тот период моего раннего детства, когда Пресвятая Богородица и добрые люди приобщили меня к истокам духовной жизни...

Вот одно из самых ранних воспоминаний: мама уехала сдавать сессию в пединститут в Вологду, я её жду, жду... Но поскольку я ещё очень мала, её образ постепенно удаляется куда-то... Наконец, бабушка мне говорит:

– Мама завтра утром приедет.

Засыпаю с приятным ожиданием встречи с ней. На следующий день просыпаюсь очень рано и вижу: невыразимо прекрасная и родная женщина наклонилась надо мною. Меня окутывает сладостный покой, и я шепчу: «Мама, мама ...», – и снова тихо засыпаю.

Просыпаюсь снова и ожидаю увидеть опять эту прекрасную маму, но надо мной наклонились бабушка и незнакомая женщина. Она берёт меня на руки и целует, а я начинаю горько плакать и звать, отвернувшись от неё: «Мама, мама! ...»

– Люся, ведь это и есть твоя мама! Ты так ждала её! Что же ты плачешь? – говорит мне бабушка.

– Да отвыкла она от меня! – грустно говорит мать.

А мне кажется, что произошла подмена... Настоящая мама совсем недавно стояла у моей колыбели и ласково улыбалась. И от этого мне было так необычно тепло и спокойно.

Вскоре я снова признала свою родную маму. А потом у меня появилась ещё и крёстная мать.

В послевоенные годы в Череповце была вновь открыта цер-

ковь Воскресения Христова на Соборной горке. Действующей была только одна эта церковь. Безбожная власть после революции сильно обезобразила её: от бывшего храма осталось только приземистое здание без куполов и колокольни, ограждённое со всех сторон грубым дощатым забором. Но и в этом, казалось бы, униженном храме витал Божий Дух. Дети особенно чувствуют святыню. Когда меня в пятилетнем возрасте бабушка Надежда Фософановна Калачёва в первый раз привела в храм, то я испытала неожиданной для себя тихий восторг. Служил вечерню пожилой священник, мы с бабушкой стояли впереди перед открытыми воротами в алтарь. Мне казалось, что отовсюду льётся какой-то радостный свет, и мне было радостно и удивительно спокойно. Над горящими на престоле свечами вились какие-то крылатые существа... И я всю службу на них смотрела. Бабушка ещё дома научила меня креститься и кланяться, и здесь перед алтарём я с каким-то особенным удовольствием и желанием это делала.

После службы старушки гладили меня по голове и говорили бабушке:

– Как смирно девочка стояла всю службу. Просто удивительно!

Похвала не пошла на пользу, и в следующий раз я уже не была так поглощена созерцанием света вокруг и в себе, а часто вспоминала, что на меня смотрят и думают, какая я хорошая.

Запомнился один необычный случай. Как-то осенью мы пришли с бабушкой на вечерню. В будни в церкви обычно было мало молящихся, а в тот вечер стояли только две женщины, мы да ещё служительница. Тихо пел хор, состоящий из нескольких женщин. Когда служба закончилась, бабушка всё ещё стояла на коленях перед иконой Богородицы и молилась. Я тогда не понимала, чем она была так расстроена. Только потом уже узнала, что вестей от сына давно не было. Он завершал учёбу в лётном училище Иркутска и должен был получить распределение на постоянную службу. Бабушка с волнением ждала этого события. Когда мы вышли из храма, увидели недалеко от входа на большом камне вязаный шерстяной платок. Кругом ни души. Следом вышли священник и служительница. Бабушка обратилась к ним:

– Кто-то оставил платок. Может, занести его в церковь? Завтра его хозяйка может за ним прийти.

Старый священник помолчал, задумавшись (видимо, молился). Затем, посмотрев на бедное одяние бабушки, поношенное пальто и старенький платок на голове, ответил:

– Это тебе подарок кто-то сделал. Носи на здоровье!

Чувствовалось, что Надежде Феофановне было неловко, но она взяла этот платок, раз священник благословил, и носила его очень долго. В те годы она не получала пенсию ни за работу в деревне, ни за погибшего на фронте сына Владимира, так как он официально значился без вести пропавшим. Дедушка получал зарплату 300 рублей и мама столько же. Не голодали, но на одежду не хватало. Платок этот спасал её в холодные зимы. Меня она тоже иногда кутала в него. Эта благословлённая священником находка мне запомнилась на всю жизнь... Наверно, потому, что я воспринимала это событие как маленькое чудо.

В церковь мы ходили не часто. Мои верующие родственники боялись слишком приблизиться к церкви. И я им не судья. Не боялась ничего только одна родственница – Раиса Ивановна, которая жила в деревне Квасюнино. Она была вдовой погибшего в блокадном Ленинграде Ростислава Тихомирова, бабушкиного племянника. Единственная в деревне, она открыто держала иконы в красном углу, утром и вечером молилась перед ними. Обычно перед Рождеством и Пасхой она на неделю приезжала к нам в Череповец – говеть и в праздник причаститься. Именно ей я обязана тем, что была крещена в детстве. Это обстоятельство потом повлияло на весь мой жизненный путь. В 1950 году Раиса Ивановна, как обычно, приехала к нам перед Пасхой. Всю Страстную неделю утром и вечером ходила в церковь на службы, постилась и на ночной литургии в День Воскресения Христова причастилась.

На пасхальной неделе она повела меня креститься. Крещение было тайным, по предварительной договорённости моей крёстной со священником. Дело в том, что маму могли уволить с лаборантской работы в институте, если бы узнали о таком событии. К сожалению, я теперь помню только отдельные детали, которые запечатлелись в детском сознании. Когда мы пришли в храм, там никого, кроме священника, не было. Его я уже ранее видела не раз на вечерних службах, поэтому ни сколько не испугалась, когда он взял меня за руку и подвёл к купели. После совершения таинства он поднёс меня на руках к иконостасу, и я крестилась и целовала иконы. Прощаясь с

нами, он подарил мне два красивых крашенных яйца и две конфеты. Для меня этот подарок казался редкостным лакомством. Я очень радовалась в тот день, и мне казалось, что я радуюсь подарку священника. Но это была и радость духовная, как я потом поняла, став взрослой.

Что за человек был тот добрый священник, тайно крестивший меня на свой страх и риск, я узнала только недавно, благодаря опубликованным в интернете материалам Татьяны Николасовны Новожиловой, работника прихода храма Казанского образа Божией Матери г. Устюжны (*Источник: <http://kanonizacia.cerkov.ru/mitrofornyj-protiieriej-m>*). В память о первом священнике в моей жизни привожу далее её рассказ с небольшими сокращениями:

«Жизнь и церковное служение отца Михаила Смирнова, митрофорного протоиерея, можно назвать духовным подвигом. Михаил Алексеевич Смирнов родился 28 октября 1893 году в деревне Хотыль Устюженского уезда в многодетной крестьянской семье. В детстве он страдал «куриной слепотой» – плохо видел в сумерках. Заботу о мальчике взял на себя настоятель Покровской церкви г. Устюжны иерей Павел Остряков и его супруга. Отец Павел и матушка Мария упростили родителей Михаила отдать им мальчика на воспитание, своих детей они не имели. Так отец Павел стал одновременно приемным и духовным отцом ребенка.

Михаил, по примеру своего наставника, решил всецело посвятить себя служению Богу. Он окончил Устюженское духовное училище и Новгородскую духовную семинарию, ректором которой в те годы был архимандрит Алексий (Симанский) – будущий Патриарх Алексий I. Во время учебы юношу постигло большое горе: от гриппа-испанки умерли его приемные родители.

В 1916 году, после завершения учебы в семинарии, Михаил поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Грянули сначала Февральская, а потом Октябрьская революции. В 1918 году академия была закрыта. Михаил успел закончить только два курса. Тогда будущий священник вернулся на родину, в Устюжну, и некоторое время работал делопроизводителем Устюженского и Залесского лесничеств. В 1919 году епископ Алексий (Симанский) вызвал Михаила в Новгород, где он был рукоположен сначала во диакона, а спустя непродолжительное время, и во иерея. Отец Михаил стал священником в

Покровской церкви г. Устюжны, где когда-то нес службу его приемный отец отец Павел Остряков. В этом храме отец Михаил прослужил без малого 22 года.

В 1922 году батюшка был назначен благочинным Устюженского округа, в это сложное время он проявил себя стойким борцом против обновленчества и антицерковной пропаганды. Возрастающий авторитет отца Михаила стал беспокоить местные власти, и они начали ему угрожать, различными репрессивными мерами принуждали снять сан священника. Не выдержав преследований, жена оставила батюшку, но сам он остался верен христианским обетам. Органами ОГПУ 15 мая 1932 года он был арестован и осужден по статьям 58-10 и 58-11 «за контрреволюционную пропаганду». Решением выездной сессии коллегии ОГПУ от 14 сентября 1932 года отец Михаил был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года, но вскоре по просьбе верующих он возвратился к месту своего служения.

Все довоенные годы отца Михаила постоянно подстерегала угроза ареста. Поэтому прихожане, горячо любившие своего батюшку, прятали его в Устюжне в подвалах домов, в родной деревне Хотыль и даже в лесу. В 1941 году Покровская церковь была закрыта, а ее настоятель в очередной раз арестован. Отца Михаила отправили в Шексню, на лесоплав. Прихожане собирали передачи для любимого батюшки со всего города. На свидания к заключенным допускались только родственники. Ольга Алексеевна Девяткина, которой приходилось выдавать себя за сестру заключенного настоятеля (имела одинаковое отчество), ходила к нему в Шексню из Устюжны пешком, так как денег на проезд не было.

В лагере отец Михаил пользовался уважением не только среди верующих, но и среди атеистов. Во время церковных праздников он отказывался работать. Наказание (карцер) батюшка воспринимал с радостью, так как там он мог помолиться без помех. Тюремное начальство неоднократно пыталось его «убрать». Однажды, перед самым ледоходом его отправили с одного берега реки Шексны на другой с запиской. Отец Михаил, помолившись Господу и перекрестившись, выполнил приказ. На другом берегу удивились – как он смог пройти? «А помолился и прошел, как по мосту», – объяснил батюшка. Тогда ему приказали отправляться обратно. И вновь

ВОЛОГОДСКАЯ

17

областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

1526701

с молитвой отцу Михаилу удалось перейти реку. Как только он перешел, лед тронулся.

Шла страшная война, многие люди стали обращаться к Богу за помощью. В 1943 году советская власть разрешила вновь открыть некоторые ранее закрытые церкви. Неоднократно прихожане Покровской Устюженской общины предпринимали попытки добиться открытия своего храма, в котором отец Михаил прослужил более 20 лет. Однако Покровская церковь уже была переоборудована под кожевенную промартель, и все ее имущество «ликвидировано». Власти согласились вернуть Казанский храм, и богослужения в нём возобновились 28 сентября 1943 года. К этому времени отец Михаил вернулся из лагеря на родину. С первых же месяцев своего служения он стал призывать верующих вносить средства на нужды обороны. Для Красной Армии было собрано 24 107 рублей и для помощи детям фронтовиков 12 332 рубля.

При епископе Иустине (Мальцеве) протоиерей Михаил Смирнов был назначен благочинным 2 округа Вологодской епархии. При его непосредственном участии были открыты Понизовская Георгиевская церковь Устюженского района, Воскресенский собор г. Череповца и ряд других церквей. Будучи благочинным, отец Михаил неоднократно служил в Череповецком Воскресенском соборе».

Именно в это время отец Михаил тайно крестил меня. Крёстным был мой дядя, наконец, приехавший в отпуск домой после военного училища. Николай Степанович был настоящим крёстным: он опекал меня до самой своей смерти. Я росла без отца, и в мои детские годы он был мне вместо отца. Раз в год, приезжая в отпуск, дарил мне много подарков. Особенно мне запомнились шоколадные конфеты, которые я впервые попробовала в его первый приезд из Польши. До этого мне изредка перепали подушечки и пряники. Однажды, когда я уже училась в первом или втором классе, он привёз два отреза красивого крепдешина – маме и мне. Но особенно я была в восторге, когда он вручил мне купленную проездом в Москве огромную коробку конфет, на крышке которой была изображена известная картина «Опять двойка».

Времена были суровые и жестокие. Несмотря на это, люди тогда были очень мужественными и удивительно добрыми. Низкий поклон им и вечная память!

Глава 4. НА КЛАДБИЩЕ

*Девочка на кладбище играет,
Где кусты лепечут, как в бреду:
Смех её весёлый разбирает.
Безмятежно девочка играет
В этом пышном радостном саду:*

Н.М. Рубцов

Мне было лет шесть, когда мама взяла меня с собой на окраину города, где находился наш огород. Небольшие земельные участки давали работникам института во временное пользование.

Мы долго шли по городским улицам, и вот, наконец, дома стали кончаться, и показалось большое поле, покрытое сочной зеленью и ярко-жёлтыми одуванчиками. Мы нашли свой участок, и мама начала копать грядку, а я стала осматривать окрестности. На соседних участках тоже работали какие-то люди. Я вышла за пределы огородов на лужайку: светило вечернее солнце, небо было по-майски прозрачно-голубым, было тихо, одуванчики празднично светились своей цветочной желтизной. Вдали виднелись кусты и деревья, покрытые первой дымкой зелени. «Это, наверное, сад, – подумала я, – пойду посмотрю, что там такое».

Вышла на дорогу, которая как раз шла в сторону сада. Мама, увлечённая работой, не заметила моего ухода. А я шла всё дальше и дальше по дороге, пока не подошла к ограде и воротам. Кругом ни души. Я зашла в ворота и увидела странную картину. Кругом возвышались над землёй холмики, и у каждого из них рос куст или дерево, а на одних стояли кресты, на других – какие-то небольшие сооружения со звёздочкой. Я пошла по аллее вглубь, рассматривая необычную местность. Мне было немного страшно от неизвестности, но и весело. Ведь я попала в какую-то сказку. На одном из холмиков я увидела нечто, похожее на самолёт с пропеллером, на другом – пышный веночек из искусственных цветов, около третьего холмика был сооружен столик и скамеечка. Я радостно бегала по этому необычному саду и рассматривала всё новые и новые для меня предметы.

Наконец, я села на скамейку около особенно красиво убранного холмика и задумалась, куда же я зашла. Веселье стало вдруг угасать. Какая-то необычная грусть нашла на меня, какое-то небывалое одиночество. В саду стоял полумрак, так как уже низкое солнце заслоняли деревья. Веяло сыростью от земли и молодой травы. И вдруг издали послышался голос:

– Люся! Люся!..

Это меня звала мама. Я не отозвалась: на меня напало какое-то оцепенение, и я не смогла откликнуться и закричать. Сидела и сидела на скамеечке, не шевелясь. А голос звал и звал меня из этого небытия... Наконец, я собралась с духом, вскочила и побежала назад по аллее к воротам. Навстречу мне бежала испуганная мама. Она схватила меня на руки, и проговорила:

– Что же ты со мной делаешь! Пропала, зову – не отвечаешь! Хорошо, что люди показали, куда ты пошла!

Мы вернулись на наш участок, мама собрала вещи, и мы отправились назад домой. По дороге я расспрашивала маму об этом необычном саде, спрашивала о том, почему там так грустно и по-особому тихо. Она мне неохотно отвечала, рассказала, что под каждым холмиком погребён умерший человек. И вообще – это не сад, а кладбище... Я слушала с любопытством, но никак не смогла моя душа вместить слово «смерть», его смысл...

В.В. Розанов в характерной для него парадоксальной форме рассуждал об этом слове: «Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашёл слово для «этого» – «смерть». Разве это возможно как-нибудь назвать? Разве оно имеет имя? Имя уже определяет, уже что-то «знает». Но ведь мы об этом ничего не знаем».

Младенчество не знает смерти... И слава Богу! У Бога все живы!

А в земном измерении я узнала, что это такое через четыре года, когда умер мой дедушка Степан. Он лежал на столе в новой гимнастёрке. Пришёл старый священник и отпел его. Я его узнала: ведь он меня крестил несколько лет назад. Я лежала на кровати и тихо плакала. Лежала в той же, нашей единственной, комнате, так как болела ангиной и у меня была высокая температура. Капильный дым во время отпевания окутывал и меня...

А ведь всего четыре года назад этот деревенский богатырь, вынужденный жить в городе, с удовольствием занимался ого-

родом. Осенью он привёз с нашего участка домой мешки с картошкой. Урожай был богатый, и он играючи хватал мешок за мешком и водворял их в нашем подполье. Как любили тогда говорить наши вожди: «Жить стало радостнее, жить стало веселее!»

* * *

С тех пор прошло более шестидесяти лет. Старое череповецкое кладбище по-прежнему принимает всё новых и новых насельников. Теперь там упокоилось много и моих родственников. Упокой, Господи, во Царствии Твоём рабов Твоих – Степана, Надежду, Василия, Лидию, Марию, Андрея, Киру, Калерню, Надежду, Ольгу, Алексея, Валентину, Алексея, Клавдию, Евфалию, Таисию, Николая...

А ещё наши родственники – Владимир, другой Владимир, Александр, Ростислав, погибшие в Великую Отечественную войну, лежат в безымянных могилах...

Но Бог всех знает, и у Бога все живы!

Глава 5.

НЕПРЕКЛОННЫЙ ОТЕЦ ВАЛЕНТИН

На Красноармейской площади, где взорвали Благовещенскую церковь, стоял деревянный дом, в котором жили священники. Мимо нашего дома нередко проходили то молодой дьякон, то священник с прихожанками, возвращаясь из Воскресенской церкви после службы. Сначала я видела пожилых батюшек, один из них – протоиерей Михаил Смирнов меня крестил. Потом появился красивый молодой священник с длинными густыми волосами. Это был настоящий богатырь! Вид его был настолько необычным для нас, советских детей, что мы иногда специально выходили на перекресток, чтобы увидеть его. Он неспеша шествовал в длинном черном одеянии в окружении пожилых женщин. На груди сиял крест. Говорили, что ему всего 25 лет, что он учился в Москве в духовной семинарии. Звали его отец Валентин.

В 1953 или 1954 году моя крёстная тётя Рая, приехав очередной раз из деревни Квасюнино, побывала на службе в Воскресенском соборе и вернулась потрясённая. Отец Валентин служил очень смело, истово, горячо, и что особенно было не-

обычным – после литургии он произнёс удивительную проповедь, покоровшую сердца прихожан. По тем временам это считалось мужеством – открыто проповедовать слово Божие. Власти этого боялись и строго запрещали. По городу пошли слухи о необычном попе. Ведь раньше священников никто не замечал, да и жили они тихо, незаметно. А здесь такая яркая личность и так смело держится. В храм пошла молодежь, сначала из любопытства, но некоторые так и остались в церкви, получив в лице отца Валентина яркий пример непреклонного мужественного исповедания веры.

Бесстрашный молодой батюшка начал даже восстанавливать на церкви разрушенный купол и крест, но власти сразу же заставили снять всё. При отце Валентине возобновился крестный ход на ночной пасхальной службе. Но и здесь власти пытались это пресечь. Моя крёстная тётя Рая вернулась после ночной службы в каком-то тревожном, но радостном состоянии. Она сообщила нам, что во время крестного хода, необычно многолюдного, неожиданно через забор, ограждающий церковный двор, полетели камни и раздались злобные крики и брань. Там бесновалась толпа каких-то хулиганов, благо их в Череповце было много. На строительство металлургического комбината привезли досрочно освобождённых, для них были построены бараки за городом. Крёстная рассказывала:

– Было страшно, но мы, с Божьей помощью, прошли крестным ходом вокруг церкви с радостным пением «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ, и сущим во гробех живот даровав». Когда зашли внутрь, в окна храма снова полетели камни. Зазвенели стекла, но праздничную пасхальную литургию отец Валентин так и не прервал. После службы на улице уже никого не было. Слава Богу!

За батюшкой началась настоящая «охота», прихожане каждый раз сопровождали его, когда он направлялся в церковь, и после службы, когда он возвращался домой. Вскоре произошло странное событие, которое ещё раз показало силу мужества отца Валентина и ничтожество его гонителей. Директор нашей школы Николай Андреевич Козлов решил воспользоваться сложившейся в те хрущёвские времена ситуацией, когда церковь всячески притесняли. Об отце Валентине и отношении к нему властей он был наслышан. И вот он решил «поживиться от поповского богатства». На это его толкнули безвыходные обсто-

ительства его тайной жизни. Дело в том, что он был азартным игроком в карты и донгрался до того, что задолжал всем знакомым и партнерам по карточной игре, которые стали требовать от него возвращения долга. Но где взять такую большую сумму денег? Зарплату он отдавал властной жене, как примерный семьянин. И вот он решился на шантаж: написал письмо отцу Валентину, в котором потребовал вернуть в сверток тысячу рублей и положить в указанном месте под камень, иначе будет плохо. Далее в письме следовали всевозможные угрозы. По тем временам, тысяча рублей была огромной суммой. Расчет был на то, что гонимый священник испугается и сделает всё, что от него требуют. Однако Козлов не знал, к какому стойкому человеку он обращается с угрозами. Отец Валентин не побоялся написать заявление в милицию и приложил к нему полученное анонимное письмо. И на удивление милиция приняла заявление от гонимого священника и сделала своё дело: выследила, кто же придёт за положенным под камень пакетом. К изумлению милиционеров, задержанным оказался директор школы, партийный и семейный человек. Возмездие за страсть к карточной игре было для Николая Андреевича очень тяжелым: кроме тюремного заключения, он приобрёл позорную славу в городе и одновременно лишился партбилета и жены, которая тут же развелась с ним.

Такими были мои воспоминания о непреклонном молодом священнике – богатыре, который служил в Череповце во времена моего детства.

Прошло 50 лет, и вдруг детские воспоминания об отце Валентине снова всколыхнулись. Мне дали почитать книгу воспоминаний о благочестивых людях Кириллова «Рассказ о Евгении Васильевне Тихоновой (духовные истоки, жизнь, воспоминания её и о ней)» (М., 2002). В книге неоднократно упоминается отец Валентин Парамонов и дается краткое описание его жизни. Вскоре я прочитала об отце Валентине и статью монахини Кириллы Червой в газете «Вера Эском» (Сыктывкар, № 6 (535), 2007, с. 4). В этой статье она помещает воспоминания о нём его брата Юрия Викторовича Парамонова, его супруги – матушки Маргариты и православной писательницы Елены Стрельниковой. После знакомства с этими материалами передо мной предстал облик череповецкого священника во всей его мужественной православной силе. Стало понятно и то, откуда

он черпал эту силу – из церковной традиции, которую сохранили в своей потаённой духовной жизни русские люди во времена богоборчества.

Отец Валентин родился в городе Кириллове в 1928 году. Его мать была глубоко верующим человеком, а тетья – монахиней в Петербурге. Его бабушка, которая до революции ходила пешком в Иерусалим, увидела в своем внуке будущего священника. Он рано стал ходить в церковь, с детства его привлекали люди, сохранившие твердую веру в Иисуса Христа. По соседству с их домом жили монахини из закрытого Горицкого монастыря. Он часто помогал им по хозяйству, а они учили его молитвам и посвящали в церковную жизнь. В школе над ним смеялись, дразнили попом, стыдили, жаловались его отцу, который работал в райисполкоме. Отец его наказывал, порол. Однако сын продолжал дружить с монахинями и ходил на службы в церковь Покрова Пресвятой Богородицы под Кирилловом. Вокруг этого храма в те годы собрались самые удивительные люди, наследники Святой Руси, например, старец Фёдор Соколов, о котором впоследствии многие писали, а доктор филологических наук, ведущий сотрудник Пушкинского дома Гелий Прохоров опубликовал о нём книгу.

Во время войны семья Валентина Парамонова пережила утрату родственников и сильный голод: погибли отец и старший брат будущего священника, а в 1947 году умерла мать. В 1943 году Валентин Парамонов окончил школу, работал, чтобы помочь семье, но уже тогда главная его цель была – стать священником и служить Богу. Он поехал в Ярославль за советом к ушедшему в затвор епископу Кирилловскому Тихону Тихомирову, аскету и молитвеннику (сыну известного философа – монархиста Льва Тихомирова). Владыка благословил молодого человека поступать в семинарию. Настоятель Покровского храма отец Павел дал рекомендацию, необходимую для поступления.

По воспоминаниям брата Юрия Викторовича Парамонова, «Валентин поехал в Москву, не имея знакомых и денег, а время было голодное. Но его всегда выручал твердый характер. Что задумает – обязательно добьется».

Будучи семинаристом, он служил иподиаконом у патриарха Алексия I (Симанского). В эти же годы он женился на девушке из благочестивой семьи, Маргарите Барашковой. Её родители

были из священнического рода, их ближайшие родственники в 20-е годы подверглись репрессиям и погибли.

После окончания семинарии в 1951 году отец Валентин вернулся на родину, в Вологодскую епархию. Правящий архиепископ, владыка Гавриил (Огородников), замечательный духоносный пастырь, и ныне многими вспоминаемый и почитаемый, принял молодых по-отечески, с Христовой любовью. В Вологодском кафедральном соборе Валентина рукоположили во священника. Владыка благословил его служить в родном храме Покрова Пресвятой Богородицы близ Кириллова, у отца Павла Никитина. Через два года, в 1953 году, отца Валентина перевели служить в Череповец, настоятелем единственного в городе Воскресенского собора.

Матушка Маргарита вспоминает о тех годах: «Именно в Череповце, как мне кажется, он состоялся как священник. Череповчане его любили, а он – их. Много лет спустя, когда мы жили уже в Москве, они каждый год приезжали на день Ангела отца Валентина – 19 июля». В её воспоминаниях рассказано и об отчаянном поступке отца Валентина: «Церковь в Череповце была без креста на куполе, власти не разрешали ставить. Однажды под Преображенье батюшка решил преобразить храм. Надо сказать, что этот праздник – один из самых любимых отца Валентина. Тогда он сам изготовил каркас купола и поставил на нем крест. Уполномоченный пришел в ужас, когда узнал о таком самочинстве. Отца Валентина вызвали к прокурору, который приказал убрать крест и пригрозил, что в противном случае батюшке придется покинуть город. Отношения с уполномоченным у отца Валентина были сложные. Надо сказать, что тогда уполномоченных, как правило, людей неверующих, богоборцев, боялись больше, чем архиепископа, – слишком многое в церкви от них зависело. И надо было как-то сосуществовать с ними, выживать, сохранять храм Божий и паству». Вспоминает матушка Маргарита и тот случай шантажа – угрозы и требования большой суммы денег в анонимном письме.

Но кроме печалей были в те годы и неожиданные духовные радости, которые Господь дарует Своим верным исповедникам. Именно в Череповце к отцу Валентину «пришла» святая икона преподобного Зосимы Ворбозомского.

Как повествует в своей статье монахиня Кирилла Червова, опираясь на воспоминания матушки Маргариты, эта икона

«приплыла по Шексне и на ней, перевернутой, полоскали на реке белье. Однажды открылся святой лик. Кто-то из верующих принес икону в церковь отцу Валентину. Он взял ее и никогда с ней не расставался, где бы ни служил в последующие годы. По размерам иконы можно предположить, что она или от раки святых мощей преподобного или из иконостаса. В архиве отца Валентина хранился редкий акафист преподобному Зосиме Ворбозомскому, составленный, похоже, горлицкими монахинями».

Память преподобного Зосимы – 17 апреля и 20 ноября (по новому стилю). Он получил иноческое воспитание у преподобного Корнилия Комельского. Затем Зосима по любви к уединению поселился на маленьком острове Ворбозомского озера близ Белозерска. Там построил деревянную церковь во имя Благовещения Божией Матери, куда стали собираться любители пустынного жития. Вскоре образовалась обитель по образу Корнилиева монастыря – со строгим общежительным уставом. После многих иноческих подвигов преподобный почил в 1550 году и был погребен в устроенной им обители.

Итак, непреклонный в своей вере и церковном служении отец Валентин получил из глубины веков благодатную весть и духовную поддержку от древнего вологодского подвижника Зосимы Ворбозомского. С его иконой, явленной таким чудесным образом, священник не расставался всю свою жизнь. Ныне этот образ находится в храме Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище в Москве, где отец Валентин был настоятелем последние 12 лет (1982-1994). Она является чтимой святыней.

В Москву он пересел в 1961 году и служил в различных московских храмах. Православная писательница и позднее монахиня Елена Стрельникова, жившая в Ферапонтове и знавшая отца Валентина ещё со времён Кириллова, вспоминает его непреклонный в вере характер. Он проявился и во время его служения в Москве. В мае 1991 года, за десятилетие до официального прославления Царственных страстотерпцев, возле храма Воскресения Словущего, за алтарем, были установлены крест и каменные плиты с именами убиенных. Настоятель этого храма отец Валентин открыто служил панихиды по Царской Семье.

Отец Валентин Парамонов мирно почил 12 сентября 1994 года. Его отпевали 26 священников во главе с владыкой Ар-

сением Истринским. Проститься со своей батюшкой пришло очень много прихожан и тех, кто знал и любил отца Валентина. По его завещанию, гроб опускали в могилу под ангельское славословие «О Всепетая Мати...», которое он очень любил, особо почитая Царицу Небесную.

Я написала эти воспоминания, желая следовать совету апостола Павла, который говорил: «Поминайте наставников ваших...».

Глава 6.

ПРИХОЖАНЕ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА

Впервые слова Евангелия я прочитала на иконе Иисуса Христа. У бабушки был небольшой образ, который она повесила за ширмой в углу. Спаситель держал открытую книгу, на синих эмалевых страницах которой было написано: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы» (Мф. 11. 28). Только-только научившись читать современный текст, я каким-то чудом разобрала буквы старой кириллицы и восприняла сердцем евангельскую фразу на церковнославянском! Сердце замерло от умиления и радости, словно оно, наконец, приобрело то, что давно в глубине жаждало. Смысл фразы ускользал от детского сознания, но глубоко проникал в душу.

Может быть, такое удивительное проникновение происходило по той причине, что эти слова Спасителя подтверждались простыми детскими наблюдениями над верующими во Христа людьми, которые несмотря ни на что, шли в Церковь и твердо надеялись только на Господа. Их было мало, но ими держалась Церковь в годы богоборчества. Все они были – «труждающимися и обремененными», то есть обездоленными, испытали многие беды, и у них осталась только эта надежда на Бога. Они уже никого не боялись, и терять им было уже нечего. Вспомним с благоговением о них.

МАСТЕРИЦА

Начну с самого раннего воспоминания. После войны наша семья обносилась. Не было даже хорошего тёплого одеяла. Мама долго хлопотала, копила скудные гроши и, наконец, купила вату и серый сатин для его изготовления. Они с бабушкой Надеждой Феофановной долго пытались начать работу, однако у них ничего не получалось. Они даже поссорились. Им никог-

да не приходилось стегать ватные одеяла. Расстронные, они отложили это дело.

Как-то раз бабушка возвращалась с вечерней службы из храма с одной знакомой прихожанкой и пожаловалась ей на возникшие трудности, спросила, не знает ли она мастерицы, способной на такое дело. И знакомая ей сообщила, что в наш Воскресенский собор приходит часто одна бывшая монахиня, видимо, из закрытого Леушинского монастыря. В Череповце она ходит по домам и стегает ватные одеяла. Ведь в магазинах их не продают, а у многих нужда большая, поэтому у неё всегда есть работа и заработок. Она знакома с монахиней и пообещала прислать эту мастерицу к нам.

Через несколько дней к нам пришла женщина в белом платочке неопределённого возраста: моложавая, со спокойным лицом и добрыми, тихими глазами. Вся наша комната словно озарилась этим тихим спокойным светом. Начали на столе раскладывать материалы для одеяла, она ловко с ними обращалась и тут же начала мелом делать какие-то пометки на ткани. Говорила она тихим, но твёрдым голосом, и бабушка с мамой её беспрекословно слушались и делали то, что она им скажет. Дело закипело. Я любовалась спорой работой и тем необычным праздничным покоем, который воцарился в нашем доме. Монахиня была молчаливой и произносила только необходимые для совместной работы фразы. Но и угрюмой она не казалась, взгляд её был всегда приветлив и доброжелателен.

Этот неожиданный праздник длился в нашем доме несколько дней. Подобное светлое настроение я потом испытывала в храме, когда была особенно расположена к молитве. Эта неизвестная мне монахиня была сама храмом Божиим и несла Свет Христов везде, где она появлялась.

МАРФА И МАРИЯ

Как звали на самом деле этих сестёр, живших в соседнем доме, я уже не помню. Однако, как только я вспоминаю их, мне приходят в голову образы евангельских сестёр Марфы и Марии. Конечно, наши сёстры только отдалённо их напоминали. Но всё-таки было нечто общее в их духовном облике.

Я часто видела их идущими на службу в Воскресенский собор. Внешне они были очень непохожими. Трудно было поверить, что это родные сёстры. В этом крылась какая-то тайна.

Позже, будучи в подростковом возрасте, я даже иногда фантазировала: может, они не сёстры? Может, одна женщина укрывает под видом сестры другую, которой нскуда деться и надо от кого-то таиться?

Хозяйка комнаты была низкорослой женщиной, очень смуглой, с пышными чёрными волосами, деловитой и, видимо, властной. Её лицо выражало всегда какую-то угрюмость, огорчение и недовольство. Одевалась она обычно, без признаков церковности. Было известно, что она – бухгалтер.

Её сестра, наоборот, была очень высокой, худощавой и казалась лёгкой, как пёрышко, когда проходила мимо нашего дома. Её светлое лицо представлялось безмятежным и каким-то не от мира сего. Одета она была всегда в просторный балахон, маленькая головка плотно повязана чистым платочком не так, как обычно носят платки наши прихожанки и старушки – концами, завязанными под подбородком, а аккуратной шапочкой. Всегда казалось, что она глубоко погружена в инос и никого не замечает. Если бы я в те времена знала иконы с Ангелом, то обязательно бы сравнила её с этим неземным существом. Эта сестра нигде не работала, только вела хозяйство. Соседи звали её блаженной. В русском языке это слово очень многозначно. Это и кроткая, смиренная и даже святая. Но этим же словом называли иногда просто умственно ненормального человека, юродивого. Кто была эта сестра, мне, ребёнку, было трудно понять. Она меня очень тогда интересовала своей непохожестью на других. Это проявлялось не только в её одянии, но и в необычной тихости, кротости и смирении, с которым она подчинялась своей сестре. Чувствовалась какая-то невидимая стена, которая отделяла её от окружающего мира.

А этот внешний мир был очень беспокойным и враждебным сёстрам. Они имели несчастье жить в длинном деревянном доме, густо заселённом жильцами. Народ подобрался на удивление беспокойный, склонный к мелочным и крупным ссорам. Из них я запомнила только одного жильца. Это был одинокий мужчина, сврей. Обычно он ходил, почти бежал, мимо нашего дома по своим делам. Работал он где-то на складе. Он часто оказывался в эпицентре ссор неуживчивых соседей. Как-то раз он с большим гневом и досадой жаловался моей бабушке, которая ко всем относилась доброжелательно и звала этого несчастного человека Ефимушкой:

– Они налили мне в бочку с квашеной капустой керосину!
Какая подлость!

Бабушка выразила в ответ своё сочувствие, а потом добавила:

– А неужто правда, Ефимушко, что вы их собачонку горячей водой ошпарили, она еле жива осталась?

– Ложь! Оговор! Это не я! – уже смущённо забормотал Ефим.

Такова была обстановка в доме, где жили наши сёстры. Одна из них пыталась навести порядок в этом содоме и иногда ей это удавалось. А другая жила и ничего не замечала, молча терпела крики и шум за стеной в общем коридоре.

Я часто вспоминаю этих прихожанок Воскресенского собора и думаю: как одиноки они были в этом мире, как чужды всему, их окружающему. Но зато они были с Богом, который и давал им Жизнь.

АНЮТА СТАФИЕВА

Эту прихожанку Воскресенского собора я хорошо знала. Она была нам дальней родственницей и часто навещала мою бабушку. Звали её до самой смерти Анютой. Её фамилия по мужу, двоюродному брату моего дедушки, была Калачёва. Однако все знавшие её и в деревне Квасюнино, и в Черсповце звали её по имени мужа – Стафиева. Это был рыжий мужик с яростным и упорным характером. Его горячий нрав проявлялся во всём. Он работал днями и ночами не только летом в страду, но и зимой – мастерил прямо в избе сани, лодки, ступы, ложки и другие изделия из дерева. Сильный шум не давал уснуть всей семье. Стафий изредка ездил на ярмарки продавать плоды своего крестьянского труда и свои деревянные изделия. Хотя в обычные дни он всегда был трезв и трудолюбив, с ярмарки он возвращался сильно пьяным, или притворялся, что пьян. Жена и четверо детей его пьяного до смерти боялись: мужик шумел, буянил и даже бил их. Анюта с молодости была очень робкой и покорной, ярый гнев мужа её очень страшил.

Эта горячность Стафия довела его и семью до беды. Дело происходило в первый год коллективизации и образования колхозов. Было велено крестьянам весь скот, коней, коров, овец, коз, передать колхозу. Стафий ходил бледный от ярости и обиды. Его конь был для него не просто рабочей скотиной, а лучшим смыслёным другом и добрым помощником. Этот

крестьянский товарищ во всех делах нередко выручал его в самых тяжёлых обстоятельствах. Он иногда привозил своего спящего хозяина домой самостоятельно, не заплутав по дороге. Не раз выручал его в сильную непроглядную метель, каким-то чутьем находя твёрдую дорогу к родной деревне. И вот теперь этого коня нагло отбирают, как пустышную вещь. Под угрозой обвинения в саботаже против линии партии он последним в деревне привёл своего друга на общую конюшню, где пока царили смятение и беспорядок.

Стафий молча вернулся домой, лёг на лавку... и умер. В Квасюнине не могли поверить, что такой могучий, полный жизни мужик вдруг скоропостижно скончался. Но это произошло, и теперь его робкая жена Анюта осталась вдовой с кучей ребят.

Старшие сыновья, приученные покойным отцом к постоянному труду, старались заменить отца и работали так же усердно, как и он. К началу Отечественной войны они стали крепкими парнями, и их забрали в Красную Армию. В первые же месяцы боёв они оба погибли. Остались у Анюты две дочери. Старшая Августа жила в Череповце, вышла перед войной замуж и родила сына и дочь. Её муж также погиб в первый год войны.

В войну Анюта жила в деревне и очень бедствовала. Младшую дочь Галинушку, так обычно звали её все родственники, неожиданно забрали в ФЗУ по какой-то разнарядке. Вскоре она, испуганная, вшивая и ужасно голодная, прибежала домой. Просила мать куда-нибудь спрятать её. Однако вскоре в избу пришли из сельсовета и, в душе жалея пятнадцатилетнюю девочку, низкорослую и страшно худую, снова отправили её в район, где над ней состоялся суд, и она оказалась в тюрьме за саботаж.

Анюта тоже вскоре попала в тюрьму «за колоски». Нестерпимый голод погнал её на сжатое поле собирать оставшиеся на земле колоски, принесла их домой и сразу заварила из зёрен кашу, которая показалась ей невероятным лакомством. Утром за ней пришли и тоже увезли в район для суда.

Из тюрьмы мать и дочь вернулись другими, хотя срок дали им небольшой – пару лет. Мать еще более оробела и замкнулась в себе, но по-прежнему была кроткой и незлобивой. Вспоминаю её облик: рыжеватые волосы, полноватая фигура, испещ-

рѣнное морщинами лицо, слегка припухшее, маленький носик и бесцветные глаза, которые всегда были какими-то бесстрастными и ничего не выражали. Одета она была в очень старую, сероватую одежду. В ней чувствовалась физическая надломленность. Но духовно она оказалась очень сильной женщиной, способной к постоянной молитве.

Галинушка после тюрьмы, наоборот, стала смелее и бойчее, чем была до этого. Юная душа утратила целомудрие деревенской девушки под впечатлением того, что она испытала и увидела в неволе. Ведь там сидели не только невинные голубицы, как она, но и матѣры преступницы и развратницы.

После тюрьмы мать с дочерью не захотели жить в родной деревне и перебрались в Череповец. Галинушка, не имея профессии, устроилась на какую-то тяжѣлую чѣрную работу. Вскоре ей «выделили», как тогда говорили, жильѣ. Комната на втором этаже имела одно окно, выходящее на соседний кирпичный дом, который стоял почти вплотную к их стене. Темнота была не только ночью, но и днѣм. Вверху над головой торчали едва видимые строительные балки, стропила. Помещение явно было нежилым. Из мебели стояли только две железные кровати, списанные в каком-то заведени, и шаткий столик. Их жильѣ мне вспоминалось потом, когда я была уже студенткой-филологом и читала Достоевского. Его несчастные герои тоже жили примерно в таких же условиях, может, даже и в более приспособленных для жизни.

Мать и дочь, каждая по-своему, боролись с нестерпимой печальной нищетой их бытия. Анята всё время проводила в Воскресенском соборе, молилась. Когда не было служб, сидела в церковном дворике на лавочке или ходила к своим деревенским подругам, которые устроились в городе более благополучно. Они часами сидели за самоваром и вспоминали, «как жили прежде», то есть до революции, когда каждая из них была хозяйкой дома, имела кучу детей и полный двор скотины и целыми днями была в семейных хлопотах и в работе. Но самыми сладостными для них были воспоминания о юности, представлялись картины молодѣжных бесед и гуляний по деревне с песнями. Бабушка говаривала в такие минуты собеседнице:

– Да, девка, жили трудно, в работе всё, и роскоши не было. Но зато, как было вольготно и весело! Сейчас уж так молодѣжь не умеет радоваться.

В такие часы я обычно играла в куклы, которых сама рисовала и вырезала из бумаги, и одна бывала немым свидетелем их бесед.

Анютина молитва не была тщетной, так как шла от сердца. Через несколько лет им вдруг снова «выделили» жильё. Это была просторная светлая комната с большим окном, выходящим на Воскресенский собор!.. Старинный деревянный дом, где они теперь жили, стоял на углу Советского проспекта (бывшего Воскресенского) и Соборной площади. Этот добротный дом и поныне стоит на своём месте. Все родственники искренне радовались этому неожиданному чуду. Получение в те суровые времена нового хорошего жилья воспринималось действительно как невероятное чудо.

Дочь Галинушка спасалась от темноты жизни по-другому – молодым веселием. Она удивительно любила своих троюродных братьев и сестёр и часто их навещала. Они тоже её привлекали. Ни один семейный праздник не обходился без неё. Была она весёлой и доброжелательной девушкой. Она и меня любила и часто просила мою мать отпустить меня с ней погулять в городском Соляном саду. Я очень радовалась этим прогулкам. Мне тогда было лет пять-шесть. Гуляли мы с ней «за ручку». Галинушка, не имея хорошего заработка и возможности приобрести самые необходимые вещи, тем не менее покупала мне газировку, мороженое, семечки – детские лакомства того времени. Она сама была как ребёнок. И эту детскость и наивность характера, открытость души она сохранила до старости. Она и своих внуков так же баловала, как когда-то меня.

В одну из наших прогулок она завела меня к себе, и я тогда увидела эту их страшную комнату, которую я описала выше. Мне, ребёнку, тогда действительно стало страшно, и я сразу попросила её вернуться на улицу.

Вскоре, кроме деревенских родственников, у неё появились новые друзья. Галинушка долго к нам не приходила, я спрашивала о ней, но бабушка загадочно говорила, что она сейчас занята, прийти не может, но в конце концов придёт к нам. И вот этот день наступил. Галинушка пришла с большим свёртком в руках и положила его на нашу кровать. Раздался писк. Я побежала и с удивлением увидела, что это был грудной ребёнок.

– Серёжа! – с улыбкой сказала мне она. – Мой сын!

Больше Галинушка со мной не гуляла. Некогда ей было,

много своих забот появилось. А мне было жалко наших прогулок.

В новое светлое жильё они перебрались уже втроём. Прихожанкой Воскресенского собора Галинушка стала только через много лет, когда уже сама стала бабушкой.

Вечная им память!

АННА АРКАДЬЕВНА

Анну Аркадьевну я помню с тех давних пор, когда мне было лет шесть. Она работала бухгалтером в учительском институте, а моя мать была лаборантом сначала в кабинете военного дела, а потом – в кабинете марксизма – ленинизма, так как училась заочно на историческом факультете в Вологде. Мама, бывало, брала меня на работу, обстановка тогда была в институте совершенно домашняя, все сотрудники друг друга знали. Институт размещался в двухэтажном здании бывшего реального училища на улице Луначарского.

Там я впервые и увидела Анну Аркадьевну, красивую, темноглазую, с волнистыми волосами, аккуратно убранными в пучок. Одета она была в простую, казалось, одежду, но она на ней сидела очень ловко и элегантно. Эта женщина редко улыбалась, только иногда иронично усмехалась, а смеющейся я её никогда не видела. Было ей тогда лет пятьдесят. Анну Аркадьевну сослуживцы побаивались, так как в ней не было привычного в те времена для многих людей простодушия и откровенности в отношениях со знакомыми. Она, при всей благожелательности, держала себя со всеми отстранённо и даже иногда была строга и ворчлива. Прошрое её для сотрудников было покрыто тайной, которую никто не мог разгадать, так как вне института у неё никого не было, ни родственников, ни хороших друзей. Но чувствовалось, что эта женщина много пережила.

Анна Аркадьевна часто ходила в Воскресенский собор вместе тётей Лизой, о которой я расскажу в главе «Бедные люди». Там они познакомились и с моей крёстной Раисой Ивановной, которая старалась присесть из деревни на все большие церковные праздники.

Прошло около двенадцати лет, я закончила учёбу в школе и поступила в педагогический институт, бывший учительский. В это время (начало 60-х) мы пересели в новое жильё. Институт выделил нам две комнаты в своём ведомственном доме на

углу улицы Карла Маркса и Советского проспекта. Нашей соседкой оказалась Анна Аркадьевна. К тому времени она была на пенсии, жила очень одиноко, с бывшими сослуживцами не общалась. Её добрыми друзьями были только кошки. С соседями она держалась довольно строго, иногда ворчала, и они не стали навязывать ей свою дружбу. А жили в этом доме хорошие образованные люди: два преподавателя с семьями и вдова умершего недавно преподавателя со взрослым сыном – учителем. Каждая семья имела две смежные комнаты, двери которых выходил в длинный коридор, общей была и кухня в конце коридора. Уединиться в таком густонаселённом доме было трудно, но Анне Аркадьевне это удавалось.

Болес тесное общение с ней у меня возникло, когда я училась в аспирантуре в Ленинграде и нередко приезжала навестить мать. Анна Аркадьевна стала приглашать меня в свою комнату, довольно голую и неуютную, и беседовать со мной. Видимо, ей захотелось всё-таки поговорить с кем-то и хоть немного излить печаль одинокой души. Почему выбор пал на меня, трудно сказать. Как-то она меня пригласила к себе в первый раз. Не зная с чего начать, сразу подарила мне старинную карту Мариинской системы. Я стала её рассматривать с интересом, так как бывала в детстве в тех местах ещё до строительства Волго-Балта и видела одряхлевшие узкие каналы и небольшие шлюзы. Мы ехали тогда с моими родственницами на старом пароходе «Менделеев» от Череповца до Консева, а там пересели на катер и прибыли в Шолу.

Видя мою заинтересованность, хозяйка начала с необычной для неё любовью в голосе рассказывать о тех местах и о маленьком городке Вытегре, где она жила в молодости. О себе она почти не говорила, однако о некоторых событиях её таинственной жизни я узнала. И тогда многое в её странном поведении стало понятным. Мне было очень жаль Анну Аркадьевну, её сломленную, как цветок в поле, молодую жизнь, которая когда-то была полна радости и смысла. Мне тогда было всего 23 года, я многого ещё не испытала, не огрубела от бед, и, видимо, поэтому её судьба так тронула меня и наполнила моё сердце жгучей печалью.

Постепенно по её недомолвкам я поняла, что Анна Аркадьевна в молодые годы пережила трагедию. Родилась она в Вытегре в семье служащего чиновника или даже в дворянской

семье. Училась в гимназии, была образованной и отличалась красотой. Затем рано вышла замуж за хорошего человека. Кем он был по положению в обществе, она не рассказывала. Однако после революции его арестовали и расстреляли. Она, молодая вдова, одна воспитывала троих детей. Но пришла новая беда: дети один за другим умерли. Как и почему это произошло, она никогда не рассказывала. По её мнению, понять и разделить её горе я, молодая девушка, не могла. А пустословить она не привыкла. И вот после этой утраты она онемела, замкнулась и перестала испытывать и воспринимать добрые чувства. Никого любить она уже не смогла. И так всю оставшуюся жизнь. Страшно!

Однако нельзя говорить, что она относилась ко мне, как к чужой. Когда я вышла замуж, она подарила мне то, что ей было, может быть, дорого по прежней жизни: старинное полотенце из тонкого льняного полотна с кружевом, прозрачную тарелочку с красивым внутренним узором, искусно вылитую из стекла, и старинную гранёную рюмку. Всё это до сих пор я храню, как память об этой одинокой женщине, которая, видимо, хотела в старости ко мне прислониться. Однако я почувствовала это слишком поздно, когда стала сама пожилым человеком, а Анны Аркадьевны уже давно не было на этом свете.

После окончания аспирантуры я вышла замуж и уехала в Белоруссию, следом за нами туда же уехала и моя мать. Мы потеряли с Анной Аркадьевной связь.

Приехав к нам, мать рассказывала с огорчением, что в освободившиеся комнаты поселили семью дворника. Его жена и две девочки были добрыми, а он сам – груб, держится среди соседей, как начальник и всеми пытается командовать. Особенно он притесняет Анну Аркадьевну, бьёт и гоняет её кошек, одну даже покалечил. Они теперь боятся нос высунуть из комнаты. Зимой, когда каждый жилец должен чистить от снега отведённый ему участок тротуара около дома, Анна Аркадьевна, старая и больная, уже не смогла это делать. Он, чувствуя себя главным специалистом по очистке двора, жестоко ругал её и требовал невозможного. Соседи были возмущены его хамством, но ничего не могли с ним поделать. Тогда они, жалев старую женщину, собрали деньги и попросили его выполнить необходимую работу за плату. Он с важностью дал своё согласие.

Анна Аркадьевна тяжело переживала неожиданно свалив-

шися на неё оскорбления. Видимо, она припомнила что-то подобное из своей молодости, когда погибала её семья, самые близкие люди.

С годами я всё больше начинаю ценить эту женщину. Осталась в её измученном сердце твердыня, та высота, которую не смогли взять никакие тёмные силы. Она не возненавидела Бога, не стала его упрекать во всех несчастьях, не отошла со злобой от Него, а как Иов Многострадальный продолжала в Него верить и уповать на Его милость.

Глава 7.

ГОРОДСКОЙ БЫТ ЧЕРЕПОВЦА В 50-е ГОДЫ

СТАРЫЙ И НОВЫЙ ГОРОД

В Череповце мы жили недалеко от неширокой реки Ягорбы, которая впадала в Шексну. В те далекие времена по этим рекам сплавляли лес: плыли гонки – скрепленные друг с другом бревна в виде плотов. На них стояли и даже ходили по ним сплавщики с баграми. И мы, дети, им очень завидовали. Хотелось тоже прокатиться на плотах и увидеть новые, неизведанные берега. Подростки доплывали до гонок, вскарабкивались на них, а потом снова ныряли в воду.

Дом, в котором мы жили в небольшой комнате, стоял на пересечении улиц – Социалистической и Красноармейской. Названия и других ближайших улиц тоже носили отпечаток советской эпохи: Красноармейская площадь, Советский проспект, улицы Карла Маркса, Пролетарская, Володарская (так в детстве мы ее называли) и т.д. Исключением были улица Детская и Северный бульвар. В конце 40-х годов на Красноармейской площади (бывшей Благовещенской) еще стояла обезглавленная Благовещенская церковь, летом окруженная зеленой лужайкой. Там в тишине мы, дети, нередко играли. Вечерами я часто шла на площадь встречать мать с работы. Было пустынно и тихо. Я сразу замечала ее, когда она появлялась из-за угла, и радостно бежала ей навстречу. Никто не мог тогда представить, что лет через десять эти сельские тишина и покой закончатся, и на площади будут рыть глубокие рвы для теплоцентрали, а потом загромыхает трамвай.

В годы моего раннего детства по нашим ближайшим ули-

цам сздили только подводы, автомобили встречались редко. Зимой дети катались на санках и финках прямо по дороге, которая шла с наклоном к реке. В зимние ночи из-за реки иногда приходили волки. Как-то раз они съели собаку у моей подружки Гали. Летом по улицам шли коровы утром и вечером, их держали в некоторых домах. Пасли их за Ягорбой на лугах. Однажды воспитатели в детском саду повели нас на прогулку за реку. Я впервые увидела сочные луга, полевые цветы, кузнечиков. Мне очень понравились голубые незабудки, которые действительно не забываются мной. Они остались в сердце как память о самых ранних годах моего детства, бедных на яркие впечатления. Но особенно мы, дети, были потрясены видом цыганского табора, который живописно раскинулся на нашем пути. Пестрело несколько шатров, кое-где горели небольшие костры, сидели ярко одетые цыганки, кудрявые чумазые дети бегали нагишом без всякого смущения, а у одного шатра красивый цыган в шляпе играл на гитаре, и под его музыку плясала маленькая цыганочка. Рядом на лугу паслись кони. Вид был нереальный, прямо сказать фантастический. Потрясенные, мы притихли и с опаской проходили мимо. Ведь мы были дети того тихого времени в спокойном маленьком городке, где годами ничего не менялось. А тут яркие и вольные люди.

Но вот рядом с Череповцом началось строительство большого металлургического комбината, и многое в нашем маленьком городке стало меняться. Коснулось это и нашей округи. Вдруг объявили, что будут взрывать Благовещенскую церковь, так как она мешает прокладывать рельсы для будущих трамваев. Кирпич был крепкий, стены толстые, поэтому взорвали не с первого раза. На следующий день дети с нашего двора и я с ними прибежали на площадь и увидели такую картину: вместо храма лежали огромные груды кирпичных обломков, а по всей площади валялись и при дуновении ветра летали какие-то листочки бумаги. Мы стали их поднимать и с любопытством рассматривать, так как все они были исписаны именами: Анна, Мария, Григорий, Иван, Матвей ... Я, дошкольница, в то время только научилась читать и с трудом разбирала незнакомый почерк. Очень заинтересованная этими таинственными записками, я пришла домой, показала их бабушке и стала спрашивать, что это такое. Надев очки и рассмотрев принесенные листочки, бабушка удивленно и огорченно спросила меня:

– Где ты их взяла?

Я ответила:

– На площади их много летает.

Тогда бабушка мне рассказала о том, что эти записки, видимо, вылетели из разрушенной церкви. На них написаны имена людей, за которых в прошлом молились их родственники и священник в алтаре.

На меня повесело чем-то неведомым и таинственным, и душу охватил какой-то священный трепет. Я была еще мала и не понимала своего состояния, но оно запечатлелось в моем сердце. Много позже я узнала, что в конце XIX века в Благовещенском храме совершал литургию святой Иоанн Кронштадтский, когда приезжал в Череповец. Там он сразу заметил нового псаломщика - высокого, светловолосого, голубоглазого с открытым лицом. Это был выпускник Новгородской семинарии Иоанн Орнатский, который стал духовным сыном отца Иоанна и затем первым священником построенного в Петербурге Леушинского подворья. В 1937 он погиб в тюрьме как мученик за Христа и был канонизирован уже в наше время.

В Благовещенском соборе, единственном в Череповце храме, община которого не уклонилась в раскол обновленчества, в тридцатые годы служил еще один мученик за веру – священник Иоанн Савичев. Выходец из крестьянской семьи, он в двадцатые годы стал священнослужителем и неоднократно подвергался аресту. В 1937 году он очередной раз был арестован и приговорен к расстрелу, а в 1957 году – реабилитирован.

Вот каким особенным был Благовещенский храм, который, казалось, разрушили окончательно во времена моего детства. Но память народная его сохранила в своем сердце. А тогда, в 50-м году XX века обломки разрушенного храмового строения стали убирать с площади. Стоял непривычный шум, подъезжали грузовики, работал экскаватор. Пошли слухи, что экскаватор стал наткаться на черепа и экскаваторщик отказался работать. Действительно, несколько дней стояла тишина, но потом работу продолжили. (А рельсы проложили и сделали на площади трамвайную остановку только года через четыре).

Настоящим испытанием для жильцов нашего дома стало время, когда вдоль улицы почти под самыми окнами экскаватор прорыл глубокие траншеи для прокладки труб теплоцентрали. Вековые деревья у соседних домов спилили, вырытые

траншеи долго не засыпали, осенью вся округа тонула в грязи и глине. Люди ходили по дороге, так как на месте тротуара был ров, уже начавший заполняться водой. Однажды глухой темной ночью мы проснулись от странных звуков за окном: раздавался плеск воды, кто-то громко кричал и звал на помощь. Откинув занавеску, мама выглянула в окно и увидела, как прямо под нашим окном в траншее барахтается какой-то солдат, весь измазанный в глине. По-видимому, он был пьян, поэтому речь его была невнятной, но было понятно, что он просит о помощи. Дедушка в ту ночь был на дежурстве, а мама и бабушка ничем не могли ему помочь. Никаких телефонов и в помине не было. Через некоторое время около рва остановилось несколько поздних прохожих, которые стали обсуждать, как помочь горемыке. Я вместе с мамой смотрела в окно и страшно жалела солдата, мучилась от того, что мы не можем ему помочь. Подробностей его вызволения из холодной воды и глиняного месива я не знаю, так как мать строго приказала мне лечь в кровать и спать. Несмотря на волнение, а может именно поэтому, я вдруг уснула. Утром, когда я проснулась, у нас под окном уже никого не было. Долго мне вспоминался потом этот солдатик...

ДЕСЯТЫЙ

В наше время, когда полно продовольственных магазинов, вспоминается совсем другой городской быт, скудный и не знающий ни в чём излишества. На нашей улице был всего один небольшой магазин, в котором мы покупали необходимую еду. Его все соседи называли незамысловато – «Десятый», по номеру. Когда я немного подросла, меня посылали туда за хлебом и солью. Иногда разрешалось купить подушечек (для тех, кто не знает – это такие дешёвые конфеты с повидлом). Подсолнечное масло и селёдку покупала бабушка. За молоком я ходила с бидоном к нашим знакомым, которые жили на соседней улице и держали корову. Картошку выращивали сами на участке на окраине города. Осенью покупали капусту. Это было очень трудно сделать, так как её моментально разбирали, и меня посылали «караулить» к магазину. Квасили большую бочку (опять же сделанную дедушкой), и её хватало на всю зиму.

Вспоминается один смешной и одновременно печальный случай, связанный с этим магазином. Мне было лет 7-8. Бабушка дала мне десять рублей купить хлеб, соль и ещё что-то.

– Смотри не потеряй! Последние даю! – наставляла она меня.

– Дедушка только завтра деньги получит!

В магазине, стоя в очереди, я вдруг увидела, что на полу лежит десятка, и подумала, что кто-то её обронил. Я подняла её и громко спросила:

– Я нашла десять рублей! Кто потерял?

Люди стали проверять свои кошельки, но никто не обнаружил у себя пропажи. Тогда я отдала деньги продавцу, которая сказала:

– Подождём, кто-нибудь да и хватится потерянных денег.

Когда подошла моя очередь покупать хлеб, я неожиданно обнаружила, что у меня нет денег! Я растерялась... Продавщица торопила меня, но, увы, денег у меня не было! Это я сама потеряла десятку! Что делать? Ведь не поверят, что я нашла именно свою десятку и отдала продавцу! Я заплакала от досады и стыда и убежала из магазина...

Дома бабушка, узнав, почему я вернулась без хлеба и соли, даже не поверила мне сначала.

– Вот зуда! Вечно ты торопишься, вечно о чём-то мечтаешь! – проворчала она с досадой.

– Дедушка и мать голодные придут с работы, а у нас одни щи без хлеба!

Она пошла в магазин и вернулась с хлебом, но очень расстроенная:

– Продавец мне сначала не поверила, но покупатели её уговорили отдать мне твою десятку. Стыда из-за тебя натерпелась.

Может, современный читатель, подумает: «Какие это всё никчёмные мелочи! Стоит ли вообще о них помнить и тем более писать о них?» А для меня в этих мелочах – приметы прошлого патриархального и незабвенного для меня городского быта старого Череповца, того времени, когда жизнь была простой и открытой, и люди доверяли и любили друг друга, не смотря на стеснённые обстоятельства, материальные недостатки, бедность и только недавно отгремевшую войну... А может, именно поэтому!

Но продолжу дальше свои воспоминания.

Вы спросите: «А как же другие продукты? Разве у вас не было мяса, рыбы, колбасы, сливочного масла, сыра, яиц, сахара, фруктов?». О, чтобы ответить на этот житейский вопрос,

нужно написать целый рассказ о том, как всё это добывалось и в каких случаях у нас появлялось.

Многое из перечисленного выше можно было купить только на рынке. Бабушка ходила туда изредка и покупала немного мяса с косточкой для супа и яйца – для начинки на пирог перед праздником. Сама она мясного не ела никогда и варила отдельно себе щи с добавлением перловки. Мне она говорила, что не ест мясной суп из-за повышенного давления. Но я уже тогда чувствовала, что причина совсем другая. А сейчас, когда вспомню, то слёзы на глазах. Подступает шемящая сердце жалость, и одновременно одолевает стыд за себя. Дело в том, что Надежда Фсофановна перенесла смерть старшего восемнадцатилетнего сына Анатолия в 1933 году и гибель на Ленинградском фронте второго сына – Владимира – в 1943 году. Эти потери её так потрясли, что она после этого постоянно болела, вела тихую жизнь, которая в ней как будто замерла. Поэтому ела она очень мало самую простую пищу, никаких развлечений себе не позволяла. Правда, читала много. Бабушка не получала пенсию до 1956 года. Ни за её бывшие труды в деревне, ни за погибшего на Ленинградском фронте сына Владимира. Он считался без вести пропавшим. Ведь он сражался в боях за Синявинские высоты, а там погибло и пропало очень много наших бойцов. Дедушка, работая вахтёром на проходной завода «Красная Звезда», получал триста рублей, столько же моя мать – лаборант в учительском институте.

Муку и сахар в послевоенные годы в наш магазин «выбрасывали» редко, обычно перед советскими праздниками – Октябрьской и Первомаем. Жители нашей округи заранее занимали очередь и «держали» её день, а то и два. Приходилось стоять и ночью. В ноябре это особенно было тяжело, так как настоящей тёплой одежды не было. Спасали дедушкины стеганные штаны и фуфайка, которые надевали то бабушка, то мама, сменяя друг друга в очереди. Иногда брали с собой за пазуху нагретый в печке кирпич, который помогал не замёрзнуть окончательно.

В Череповце в 40-е – 50-е годы многих спасали от голода коровы, которых некоторые жители города держали. На городском рынке был молочный павильон, где частники продавали молоко, сметану, творог и яйца. Там же был и мясной павильон, где также торговали частники. Летом прямо на улице на грубо

сколоченных прилавках колхозники продавали привезённые из деревень картошку, лук, ягоды. Изредка попадались и торговцы-южане, у которых был лакомый для нас, детей, товар: яблоки, груши, сливы, виноград. Мы с соседскими детьми ходили иногда на рынок, как теперь ходят на какую-нибудь выставку, – посмотреть, полюбоваться. Денег, которые нам давали взрослые, хватало только на стакан ягод (их стаканами тогда продавали) или на одно яблоко. И этого нам хватало для полного счастья!

Современным молодым людям покажется, что я рассказываю о самом бедном слое населения тогдашнего Череповца. Нет, не о бедных тут шла речь, а самых обычных жителей 40-50-х годов XX века в провинции.

Глава 8. БЕДНЫЕ ЛЮДИ

В 50-е годы в Череповце встречались действительно очень бедные люди, однако бомжей, которых много в наших городах сейчас, не было. Изредка по домам ходили нищие и, как правило, просили «на погорелое место», то есть они были погорельцами. Обычно им подавали копейки, старую одежду и хлебные корки. Конечно, встречались среди них и притворщики, пожара у них не было, но шли они по людям тоже из-за бедности.

Но был в те времена особый тип бедности. Бедности крайней, но скрытой от большинства людей. Мне пришлось с подобной бедностью встретиться в детстве. Вспоминаю этих людей с болью в сердце и каким-то личным стыдом. Расскажу о нескольких случаях.

РОДСТВЕННИЦА ЛЕНСКОГО

Однажды к нам из Ленинграда приехал Иван Феофанович Вальков, брат моей бабушки. Он попросил меня сводить его по адресу, отмеченному в его записной книжке. Дело в том, что он начал терять зрение и плохо видел. Я с интересом пошла с ним на Северный бульвар к указанному дому. Дом оказался добротный, крашенный, с глухим забором, отгораживающим двор от улицы. Мы долго стучали в запертую калитку, но никто не открывал. Наконец, к нам со стороны улицы подошла женщина лет пятидесяти и, хмуро посмотрев на нас, спросила недружелюбно:

– Что вы стучите! Кто вам нужен?

Иван Феофанович, человек деликатный, смутился и робко пояснил:

– Мы ищем родственницу когда-то знаменитого артиста Ленского¹. – И назвал её по имени и отчеству, но моя память не удержало это имя.

Тогда хозяйка дома открыла запертую калитку и, не оборачиваясь, пробормотала:

– Ходят тут всякие! Ладно, позову её...

Конечно, она не слышала никогда о знаменитом актёре... Мы долго стояли у калитки, не приглашённые внутрь двора, и были в недоумении: ждать нам или уходить ни с чем... Наконец, калитка с трудом отворилась, и к нам вышла согбенная старушка, одетая крайне бедно во что-то ветхое. Плечи её покрывала какая-то бесцветная попона, кое-где сохранившая следы бывшего бархата оранжевого цвета. Лицо её со слезящимися глазами поразило меня какой-то безысходностью грусти. Вскоре выяснилось, что она очень плохо слышит и видит. Однако Ивану Феофановичу удалось, правда, с трудом, объяснить ей кто он. Он назвал её уже умерших родственников, с которыми он был знаком, напомнил и о довоенных встречах с ней в Череповце. Она, казалось, ничего не вспомнила, однако, когда он пригласил её к нам в гости, охотно согласилась. Вышла хозяйка дома и спросила:

– Что, забираете её совсем? Хватит мне с ней мучиться!

Иван Феофанович не оправдал её надежды и ответил смущённо:

– Нет, мы её к нам в гости сводим и назад приведём. Расскажите, как она жила все эти годы. Бедствовала, видать?

– Вы как думали! Если бы не я, она давно бы под забором умерла! У неё же никого из родственников не осталось. А пенсии ей не положено – барыне-дворянке!

Расстроенный и растерянный, Иван Феофанович попрощался с сердитой хозяйкой, и мы отправились домой с необычной гостьей. Она покорно и равнодушно шла за нами, опираясь на палочку.

Моя бабушка Надежда Феофановна нас приветливо встре-

¹ Ленский Александр Павлович (до 1897 Вервициотти) (1847, Кишинёв — 1908, Москва), знаменитый актёр, режиссёр, театральный педагог.

тила и усадила за чай. Долго мы все отогревались за этим часом, словно побывали на каком-то холодном ветру. Наша гостья тихо сидела и почти не участвовала в разговоре, пила чай с пирогом и словно бы к чему-то прислушивалась. Наверно, к забытой музыке родного дома...

Но, увы, мы её не смогли у себя оставить. Слишком мала была наша комната... А может быть, и наша душа...

Помню, в тот год она к нам приходила несколько раз сама. Удивительно, как она нас находила! Обычно старушка сидела молча, пила чай с незамысловатым угощением и отогревалась. О себе ничего не рассказывала. Но и так было ясно, что она «из бывших», как тогда называли людей, по несчастью родившихся в XX веке дворянами или купцами.

На следующий год, когда Иван Феофанович приехал в Череповец, мы пошли на кладбище навестить умерших родственников и там недалеко от ворот увидели могилу этой старушки-сироты.

СЁСТРЫ

В четвёртом классе, когда нас приняли в пионеры, пионервожатая Зоя Ивановна пригласила несколько учеников в пионерскую комнату (были раньше такие комнаты в школах). Она сообщила, что даст нам очень серьёзные поручения. Мы все обрадовались: очень хотелось быть взрослыми и полезными людьми. Оказывается, у нас в школе есть тимуровский отряд, и нас тоже приглашают быть тимуровцами. Книгу Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» мы все с удовольствием читали, поэтому предложение пионервожатой нас заинтересовало. Зоя Ивановна разделила нас на три команды и каждой дала записку с адресом. Она сообщила, что отправляет нас к одиноким престарелым людям для того, чтобы мы помогли им по хозяйству: принесли воды с колонки, дрова из сарая, помыли пол, в магазин сходили или ещё что-либо по их просьбе сделали.

Надо сказать, что все мы тогда, в 50-е годы, жили в деревянных домах и к такой работе были уже приучены. Нам, десятилетним, это не составляло труда. Мы обрадовались: нам доверили важное поручение – помочь нуждающимся! Не откладывая в долгий ящик, наша команда, состоящая из четырёх девочек, на следующий день после школы отправилась по указанному адресу. День был солнечный, морозный. Нам было

почему-то всем очень весело, какая-то радость нас распирала. По дороге мы громко смеялись, шалили, играли в снежки. И вот мы нашли нужный нам дом. Войдя в этот двухэтажный деревянный дом на первый этаж, мы растерялись: в длинном коридоре было несколько дверей. В какую дверь стучаться? Ведь нам был дан только адрес дома, а номер комнаты не указан... Тут вышла из одной комнаты молодая женщина и удивлённо на нас посмотрела:

– Девочки, кого вы ищете? К кому пришли?

В ответ я назвала фамилию и гордо добавила:

– Мы тимуровцы! Пришли помогать!

Женщина ещё более удивилась и указала на ближайшую дверь.

Мы постучали, но нам никто не отвечал.

– Стучите громче! – посоветовала соседка. – Сёстры болеют, наверно. Давно не выходили.

После нашего громкого стука дверь приоткрылась, и тихий слабый голос позвал:

– Входите.

В моей душе этот голос вызвал какую-то непонятную тревогу. Мы все притихли сразу и робко зашли в комнату. Перед нами стояла пожилая женщина, высокая, седая, с бледным лицом, ещё сохранившим тонкие красивые черты и какое-то особое выражение печали и подавленности. Чёрная шинель была накинута поверх её платья. В пустой комнате стоял старый стол, стул и две железные кровати. На одной из них, стоявшей в противоположном от дверей углу, лежала другая сестра, укрытая каким-то тряпьем, поверх которого была наброшена такая же чёрная шинель. Чувствовалось, что в комнате так же холодно, как и на улице.

Растерянные до крайности, мы молча стояли и смотрели на старую женщину. Старухой её нельзя было назвать. Необычная величественность и строгость были во всём её облике. Она спросила нас тихо:

– Вы, действительно, к нам пришли? Ничего не перепутали?

Я, как самая шустрая, ответила за всех:

– Нам дали ваш адрес... Мы – тимуровцы. Пришли к вам помогать.

– Помогать? В чём помогать?

Мы наперебой начали объяснять, что мы сможем для них

сделать. Старая женщина растерялась и ничего нам не говорила в ответ, видимо, не сразу разобралась в ситуации. Тогда её сестра из своего угла промолвила:

– Катя, попроси воды принести ...

– Да неудобно, Лиза, детей заставлять ...

Мы обрадовались вдвойне. Во-первых, наконец-то они поняли, зачем мы пришли, а во-вторых, очень хотелось назад из этой непонятной холодной комнаты. Видимо, детский инстинкт подсказывал нам: здесь какая-то большая беда. Захотелось подальше от неё быть. В то же время нас охватила жалость к этим оставленным всеми старым женщинам.

– Давайте ведро! – с готовностью сказала Надя Морозова, моя подруга. – Я быстро сбегаю за водой, тут рядом колонка.

– А я дров принесу, будете печку топить. Потеплеет тогда в вашей комнате.

Первая сестра грустно сообщила нам:

– Ведра нет, есть только чайник. Можно с ним сходить за водой ...

Дров тоже нет. Не запасли ...

– Я могу за булкой сходить в магазин, – предложила Вера Обушонкова.

Старая женщина была в растерянности:

– Деньги кончились ...

Тогда и мы растерялись. Впервые мы столкнулись с такой бедностью. Это был какой-то неведомый нам жестокий холодный мир. Мы в тот раз всё-таки принесли им воды в чайнике, потом попросили их не запирайтесь, так как скоро вернёмся. В коридоре мы собрали свои копейки, подсчитали – на буханку хлеба хватит. Бегом побежали в магазин и вернулись в комнату с буханкой свежего хлеба. Сёстры обрадовались, хотя старались не показывать виду. Мы распрощались с ними дружески и пообещали снова прийти.

Дома я взволнованно рассказала бабушке и маме, у кого мы были. В ответ бабушка горько усмехнулась и сказала, обращаясь к маме:

– Видно, ссыльные. Зачем детей направлять к ним, лучше бы дали этим несчастным хотя бы маленькую пенсню.

Потом бабушка задумалась и сказала грустно:

– Если бы не ты, Елсена, да не Николай, так и у меня бы такая участь была.

Мама её начала успокаивать:

– Ну, ладно, не дали тебе ничего за работу в деревне, так должны дать пенсию за погибшего Володю. Умные люди мне сказали, что дадут.

При воспоминании о погибшем сыне бабушка ещё больше загрустила. Однако она усадила меня за стол и накормила обедом: постными щами и пшённой кашей на молоке. А на верхосятку дала стакан клюквенного киселя.

После обеда я стала просить у мамы деньги: мы с одноклассницами договорились в складчину купить старым женщинам булку и молоко. Деньги мне дали, хотя и не очень охотно, так как каждая копейка была на счету.

На следующий день после школы наша тимуровская команда направилась в магазин, а затем со скромными гостинцами мы пришли к сёстрам. Встретили они нас приветливо, поблагодарили за гостинцы. Кто-то из нас ходил с чайником за водой. Старушки были неразговорчивы, видно, тяготились нашей опекой. Да и мы, дети, чувствовали себя у них скованно: понимали, что ничем существенным мы им не можем помочь. Словно какая-то стена была между нами.

Ушли мы опечаленные и по-детски озабоченные. На следующий день в школе мы всей гурьбой подошли к пионервожатой и рассказали ей о бедных сёстрах, ожидая от неё помощи или хотя бы совета. Но Зоя Ивановна настороженно задумалась и затем сказала категоричным тоном:

– Вот что, девочки! Больше туда не ходите. Я сообщу о сёстрах в собес. Может, помогут им... Да! О них без вас позаботятся!

Прошло дня три ... Мы послушались вожатую и старушек не навещали, но душа была не на месте. Мы чего-то не понимали, но жалость и сострадание неотступно мучили нас. И наконец, мы не выдержали и решили навестить сестёр, несмотря на запрет. Пришли и долго стучали в дверь, но нам никто не открывал... На стук вышла соседка и сообщила нам, что сегодня утром сестёр куда-то увезли на машине вместе с двумя узелками их личных вещей. Нам стало не по себе, словно мы только что потеряли близкого человека... Да и неизвестность мучила. Мы ничего не понимали, что происходит с этими старушками. Мы тогда не знали словосочетания «злой рок», но именно его и утрашили наши детские души.

МИТЯ-ДУРАЧОК

Когда я училась в первом классе, весной умер Сталин. В школьном зале повесили его портрет в траурной рамке и украсили еловыми ветками. Поставили почётный караул из учителей и старшеклассников. Играла в школьном репродукторе траурная музыка. Нас выстроили на линейку и объявили о смерти вождя. Я увидела на лицах взрослых какое-то странное напряжение, а некоторые из них плакали. Это странное напряжение витало и в воздухе, и мы, дети, его чувствовали, хотя не понимали горя взрослых. Сталин для нас тогда был просто особенным именем, которое часто повторяли, и портретом, который висел в любом учреждении.

Когда я пришла домой, бабушка рассказывала с улыбкой маме:

– Сегодня стою в магазине в очередь, и как всегда, Митя-дурачок крутится около. Бабы и говорят ему:

– Лучше бы ты, Митя, помер, а не Сталин!

А он обычной своей скороговоркой отвечает:

– Нет, нет! Я жить хочу, жить! Не хочу, не хочу умирать!

Надо сказать, этот Митя был человеком известным в Череповце. Где он ночевал, никто не знал, но весь день он был на людях, в основном «дежурил» в разных магазинах и собирал подавание. Внешний вид имел отвратительный: горбатый, с толстым животом и оплывшей фигурой, с одутловатым лицом и толстыми, слегка отвисшими губами и крупными редкими зубами. Одет был в серые грязные обноски, зимой и летом ходил без шапки. Я его очень боялась и всегда старалась обойти стороной. Но глаза у него были детские, искренние, и характер он имел смиренный и добрый. Все в городе его по-своему любили за его безответность и нередко над ним подшучивали, благо он верил всему. Однажды кто-то над ним довольно зло подшутил и нарушил его покой, став со смехом его дразнить: «Ты, Митя, беременный. Скоро родишь!» Глупые и жестокие люди подхватили эту злую шутку и тоже начали его дразнить:

– Беременный! Беременный!

Юродивый не на шутку испугался и заметался. Какой-то шутник стал его разубеждать и выдал ему справку об отсутствии у него беременности, чтобы отбиваться от насмешников. Однако это вызывало новую волну жестокого веселья, когда Митя, стоя в магазине, показывал всем эту справку и,

заглядывая в глаза проходящим, неуверенно говорил:

– Я ведь не беременный. Вот и справка у меня об этом есть!

Вскоре Митя исчез бесследно. По городу поползли разные слухи. Одни говорили, что Митя был заслан к нам в город английским шпионом и теперь бежал за границу. Другие утверждали шёпотом, что Митю, как врага народа, отправили в заключение, в лагерь. А третьи утверждали, что юродивый просто был тяжело больным человеком, и его поместили в какой-то дом инвалидов.

Итак, Сталин вошёл в историю, его до сих пор восхваляют или, наоборот, проклинают. А при жизни о нём боялись сказать неосторожное слово. Митя же бесследно растворился в потоке времени... О нём и ему в глаза любой мог сказать, не боясь, всё, что заблагорассудится...

А ведь они были современниками...

Вот эта маленькая и незамысловатая, но вечная история жизни властителя, с одной стороны, и маленького, слабого человека с другой...

ТЁТЯ ЛИЗА

Нищету, унижение, притеснения и другие беды люди переносят по-разному, не в осуждение будь сказано. Вспоминается мне судьба тёти Лизы, ещё одной прихожанки Воскресенского собора 50-60-х годов.

Кем была тётя Лиза до ареста мужа перед войной, я не знаю. Помню уже послевоенное её житие. Однажды по какой-то причине мама взяла меня с собой на работу в институт. Сначала я смиренно сидела в её кабинете, а потом стала бродить по длинным коридорам старинного здания, бывшего реального училища, где тогда размещался учительский институт. На второй этаж вела широкая лестница с чугунными ступенями и витыми перилами. Она мне показалась таинственной, и мне захотелось узнать, куда же она ведёт. Я подошла к ней и уже хотела подниматься по ступеням на второй этаж, как тут из-под лестницы, из небольшой дверки, вышла пожилая полноватая женщина и спросила меня:

– Девочка, ты куда направилась?

– Хочу посмотреть, что там выше.

– Откуда ты появилась? Как звать тебя и чья ты будешь? – продолжала спрашивать меня женщина спокойным привет-

ливым голосом. Я объяснила ей, кто я такая и показала кабинет, где работала моя мать.

Тогда она заглянула в кабинет и спросила маму:

– Елсна Степановна, пусть Люся у меня пока побудет.

– Хорошо, тётя Лиза! Я скоро за ней зайду.

Я с интересом пошла с ней по коридору назад к лестнице, мы свернули под неё, и тётя Лиза открыла небольшую дверь... Я остановилась на пороге от изумления: вместо ожидаемой комнаты (ведь тётя Лиза там жила!) перед нами была небольшая продолговатая каморка с окном, она вмещала узкую кровать, столик-тумбочку и табуретку. Ещё оставался узкий проход между кроватью и противоположной стеной. Каморка блистала чистотой: прозрачные стёкла в окне сверкали, на окне стояла цветущая герань, кровать сияла белизной покрывала и кружевной накидки на подушке, столик был покрыт тоже кружевной скатертью, на полу лежал чистый половичок. С низкого косого потолка свисал аккуратный зеленоватый абажурчик. На табурете, покрытом ковриком, сидел котёнок и умывался.

Как известно, дети любят всё маленькое, поэтому каморка тёти Лизы мне очень понравилась. Мне стало очень весело, и я сказала тёте Лизе:

– Я тоже хочу здесь жить! Здесь как в сказке!

– Упаси Бог! – вырвалось у тёти Лизы. – Давай лучше чай пить.

Она неспеша сняла кружевную скатерть с тумбочки, под ней оказалась цветастая клеёнка, достала из тумбочки две красивых чашки, сахарницу, белый хлеб и выставила всё это на клеёнку. Затем она пошла с небольшим эмалированным чайником за горячей водой к титану, который в те времена всегда грелся в институте для всяких нужд. У самой тёти Лизы не было никакого домашнего хозяйства. Она жила, как птица Божия.

После той первой встречи я много раз встречала тётю Лизу, когда приходила к маме в институт. Меня всегда поражало её удивительное спокойствие в самых разных ситуациях. Но вот пришли хрущёвские времена, и я впервые увидела плачущую тётю Лизу. После многих лет неизвестности вдруг вернулся из сибирского лагеря её муж. Его реабилитировали, даже квартиру дали хорошую. Однажды мама пошла к ней в гости, и я захотела пойти с ней. В светлой чистой квартире хозяйничала

печальная тётя Лиза, и я поняла, почему она так печальна: её вернувшийся муж, исхудавший, жёлтый, сидел, сгорбившись, у стола и всё время молчал. Через полгода он умер, несмотря на терпеливые старания тётя Лизы воскресить его. После смерти мужа она надела чёрный платок и больше его не снимала.

В обстановке скудости и нищеты она была полна жизни и спокойствия, так как у неё была надежда. Вера её поддерживала. И сейчас, потеряв надежду, она, однако, не потеряла веру в Бога. Ею она и жила оставшиеся годы.

Глава 9. **СОЧЕЛЬНИК И СВЯТКИ** **В БОГОБОРЧЕСКИЕ ГОДЫ**

В годы моего послевоенного детства новогодняя ёлка была сказочным подарком для всех детей, не избалованных жизнью. Мы ждали праздничного запаха сли, апельсинов, конфет, вёсёлой суэты на детском утреннике. Но запомнились мне не столько сами детские праздники, каждый год повторяющиеся, а те неожиданные новогодние события, которые однажды случились со мной и которые потом получили в моей памяти какой-то странный ореол таинственности и многозначительности. О них я и собираюсь рассказать в своих воспоминаниях о детстве.

Замечу, что о христианских народных обычаях в Рождественский Сочельник и на Святках мы, дети, тогда не знали. Всё это было под официальным запретом атеистической власти и существовало в народной жизни только как фольклор. Я, конечно, слышала от бабушки и её подруг кое-что об этом, когда они сживали у нас часами, предаваясь воспоминаниям о прошлом, но для меня это было подобно какой-то сказке. Тем не менее, уже в те ранние годы мне довелось пережить и даже немного уловить смысл тех таинственных дней, предшествующих Рождеству Христову, и дней, последующих за Рождеством.

РЯЖЕННЫЕ

Начну не с Сочельника, а со Святков, так как это более соответствует хронологии моих воспоминаний.

Когда мне было лет шесть или семь, я впервые увидела ряженых. Однажды морозным январским вечером мы с бабушкой

и нашей родственницей Тamarой Тихомировой, девочкой лет десяти, сидели на лежанке и грелись. В нашей комнате было холодно, от окон дуло, и единственным спасением была печка с лежанкой. На стене висела тёмная тарелка репродуктора, от туда лилась прекрасная музыка, которая нас одновременно и убаюкивала, и оживляла...

Вдруг в коридоре раздался топот многих ног и громкие возбуждённые голоса. Дверь резко распахнулась, и в комнату вместе с коридорным холодом ввалилась толпа каких-то странных существ. Они плясали, пели, что-то выкрикивали... От страха я закрыла глаза, уткнулась лицом в бабушкины колени и заплакала...

Бабушка грозно закричала, перекивая общий гам ряженых:

– А ну, пошли отсюда! Робёнка напугали, окоянные!

Видя, что бабушка их не боится, я немного осмелела и стала их разглядывать. Самое страшное существо было в какой-то рогатой маске и в вывернутом наизнанку полушубке. Оно мелко дробило ногами и что-то приговаривало. Одежда других тоже удивляла нелепостью, и они были в масках, пели и смешно плясали. Наша небольшая комната была заполнена ими. Всё это создавало впечатление какого-то нереального, фантастического мира.

Не обращая внимания на бабушкин окрик, они продолжали веселиться как дома. Тогда бабушка пошла на хитрость:

– Робята! Сейчас приведу от соседей нашего деда Степана. Он Вас всех палкой розгонит!...

(На самом деле, мой дедушка Степан был на дежурстве. Он работал вахтёром на заводе «Красная звезда» и должен был вернуться только утром).

Незванные гости продолжали петь и плясать... Однако через какое-то время так же внезапно, как появились, начали выбегать из нашей комнаты. Остался только их главный ряженный, одетый в вывернутую шубу. Он сказал бабушке:

– Ведь Святки! Чего сердиться! Лучше поднеси рюмочку.

– Ну, Петро! Напугал робёнка! Иди своей дорогой! У нас сроду вина не бывало, – ответила бабушка.

На прощанье в дверях Петро крикнул весело, но с схицей:

– Я думал: только на Онисимове народ вредной, а и квасюнята не лучше!

Когда все ушли и наступила тишина, я удивлённо спросила бабушку:

– Кто это был? Ты их знаешь, что ли?

Бабушка стала рассказывать мне о старом обычае ходить ряжеными по домам в Святки, петь и плясать, чтобы заработать угощение. Одного из пришедших она узнала:

– Петро из наших краёв мужик, с Анисимова. Смолоду любил поозорничать. Ишь, квасюнятами нас назвал по старой памяти. А мы уже годов двадцать в Квасюнине не живём!

По интонации, с которой бабушка всё это говорила, я почувствовала, что она почему-то рада случившемуся. Тамара, приехавшая к нам из Квасюнина, тоже как-то оживилась.

Вскоре пришла мама с работы, и мы сели ужинать. Так мирно закончился наш святочный вечер.

Потом я неоднократно видела деревенских ряженных, но и тогда мне они казались существами из иного, страшного, мира. Сейчас, в начале XXI века, этими древними языческими играми и персонажами никого не удивишь. Баба Яга, бесы, всевозможные страшилища теперь желанные гости на всех детских праздниках. О них снимают фильмы. Их игрушечными изображениями полны детские магазины. Как-то раз на улице я увидела красивого нарядного мальчика, играющего с мерзким чёрным человеком-пауком – современной детской игрушкой. На неё и смотреть было тошно, не только к ней прикасаться. Сатанинских дух витал вокруг этого зрелища ... В руках у невинного и чистого ребёнка – изображение исчадия ада ...

А что говорить о неоязычниках, которые возвели в новый культ различные оргии. Ведь это уже не старинные народные обычаи, не фольклор, а часть спланированного целенаправленного распыления русской культуры, которая издревле основана на Православии.

В СОЧЕЛЬНИК

Эта история покажется странной нынешним жителям Череповца – благоустроенного современного города, по улицам которого туда и сюда снуют автобусы, трамваи и автомобили. Но в 1955 году благоустроенным по тем временам казался только старый Череповец. А вокруг него царил первобытный хаос грандиозной стройки, где было всё: и зачатки улиц новых высоких домов, и бесконечные улицы барачков, в которых жили

строители, и пустыри, и остатки старого кладбища ... По этим почти необжитым местам изредка курсировали старые автобусы, всегда переполненные народом... Именно к тем временам и относится мой рассказ.

Однажды, когда мне было лет десять, тётя Таня, мамина подруга, дала мне пригласительный билет во Дворец строителей. В те времена он находился на окраине Череповца и был окружён многочисленными бараками, где жили приезжие строители металлургического комбината, среди которых было много недавно освобождённых из тюрем. Нередко в этих бараках вспыхивали драки и поножовщина, процветала пьянка. Но, конечно, там жили и совсем другие люди – бывшие колхозники, которым чудом удалось получить паспорт и уехать из родных мест на чужбину на заработки.

Я привыкла свободно, без боязни, ходить по старому Череповцу, поэтому самонадеянно села на автобус и поехала на предстоящий праздник. В автобусе я вскоре увидела в окно незнакомые улицы, сплошь состоящие из бараков, и начала соображать, что не знаю, где мне следует выходить. За окном началась метель, стемнело ... На меня напал страх: «Да куда же я еду?!»

Тогда я решила немедленно выйти на первой же остановке... В дверях я столкнулась с Тамарой Латышевой. Она была всего на год старше меня, но уже занимала пост председателя совета дружины в пионерской организации нашей школы. Когда мы вышли на улицу, я спросила у Тамары:

– Не знаешь, где здесь Дворец строителей?

– Я дальше этой остановки не ездила, поэтому не знаю где...

Потом как всегда уверенным голосом добавила:

– Пойдём, зайдём со мной к нашим знакомым, они помогут!

Мы долго пробирались сквозь метель по заснеженной улице, и, наконец, зашли в один из бараков. Тамарины знакомые жили в небольшой комнате. Это были две женщины: пожилая и молодая с грудным ребёнком на руках. Кем они приходились Тамаре, я тогда не поняла. Мне было не до этого. Было жарко от натопленной плиты, и мы стали согреваться после холода и снежного ветра. Я подавленно молчала, а моя спутница стала расспрашивать, как всё-таки добраться до Дворца строителей. Из их довольно путаных объяснений я поняла только одно – он находится далеко отсюда. Что делать?..

Выходить в метель никому не хотелось. Но я, отогревшись немного, всё-таки начала надевать своё пальтишко. Молодая женщина посмотрела на мой унылый вид и тоже стала собираться. Она положила в кроватку уснувшего к тому времени ребёнка и, одеваясь, тихо что-то сказала своей матери. Та недовольно кивнула головой. Мне было очень стыдно этих чужих мне людей, но делать было нечего: я не стала отказываться от помощи.

Когда мы вышли на улицу, мне показалось, что метель и ветер еще более усилились... Моя провожатая вела меня, то и дело спрашивая у редких прохожих, в каком направлении нам идти. Но мы при этом получали противоречивые советы. Наконец, моя спутница решила возвращаться домой и виновато сказала, указывая на приближающегося прохожего:

– Вон сейчас мужчина подойдет, попросим его проводить тебя. А то мне надо к сынку возвращаться.

Подожёл пожилой мужчина. Моя провожатая, оправдываясь своими обстоятельствами, стала его просить проводить меня до места. Видимо, пожалев, тот молча взял меня за руку и уверенно повёл сквозь метель дальше. Я несколько не испугалась, но сил у меня уже было мало. Моё путешествие по барачным улицам затянулось... К счастью, когда мы повернули на перекрёстке на другую улицу, я увидела этот долгожданный Дворец строителей! Молчаливый мой спутник пошёл своей дорогой, а я из последних сил побежала вперёд.

Оказалось, что праздничный утренник уже закончился. Слишком долго я сюда добиралась! В пустом зале меня встретила неприветливая женщина и, когда я протянула свой приглашенный билет, сердито сообщила мне, что все подарки тоже закончились. Я молча, совершенно убитая последней неудачей, повернулась и пошла к выходу. Закрывая входную дверь, я вдруг услышала за спиной звонкий голос:

– Стой, девочка! Стой!

Это кричала незнакомая молодая девушка с длинной косой. Она подбежала ко мне и с улыбкой протянула мне подарочный пакет:

– Вот твой подарок, девочка! Возьми!

Я, уже ничему не удивляясь, взяла подарок и, тронутая вниманием, робко спросила:

– Скажите, как мне найти автобусную остановку? Мне надо на Социалку ехать, домой.

Социалкой тогда все называли улицу Социалистическую в старом городе недалеко от реки Ягорбы. Девушка взяла мои ледяные руки в свои тёплые ладони и внимательно посмотрела мне в глаза, в которых уже стояли слёзы.

– Подожди меня, – промолвила моя спасительница, – Я оденушь только, и мы вместе поедем. Я ведь тоже в том краю живу.

* * *

Обратный путь домой был на удивление лёгким. Остановка автобуса оказалась совсем рядом, и мы быстро досехали до старой части города, а там уже вместе с девушкой дошли до моего дома. Мы попрощались, и я, наконец, оказалась в своей комнате. Там меня ждали новые потрясения: мама с бабушкой, перепуганные моим долгим отсутствием, встретили меня неласково. Но увидев, что я еле стою на ногах помогли мне раздеться и усадили за стол, на котором стояло угощение. Тут только я увидела, что у нас неожиданные гости из родных мест – двоюродная сестра моей мамы с мужем, молодожёны. От них всяло какой-то свежей радостью и светом любви. Даже я, ребёнок, это почувствовала, несмотря на усталость.

Я выпила чаю и начала клевать носом – меня одолевал сон. Мама, уложила меня за ширмой на диван и, глядя на моё необычно разгорячённое лицо, решила поставить мне градусник. Уже засыпая, я услышала, как мама сказала бабушке:

– Да у неё температура высокая...

А что было дальше, я уже ничего не помню.

Это было 6 января 1955 года, в Рождественский Сочельник. Иисус Христос и Пресвятая Богородица оберегали меня от беды весь это вечер, послав добрых людей. Ведь Рождество – это, прежде всего, детский праздник.

ГАДАНИЕ

Человек любит загадывать о том, что же его ожидает в будущем. Эта его неистребимая привычка нередко выражается в различных примитивных гаданиях, например, на картах. Даже люди, считающие себя православными, бывают не чужды этой вредной по сути привычки.

Помню, как однажды зимой собрались наши родственницы у Надежды Андреевны Вальковой на Советском проспекте и вспомнили, что идут Святки. Захотелось побаловаться, поду-

рачиться и, конечно, погадать, как это было принято в их ранней довосонной юности в Квасюнинне. Мы, дети, очень обрадовались и заинтересовались, услышав об этом. Стали думать, как умудриться погадать в городской квартирсе. Ведь ни бани, ни сеновала, где это обычно делали в деревне, в городе нет. Предлагались разные способы, но ничего не подходило для данных обстоятельств. Наконец, сама хозяйка, высокая красивая брюнетка, вспомнила один способ. Он заключался в следующем: надо подойти к белой стене печки с блюдом, на котором лежит смятый лист бумаги, затем, выключив электрический свет, поджечь эту бумагу и посмотреть, какой знак показывает на печке тень от сожжённой бумаги. Причём надо уловить этот момент, пока бумага не рассыпалась в пепел.

И вот гадание началось. Мы окружили тётю Дину (так мы, дети, звали Надежду Андресвну) и стали смотреть на её таинственное действие. Она положила на блюдо смятый лист бумаги и спросила задорно: «На кого первого будем гадать?» Кто-то боязливо ответил: «Давай сначала на тебя!» Выключили свет, Надежда Андресвна зажгла бумагу, она мгновенно сгорела, и все впились взглядами в тень от неё на печке... Но увы!.. Как ни смотрели, ничего осмысленного не увидели... Нас охватило разочарование, но и смелость появилась. Все наперебой стали просить погадать на него. Но опять и опять разочарование... Каждый раз тень от сожженной бумаги никакого пророческого знака не изображала.

Наконец, попросила погадать на неё Линушка, гостья из Квасюнина. Это была высокая, стеснительная женщина средних лет с добрыми доверчивыми глазами. В деревне к ней относились к легкой насмешкой за её удивительную простоту и наивность, поэтому и звали эту взрослую и трудолюбивую женщину как ребёнка – Линушка. Надежде Андресвне уже надоела эта глупая затея с гаданием, и она стала отказываться, но мы ещё не остыли от ожидания чего-то чудесного и стали просить её погадать в последний раз. И вот снова зажгли смятую бумагу, и, когда она прогорела, все явственно увидели тень от неё на печке в виде могильного холма и креста на нём. Мы ахнули и замолчали... А Линушка зарыдала, заранее оплакивая свою участь. Мы стали её успокаивать. Но, когда кто-то перевернул бумагу на блюде, желая поменять картинку на печке, то мы увидели в боковой проекции гроб и контур лежащего в

нём покойника... Стало как-то не по себе... Мы испугались... А Линушка ещё громче зарыдала, причитая что-то.

Зажгли свет, стало скучно и уныло в комнате... Мы, дети, загрустили. Надежда Андреевна и её сестра Ольга Андреевна стали Линушку успокаивать, говорили ей:

– Ну, что ты плачешь! Все умрём когда-нибудь! А ты так дольше всех нас проживёшь. Вон какая ты здоровая! Не нам чета!

Так закончился наш святочный вечер и гадание. Лукавый выбрал самого незащитного человека, смутил всех нас, поиздевался над нами с удовольствием...

Ведь Линушка жила до глубокой старости...

К сожалению, многие обжигаются на тяге к ложно таинственному. А ведь главная Божия тайна – это наша жизнь и наша свобода, дарованные Господом.

Глава 10.

«КОГДА Б ИМЕЛ ЗЛАТЫЕ ГОРЫ...»

В послевоенные годы на весь наш городок Череповец был один кинотеатр «Горн». Билеты на сеансы были копеечные, но попробуй купи их! В кассу всегда стояла большая очередь, и билеты быстро заканчивались. Помню, сколько огорчений у нас было, когда не удавалось попасть на сеанс. К 60-м годам был построен кинотеатр «Комсомолец», куда мы ходили уже в старших классах.

Удавалось мне посмотреть фильмы и у соседней Петуховых, которые первые в нашем доме купили телевизор. Вспоминаю и удивляюсь простоте нравов в те времена: постоянно вечером приходят соседи, рассаживаются по небольшой комнате Петуховых кто где придётся и смотрят два часа телевизор. И хозяева не высказывают никакого недовольствия, а даже приглашают:

– Приходите завтра. Снова общают хороший фильм показать...

Люди были ближе и роднее друг к другу после войны.

Как ни странно, в раннем детстве я чаще смотрела фильмы летом в Квасюнине, чем в Череповце. Кино показывали в старом клубе раз в неделю. Киномеханик запускал в клуб всех, кто покупал копейные билеты. Сидели не только на лавках (стульев там не было), но и на полу. Старая лента давала рябо-

ватое изображение на экране и потрескивающий звук. Иногда рвалась. Но всё это для нас было неважно. Мы были увлечены сюжетом! После сеанса скамейки расставляли по стенам, и всегда была пляска и частушки под гармошку. А позднее уже стали крутить радиолу и танцевать вальс. Пластинок было мало, без конца крутили «Вальс цветов», но всё равно было весело. Посмотреть, как пляшет и танцует молодёжь, приходили пожилые женщины-колхозницы, садились по стенке на лавку, переговаривались. Смотреть фильмы они не ходили, а любовались только на живое действие живых родных людей. Домой они уходили рано, а молодёжь продолжала веселиться. К 12 часам ночи движок заканчивал работу, свет гас и все расходились кто куда: кто домой, а кто – гулять по деревенской улице и околице. Помню мы с моей троюродной сестрой Тamarой, вернувшись домой, не стучали в двери, а тихо залезали в открытое окно, чтобы не будить тётю Раю и её маленького сына Вову.

Но главная особенность того времени заключалась в том, что люди не занимались постоянным созерцанием чужой придуманной кем-то жизни на экране, как это характерно для нашего времени, когда ребёнка уже с пелёнок «подсаживают» на телевизор или смартфон. Все жили своей нелёгкой, порой тяжёлой даже, но именно собственной жизнью. При этом не утратили чувство радости: радовались праздникам, встречам с близкими людьми. Умели веселиться без посторонней помощи.

В Череповце наши квасюнинские родственники всегда собирались вместе за праздничным столом у нас или у Ульяны Ивановны Вальковой. Угощали друг друга от души всем, что удавалось приготовить. Основным угощением тогда были пироги. Но главным утешением при встрече близких были разговоры и песни. Часто пели хором народную песню: «Когда б имел золотые горы»:

*Когда б имел золотые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.*

*Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.*

*Тогда свободно и счастливо
С молитвой ты пойдешь к венцу.*

*Ах, нет, твою, голубка, руку
Просил я у него не раз.
Но он не понял мою муку
И дал жестокий мне отказ.*

Песня была очень длинной с печальным концом. Постоянно в застолье также любили петь «Ванька – ключник – злой разлучник...», «Ой, полным полна коробушка», «Живёт моя отрада высоко в терему...» и другие подобные им любимые народом песни. Были среди наших гостей и солисты, которые имели свой особый репертуар.

До сих пор звучат в душе голоса племянников моей бабушки – Юрия и Ольги Вальковых. Особенно врезалось в память, как Ольга Андреевна низким трагическим голосом пела некрасовское:

– Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село.

Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...

Пение ее пробирало до костей каким-то особым морозом печали и трагического восторга одновременно.

Её брат, Юрий Андреевич, пел под гитару также некрасовское:

– Где твоё личико смуглое, нынче смеётся кому?

Эх, одиночество круглое не посулю никому!..

Пел он и романы «Очи чёрные», «Всё васильки-васильки...», а также многие стихотворения Сергея Есенина, ставшие песнями. Пел он с воодушевлением, но негромко и удивительно тонко передавая оттенки мелодии песни, а через это и свои чувства. Именно свои, а не чужие. Мне, ребёнку, тогда казалось, что он сам придумал слова песни и сочинил мелодию к ним.

Юрий Андреевич часто навещал мою бабушку – мать своего лучшего друга детства и юности Владимира Калачёва, погибшего под Ленинградом в 1943 году. Бабушка до самой своей смерти не верила, что сын погиб и ждала его, поэтому, когда Юрий пел есенинское «Письмо матери»:

– Ты жива ещё, моя старушка?

Жив и я, привет тебе, привет!..

– она начинала тихо плакать. Глядя на неё, и я едва могла справиться со слезами.

Но настоящей певицей была моя крёстная тётя Рая, жена другого бабушкиного племянника – Ростислава, который пропал без вести во время войны. Всегда с большим трудом родственникам удавалось уговорить ее петь. Она долго категорически отказывалась. Видимо, считала, что ей, как вдове, не пристало петь, да и не было соответствующего настроения. Однако всем гостям очень хотелось послушать ее замечательное пение, они упорно её уговаривали, и, наконец, она соглашалась. Голос у неё был грудной и очень сильный. Казалось, что от её пения звенят в окнах стёкла ... Хотя её никто не учил пению, у неё был голос оперной певицы. Слушая её, все наши гости погружались в какой-то печальный, и в то же время яркий, мир. Почему-то ее всегда просили исполнить одну и ту же песню «Лихорадушка». Я, будучи ребёнком, не задумывалась над её смыслом, а наслаждалась только необычно красивым голосом своей крёстной. Вот слова этой народной песни:

*Голова ль моя, ты головушка,
Голова ль моя, ты буяная!
Ой лю-ли, лю-ли, ты буяная!*

*Выдал батюшка за немилгого,
За немилгого, за ревнивого.
Ой лю-ли, лю-ли, за ревнивого!*

*Он лежит, лежит во постелюшке,
Его бьёт-трясёт лихорадушка,
Ой лю-ли, лю-ли, лихорадушка!*

*Ах ты, матушка-лихорадушка,
Потряси мужа хорошенечко,
Ой лю-ли, лю-ли, хорошенечко!*

*Ты тряси больней, чтобы был добрей,
Разминай кости, чтоб пуцал в гости,
Ой лю-ли, лю-ли, чтоб пуцал в гости!*

Когда я стала старше, то начала понимать, почему Раиса Ивановна всегда упорно отказывалась петь эту песню. Покойный муж её, Ростислав, был значительно старше её и, как говорила сама Раиса, сильно её ревновал. Он завёдовал клубом, искусно играл на балалайке, причём, не только народные песни, весёлые и грустные, но и импровизировал, например, достоверно изображал, как поют монахи в церкви. Именно в клубе на занятиях художественной самодеятельности Ростислав и познакомился с Раисой. Они женились перед войной, но счастье было недолгим. Весной сорок первого его арестовали поговору и отправили в тюрьму под Ленинград. Началась война, блокада, и вот человек пропал без вести... Кто-то из земляков, вернувшийся с фронта, рассказывал Раисе Ивановне, что видел Ростислава в декабре сорок первого среди отпущенных из тюрьмы изможденных людей, бредущих по льду Ладожского озера в сторону Ленинграда. Уже в девяностые годы его дочь Тамара, искавшая следы пропавшего когда-то отца, получила извещение о том, что он умер в блокадном городе в 1942 году.

До сих пор я не понимаю, почему же тогда родственники так упорно уговаривали Раису Ивановну петь «Лихорадушку». Неужели потому, что артистическое искусство певицы способно было победить трагедию реальной её жизни?

Народ тогда пел грустные песни, но жил много веселее нынешних иных весельчаков, которые не сходят с экранов телевизоров в наше время. Потому что народ жил тогда настоящей, своей собственной жизнью со всеми её бедами и радостями.

Когда мне было лет восемь, в очередной раз приехал к нам в отпуск из Польши мой дядя Коля. В Москве купил патефон и кучу пластинок. Это были народные песни, арии из опер, песни военных лет. Звук патефона был для нас непривычно громким и резким. Когда запела самая первая пластинка, наш кот Мурзик обезумел, стал метаться по комнате, а потом выскочил в открытое окно. Кроме фабричных пластинок, была даже одна тонкая самодельная пластинка с песнями эмигранта Лешенко, например, с песней «Белой акации гроздь душистые вновь ароматом, ароматом полны...». Мне почему-то особенно запомнилась и запала в душу другая песня (совершенно не детская) которую пел мужской хор: «Плещут холодные волны, бьются о берег морской. Носятся белые чайки, голос их полон тоской...». То ли поражала торжественная печаль этой песни?

То ли потому, что моя жизнь зарождалась на полуострове Рыбачий у берегов Баренцова моря, там, где тоже «плещут холодные волны»? Там встретились мои родители, но вскоре после войны их судьбы разошлись, как в море корабли...

Глава 11.

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ В КВАСЮНИНО

С ранних лет моя жизнь была связана с деревней Квасюнино, расположенной на берегу реки Шексны, в том месте, где в неё впадает маленькая речка Игайка. Мои родственники, жившие с предвоенных лет в Череповце, очень тосковали по своим родным местам. Каждое лето они ездили в Квасюнино и брали меня с собой. Особенно памятны первые встречи с этой деревней, ставшей и мне родной и незабвенной.

КРУШИНА

Солнце зашло за дальний горизонт, когда старенький пароход «Свирь» или, как его называли в народе – «Свирь кособокая», причалил к пристани на Шексне.

Невероятная тишина оглушила нас, когда пароход отплыл вдаль, и мы оказались совершенно одни на топком низком берегу. От реки несло ночной прохладой. Почти к самой воде подступал еловый лес. Только в одном месте был едва заметен просвет. Молча пошли по вольно петляющей по лугу тропинке в лес.

Я была напугана необычайной для моего городского слуха тишиной, влажным воздухом, насыщенным непривычными ароматами леса и цветущих трав, безлюдьем и вечерним небом, таинственно светящимся каким-то внутренним светом. Постепенно я начала различать какие-то звуки, потаённые, неизвестные. Неожиданно кто-то заплакал тонким голосом.

– Не бойся, Люся, это птица – чибис, – сказала бабушка, которая вела меня за руку.

Мы прошли по довольно широкой просеке, лес вдруг кончился, перед нами распахнулись широкие поля. Быстро темнело, и я почти угадывала по запаху, что вплотную к дороге подступили цветы, мне неведомые и таинственные. Сердце радовалось и ликовало, как птица, выпущенная на свободу. Шли легко и весело. Женщины тихо переговаривались, но я их не

слышала: вся была поглощена созерцанием неведомого мира.

Вдалеке на горизонте показались мерцающие слабые огоньки, а затем и чернеющие контуры деревьев и изб. Однако идти пришлось ещё долго, пока мы не вошли в деревню. К тому времени летняя северная ночь полностью укутала прозрачной тенью дома и огорода. Ни огонька, ни звука. Теплотой и запахами пыли, навоза и молока был наполнен деревенский воздух.

Когда проходили мимо большого древнего амбара, увидели маленький огонёк папироски и услышали старческий голос:

– Здорово, бабы! Кто будетё?

Бабушка откликнулась первой:

– А, это ты, Осип. Здравствуй! Свои-свои. Из Череповца к Раисе приехали.

Женщины остановились, все были рады почему-то встрече с этим едва видимым в темноте стариком. Когда двинулись дальше, я спросила:

– Бабушка, кто это?

Но бабушка молчала.

Наконец остановились у крылечка дома, заросшего со всех сторон тополями, черёмухой и сиренью. Бабушка постучала в двери. Почти сразу в доме послышались чьи-то быстрые шаги, раздался радостный грудной смех и двери распахнулись. На пороге появилась полноватая женщина с гладко зачёсанными назад волосами и маленькими смеющимися глазами:

– Слава Богу! Приехали, наконец! А я который день жду вас!

На меня повеяло чем-то родным и давно знакомым, как будто я вспомнила что-то доброе и давно забытое. О Раисе я знала тогда только из разговоров взрослых о деревне и деревенских родственниках. Через год она стала моей крёстной.

Прошли через тёмные сени в маленькую кухню с русской печью. Хозяйка быстро собрала на стол: молоко, ещё не остывшее, парное, и пироги. Было шумно и радостно: все о чём-то говорили и что-то рассказывали, перебивая друг друга, будто долго ждали этого мгновения, чтобы досыта наговориться. Под этот говор я начала дремать и вскоре уснула.

Разбудил меня громкий крик петуха. Было раннее утро. Лучи солнца едва пробивались сквозь густую зелень вокруг дома и играли светлыми зайчиками на чистом деревянном полу. Бабушка ещё спала. Я встала, с удовольствием прошлась по широким гладким половицам и выглянула в двери, ведущие

из комнаты в кухню. Там уже всюду топилась печь, а у стола стояла Раиса и готовила начинку для пирогов.

– Что, Люся, выпалась? Иди умываться к рукомойнику, а потом съешь яичко горяченькое!

С рукомойником я справиться не смогла: это оказался подвешенный на цепочке кувшин с двумя рыльцами, о которые я чуть не набила шишки на лбу. Тётя Рая помогла мне умыться из хитрого умывальника. Это необычное занятие мне даже понравилось: я воспринимала такое умывание как новую весёлую игру.

Когда все проснулись и собрались за самоваром, начался опять шумный разговор. Речь шла о том, куда идти за ягодами. В свой, ближайший к деревне, лес, который все именовали Кривоноговом, или Квасюнинской выгородой? Или идти в более дальний лес – Копосиськую выгороду, принадлежащую деревне Копосиха? Решено было идти в дальний лес, а меня оставить дома с Раисой. Очень хотелось пойти в лес собирать ягоды. Ведь я об этом знала только по сказкам, которые мне читали или рассказывали взрослые. Не видела я, как ягоды растут! Но, несмотря на мои просьбы, меня оставили дома.

– Мы с тобой скучать не будем! – успокаивала меня Раиса, когда я смотрела в окно вслед уходящим.

– Пойдём, кур покормим, возьми зерно.

И завертелись, закрутились одно за другим разные интересные дела, новые и ранее мне неизвестные.

Когда шли за водой на колодец, я заметила брошенную у обочины большую зелёную ветку, всю усыпанную блестящими чёрными ягодами. Я остановилась и начала срывать и есть ягоды. Они показались мне невкусными, но я всё-таки их ела и ела, пока Раиса не позвала меня издали. Она так и не поняла, что задержало меня на дороге.

Когда все дела были переделаны, уставшая Раиса решила отдохнуть, залезла на печь, а с ней и я. Незаметно меня обступил тяжёлый сон, было жарко, душно, как-то тревожно. Проснулась я от скрипа дверей. Открыла глаза и увидела, что у порога стоит старая цыганка, нарядная, но печальная. Мне подумалось, что я ещё сплю, и мне снится такой сон. Я закрыла глаза, снова их открыла, но увидела то же самое. Цыганка не исчезла, она по-прежнему тихо стояла и как будто чего-то ожидала молча. Мне стало страшно. А вдруг она пришла украсть меня? Ведь цыгане крадут детей!

Цыганка продолжала стоять и молчать. Я лежала, затаившись. Тошнило, и сильно болела голова. Рядом спокойно храпывала Раиса. Что делать!..

Наконец, Раиса проснулась как от толчка, внезапно. Она заметила стоящую у дверей цыганку и весело, приветливо заговорила:

– Мария! Здравствуй! Давно так стоишь? Что же не разбудила меня?

Я немного успокоилась и подумала: «Это хорошая цыганка! Её тётя Рая знает». Но голова продолжала болеть всё сильнее и сильнее, сильно тошнило.

Раиса усадила Марию за стол, стала угощать пирогами. Я наблюдала с печи, как цыганка посидела немного и ушла, по-прежнему окутанная какой-то тайной.

Когда бабушка с родственницами вернулись из лесу, я, совершенно больная и бледная, лежала на кровати. Правда рвота и судороги уже прекратились, но голова ещё болела. Расстроенная Раиса рассказывала испуганной бабушке, что я, видно, угорела. Однако никакого угара в доме не было. Одна из родственниц стала указывать на цыганку – не она ли меня сглазила? Но Раиса твёрдо стояла на том, что Мария – человек православный и честный. Она давно её знает. Бабушка стала расспрашивать, чем занималась я и что ела. В конце концов, выяснили, что я поела чёрных ягод с ветки на дороге. Раиса вскрикнула:

– Так это же крушина!

«Крушина!» - эхом отозвалось в моей больной голове. – «Крушина!»

Следующий день принёс новые события. Началось с того, что я проснулась от жалобного, но требовательного лая за окном. Собака лаяла как-то странно: проласт три раза хриплым голосом и замолчит, словно чего-то выжидая. Потом всё начинается сначала. Наконец, я заинтересовалась необычной собакой, встала и подошла к окну. Выглянув из окна, я, действительно, увидела необычную собаку. Это был огромный старый пёс, такой худой, что страшно было на него смотреть: он походил на собачий скелет, не на живую собаку. Однако глаза его были необыкновенно живыми и горели страданием и печалью. Я чуть не заплакала от ужаса. Вовремя подросла дочка Раисы Тамара, девочка лет десяти.

– Дик! Дик! – закричала она в окно. – Опять попрошайничать пришёл. – На!

И она бросила собаке корку хлеба. Та мгновенно её схватила и с жадностью съела. Снова раздался отрывистый и одновременно воющий лай.

– Что лаешь? Тоже председатель ничего на трудодни не даёт?! – со смехом сказала подошедшая Раиса. Тамара пояснила:

– Это председательская собака, на охоту с ней ходит, но не кормит её.

– Что такое трудодни? – спросила я, с замиранием сердца наблюдавшая эту сцену. Я была маленькой городской девочкой и ни разу не видела таких голодных собак, хотя шёл пятьдесят первый год, и я помнила, что ещё совсем недавно ложилась спать впроголодь. Бабушка потом с печальной улыбкой вспоминала, как я, ещё не умея правильно выговаривать слова, просила перед сном у неё: «Баба, дай леба толью!» В переводе это значило: «Дай хлеба с солью!» Но такого голодного существа я не видела ни разу! Тамара со знанием дела ответила на мой вопрос:

– Трудодни – это зерно за работу в колхозе выдают колхозникам. Только не всегда дают. Иногда.

Я ничего не поняла толком, но спросила:

– А из чего же тогда тётя Рая такие вкусные пироги вчера напекла? Даже цыганке понравились, – добавила я, вспомнив вчерашний день.

– Так это же твоя бабушка привезла из города муки, а яички и сметана – наши. Ты же видела кур и коз.

Пёс Дик повыл и ушёл просить пропитание к другому дому, а я на всю жизнь запомнила голодные собачьи глаза, как будто заглянула в иной страшный мир, ранее мне незнакомый. Ведь в детстве мы более зрячи.

ФЕОКТИСТА

На следующий год, летом 1952 года, бабушка снова привезла меня в семилетнем возрасте на свою родину – в деревню Квасюнино. Остановились опять у гостеприимной родственницы Раисы Ивановны, которая на следующий день испекла пирог, что в те голодные послевоенные годы было большой роскошью. Сварила и щи. И вот, прежде чем всем сесть за стол,

Раиса Ивановна налила миску щей, отрезала кусок пирога, поставила на поднос и вышла с ним из дома. Удивлённая её странным поведением, я бросилась за ней следом:

– Тётя Рая, куда вы?

– Пойдём со мной, увидишь.

Мы вышли со двора, перешли дорогу и зашли в дом, стоявший напротив нашего. В сенях я увидела множество деревянных предметов, назначение которых я тогда не знала. Видимо, это была крестьянская хозяйственная утварь. В просторной светлой избе мебели почти не было: стол, лавки, самодельный буфет и в углу под иконами кровать, на которой лежала пожилая женщина в белом платочке. Встать она не могла, а только тихо улыбнулась нам.

– Здорово ночевала, Феоктиста! Вот я принесла тебе горяченького – щей и пирога. Поешь!

– Здравствуй, Рая! Спаси тебя, Господи!

Пока старушка, перекрестившись, неспеша ела, женщины спокойно разговаривали. А я, как любознательный ребёнок, с интересом разглядывала избу. Всё было как-то необычно просто и даже голо, занавесок на окнах не было. Но не пахло нищетой и убожеством. Наоборот детское сердце почувствовало какую-то высокую ноту тихой радости и чистоты. Что это было? Поражало меня и необычное музыкальное имя женщины – Феоктиста.

Вдруг я заметила, что по всему полу валяются там и сям довольно большие палки. Удивившись, я спросила:

– Тётя Рая, зачем здесь палки?

– Собери их и дай Феоктисте, – сказала родственница, но на мой вопрос не ответила. Я послушно их собрала и передала старушке. Она их положила к себе в ноги.

Пока мы жили в деревне, Раиса Ивановна каждый день три раза носила еду и воду в этот странный дом. Меня почему-то туда тянуло, поэтому я часто там бывала. И каждый раз, придя утром, я собирала палки, разбросанные по избе. Я не могла понять, как они оказывались на полу, а спросить снова почему-то стеснялась. Феоктиста ласково со мной разговаривала и, несмотря на видимую болезнь, всегда была добра и тихо весела.

Когда мы снова приехали в деревню на следующее лето, в доме напротив уже жили другие люди...

Со временем я забыла Феоктисту и её странную избу. По-

том, в молодости, оказавшись очень далеко от родных краёв – в Белоруссии, я вдруг начала часто вспоминать своё детство, поездки в родную деревню, те далёкие времена, теплоту родного края. Вспоминалась и Феоктиста. Когда я снова вернулась на вологодскую землю, потянуло опять поехать в деревню к уже состарившейся тёте Рае. Грустно было с ней вспоминать прошлое. Многие близкие люди уже ушли в мир иной, другие разъехались по стране. Попросила родственницу рассказать о судьбе Феоктисты, о её загадочной избе, которая запомнилась на всю жизнь.

И вот что я узнала. Её муж Матвей Виноградов и старший сын погибли на фронте, младшего сына Александра после войны мобилизовали в армию. И Феоктиста осталась одна со своими утратами. Непосильная работа в колхозе подорвала здоровье, и навалилась тяжёлая болезнь – отказали ноги. Если бы не добрые соседи, была бы беда. Однако ночами эта беда всё же приходила к одинокой больной женщине. На дом, словно почувствовав беспомощность хозяйки, стали по ночам нападать крысы. Откуда они и брались, страшные, разноцветные. Вот, оказывается, для чего ей нужны были палки – отгонять этих мерзких тварей.

Каков характер! Я не помню, чтобы Феоктиста когда-либо жаловалась на горькую судьбу, на несправедливость. Никогда не плакала. Меня в детстве, видимо, и поразило это её твёрдое спокойствие духа. Только я тогда этих слов не знала.

Бог вознаградил эту страдальицу. Из армии вернулся любимый сын Шура да ещё и с умницей-женой. Они увезли мать к себе в Петрозаводск и до самой её смерти ухаживали за ней...

Мне захотелось узнать, что же значит это редкое имя - Феоктиста. Оказалось, что в переводе с греческого это имя значит – Богом созданная. В истории христианства известны четыре святые женщины, носившие это имя.

Во-первых, это египетская святая мученица IV века Феоктиста Канопская: в 15-летнем возрасте вместе с матерью и младшими сёстрами после жестоких истязаний была усечена мечом за твёрдое исповедание веры во Христа.

Во-вторых, это калужская новомученица Ченцова Феоктиста Семёновна, которая за веру была арестована в 1937 году и умерла в одном из Карагандинских лагерей в 1942 году.

В-третьих, это воронежская блаженная Феоктиста Михай-

ловна Шульгина, странница и прозорливица, которую чтили и простой народ, и епископы. И калужская и воронежская Феоктисты были современницами нашей Феоктиста из деревни Квасюнино.

Но по твёрдости духа квасюнинская Феоктиста особенно близка была святой Феоктисте Паросской из Малой Азии, которая жила в IX веке. Преподобная Феоктиста попала в плен к арабам и была вывезена на пустынный остров Парос, где пленниц сортировали для продажи в рабство. Там ей удалось бежать из плена. 35 лет она скрывалась в древнем храме Пресвятой Богородицы совершенно одна на этом заброшенном острове, не потеряв присутствия духа...

Меняются времена, меняются народы, а Божий Дух всё тот же. Везде и вечно Он пребывает в людях святой жизни.

СПАСОВ ДЕНЬ

Испокон веков в нашей деревне престольным праздником был Спасов день, то есть Преображение Господне, великий праздник в Православной церкви. А почему именно Спасов день отмечали в деревне, а не какой-то другой памятный день – никто уже не знал. Во всей округе и церквей, посвящённых Преображению Господню, не было. Однако, как подходит в августе 19-е число, так во всех дома уже бражка наварена, и пироги напечены, и гости из других деревень и города тут как тут. И никакой Никита Хрущёв, жестокий богоборец и разрушитель церквей, народу не помеха. Правда, власти не боялись языческих праздников, хотя они имели и православное название – как слабые отголоски прошлого. А праздновали Спасов день в нашей деревне в 50-80 годы, прямо скажу, по-язычески. Только моя крёстная в Успенский пост сильно постилась: ела одну картошку да хлеб, да чай пила вприкуску с сахаром. Но и она не отставала от всех: пекла пироги и варила бражку для гостей.

Расскажу об одном из таких праздников. Году в 1955 мы с матерью приехали в деревню к моей крёстной. Насобирали ягод, грибов большое ведро насолили, погуляли по полям и лесам, всю свою родню навестили и уже собрались уезжать домой в город. Куда там! Вся родня в один голос:

– Послезавтра Спасов день! Куда вы от праздника уезжаете. Оставайтесь!

И правда, неплохо и нам вкусных пирогов отведать да с людьми повеселиться. Остались ещё на три дня.

Есть такая поговорка: «Что русскому полезно, то немцу – большой вред». В нашем случае я бы сказала: «Что деревенским полезно, то городским большой вред». Так и с нами случилось по этой поговорке.

В тот день с утра крёстная напекла пирогов, бражка тоже была запасена. Сама она, как всегда, постилась и сидела дома. А мы под вечер пошли в клуб, где посмотрели какой-то фильм, и возвращались домой уже в темноте. Компания наша весело шла домой, нас было пятеро: Тамара, дочь крёстной, две её квартирантки со странными именами Ия и Фия, мы с матерью. Были Ия и Фия хотя и молодыми женщинами, но уже во многих городах побывали, в деревне жили совсем недавно. Работали они на маслодельне, которая стояла на самом краю деревни. Мы решили проводить их туда, чтобы они закончили свою работу, а потом всем вместе сесть за праздничный стол.

Когда мы прошли все дома и оказались на окраине, нас окутала крошечная темнота, только дорога слегка белела. Вдруг Тамара как вскрикнет:

– Огоньки, огоньки за Игайкой! Смотрите: они к нам движутся!

Все пришли в смятение. В деревне ходила старинная легенда, что за рекой в древние-древние языческие времена устраивались молодёжью большие игрища, жгли костры, пели, бесновались и занимались всяким непотребством. И будто бы с тех пор за рекой бродят таинственные бесовские огоньки и пугают православных.

Огоньки дрожали, мелькали там и сям и медленно приближались к реке и деревне...

Ия, как женщина бывалая и практичная, только захохотала над нами:

– Вот трусы! А я не верю ни в Бога, ни в чёрта, боюсь только лихого человека, такого, как мой бывший муж, он сейчас сидит в тюрьме.

Она решительно двинулась вперёд к сыроварне, сестра Фия – за ней. Тамара, поколебавшись немного, тоже пошла с ними. А мы с матерью, испуганные, побежали скорее домой.

И бегать нам с ней пришлось в ту «праздничную» ночь до утра. Только чей это был праздник, и кого праздновали? Послушайте дальше.

Подходя к дому крёстной, мы увидели, что окна темны, свету в жильё нет. В чём дело? Куда делась хозяйка-домоседка? Двери были не заперты, и мы зашли внутрь. Мама зажгла керосиновую лампу в кухне и, взяв её с собой, мы вошли в большую комнату и осмотрелись. Стол был празднично накрыт и уставлен пирогами и разными деревенскими закусками, пыхтел самовар. Видно, крёстная только-только перед нами ушла. Но нам было очень грустно от неизвестности и одиночества. Вдруг я заметила на столе записку. Крёстная писала: «Начинайте без меня. Меня срочно позвали в роддом помогать, у Тони Буториной – роды. Сказали – двойня будет. Вернусь не скоро».

Мы немного успокоились и только сели за стол и начали пить чай, как вдруг в кухне раздался грохот и брань. Видимо, кто-то заблудился в темноте и уронил лавку. Дверь открылась с размаху, и на пороге появился незнакомый угрюмый мужик со спутанными волосами в какой-то странной одежде. Мы обмерли. Он, как хозяин зашёл в комнату, сразу подошёл к столу, налил себе полный стакан браги из бутылки, выпил залпом, закурил рукавом и хриплым голосом спросил нас:

– Куда делась эта стерва Ия? Мне сказали, что она в этом доме живёт.

Оторопев, моя мать отвечает:

– Она на работе в маслодельне, там – на краю деревни у рски.

– Знаем мы эту работу! Где тут у вас топор? Всех порублю, а её – задушу.

Он пошёл в кухню и сени искать топор, а мы, не долго думая, выскочили в открытое окно и вихрем помчались по дороге подальше от этого страшного мужика.

На деревенской улице было полно народу. Многие уже успели хорошо наугощаться. В кромешной темноте кто-то пытался схватить нас, хохотал, толкал. Через всю деревню мы устремились к маминей двоюродной сестре Валентине, которая жила с престарелой матерью. Там-то наверняка тихо, и мы сможем

спокойно переночевать. Люди они добрые и гостеприимные. Но, уже подходя к дому, мы увидели в открытых окнах свет и слышали дружное пение. Мы робко постучали, хор затих, а в сени вышла старушка Устинья и открыла двери:

– Заходите, заходите, гости дорогие! А у нас сегодня весело, пойдёте к столу угощаться.

Нам было не до веселья. Мать поблагодарила старушку и упросила её сразу устроить нас где-нибудь на ночлег. Она тут же в сенях открыла небольшой чулан, где был топчан с постелью. Мы с облегчением легли, укрывшись старым одеялом, а Устинья ушла в избу к своим гостям.

Только мы задремали под весёлые голоса поющих гостей, как вдруг раздались сначала крики, а потом звон разбитых окон. Было слышно, как кто-то громко вскрикнул:

– Это ухарь с Копосихи! Ой, что-то будет!

Мы с мамой тут же собрались и выскочили из дома и снова помчались по дороге, теперь в обратную сторону. На улице уже никто нам не встретился. На нашем пути был дом другой двоюродной сестры – Ефраси. В её маленькой избушке было полным полно детей. Трудно представить, как они там все помещались. Мы постояли у дверей в смущении и подумали: только нас там и не хватало. Но нам некуда было деться в эту праздничную ночь, и мы робко постучали в окошко. Выглянула Ефрася и, разглядев, кто к ним стучится, тут же открыла двери:

– Откуда это вы так поздно возвращаетесь? Из гостей?

Мать кратко рассказала о наших приключениях и об ухаре, которой стёкла в окнах бьёт. К нашему удивлению, Ефрася расхохоталась, она была человеком весёлым, и сказала нам:

Так это Валькин ухажёр Петр. Парень-то работающий, только по молодости дурит. Сватается к ней давно, а она что-то артачится. Вот он и горячится. Зря вы испугались.

(Кстати, лет через тридцать мы жили летом на Копосихе и близко познакомились с Петром. Всегда его с уважением вспоминаем. Труженик и добрый отец семейства. На Валентине он всё-таки женился и вырастил трёх прекрасных дочерей).

Ефрася завела нас в избу и, как дорогих гостей, уложила на единственную кровать. А многочисленное семейство спало на сеновале, только она с маленьким сыном устроилась в избе на печи.

Мы уснули с надеждой на покой и безопасность. Сколько мы спали, не знаю. Вдруг в двери кто-то вежливо постучал. Потом стук повторился ещё несколько раз. Ефрася заворчала, встала и подошла к дверям:

– Кого леший носит! Мы спим!

– Ефрася, открой! Это я, Матвей, с бидончиком бражки. Хочу с Егором выпить, с дружкой своим.

– Иди домой, завтра придёшь! Все спят давно.

Матвей постоял немного и ушёл.

На следующий день мы вернулись к крёстной. Она сидела одна за самоваром и спокойно пила час вприкуску с сахаром и чёрным хлебом. Мы ей рассказали о наших ночных злоключениях. Она тоже, как и Ефрася, начала смеяться над нами, над нашей городской робостью. Потом сказала:

– Да, у страха глаза велики. А у меня хорошие новости: Тоня благополучно родила двойню этой ночью. Такие крепкие мальчишки! Не зря за мной послали, акушерке одной было бы не управиться. А этого ухореза-тюремщика, мужа моей квартирантки Ии, мужики связали. Спит на сеновале.

На следующее утро родственники проводили нас на паром, и мы уехали в Череповец до следующего лета.

Глава 12.

ДЕМКАРЬ И ВЕЛИКОНИДА

У моего дедушки Степана Митрофановича Калачёва было много родни. Всех я хорошо помню, хотя многие из них так и остались в моём детстве. Особо запечатлелись в детском сознании дедушкины двоюродные брат и сестра, о которых и пойдёт речь.

Брата звали Александр, но в деревне Квасюнино все его звали просто Демкарь. Он ещё перед революцией, когда женился, выстроил дом за рекой в маленькой лесной деревушке Дёмкино. Туда же вышла замуж и его родная сестра Еликонида. Это замысловатое имя народ переделал в Великониду. Всё-таки более понятно, да и роста она была не малого.

После войны наша семья жила в Череповце в небольшой комнате густонаселённого деревянного дома. Это не мешало

нам часто принимать у себя деревенских гостей. Я была дошкольного возраста, когда к нам приезжал Демкарь. Вид у него был какой-то загадочный: безмятежно спокойное лицо, тёмные довольно длинные волосы, большие голубые глаза, ровный тихий голос. Одет он был в тёмные брюки, заправленные в длинные кожаные сапоги, по всей видимости, сшитые им самим, и в льняную рубаху, подпоясанную ремешком. Такой наряд казался мне необычным, так как мой дедушка и многие другие мужчины носили в послевоенное время солдатскую гимнастёрку и галфе. От Демкаря приятно веяло запахами мёда и воска, до этого мне неизвестными. Он держал пчёл и всегда привозил в подарок банку мёда. Меня очень занимало, когда перед собой он вынимал кисет, небольшой холщовый мешочек, но вместо табака (он не курил) доставал из него желтоватые шарики и съедал их, запивая водой. Я во все глаза смотрела на него, поэтому он мне лукаво улыбался, но не угощал своими странными припасами, что меня, конечно, огорчало. Я у бабушки спросила об этих удивительных шариках, которые мне представлялись невероятно вкусными. Она мне кратко сообщила: «Это его лекарство». Только много лет спустя я узнала, что Демкарь излечил этими шариками тяжёлую болезнь – язву желудка. Его самодельное лекарство состояло из целебной белой глины, замешанной на мёде. Залежи этой глины он сам нашёл недалеко от Дёмкина.

Великониды также в те далёкие времена не раз к нам навещала с деревенскими подарками – сушёными грибами и банкой сметаны. В отличие от своего молчаливого брата, она любила поговорить и иногда заговаривала бабушку до сонной усталости. Как-то раз она к нам приехала и ненадолго куда-то вышла. В это время вернулась с работы моя мама, расстроенная чем-то и очень уставшая. Узнав о приезде Великониды, она, хотя и любила тётушку, сказала сгоряча:

– Гостя из-под мостья!

Мне, ребёнку, это новое выражение очень понравилось, хотя я и не понимала, что оно значит. Поэтому, когда Великониды вернулась к нам, я её весело приветствовала:

– Гостя из-под мостья! ...

Тётушка не обиделась. Чего же обижаться – все свои, родные. Только засмеялась, и опять принялась за свои разговоры. Некоторые её рассказы меня очень интересовали. Обычно это

были жутковатые истории о странных происшествиях, которые случались в Дёмкине или его окрестностях. Правда, в городе Великонида, в основном, рассказывала о своём погибшем в войну сыне и о дочерях, которые все уже вышли замуж и разъехались кто куда. А о чудесных происшествиях я наслушалась, когда мы с бабушкой побывали у неё в гостях. Пожив несколько дней в деревне Квасюнино у моей крёстной Раисы Ивановны, решили навестить и Великонида с Демкарём.

Переехав на лодке через Шексню, мы углубились в лес и долго шли по лесной тропинке. В лесу было интересно, я, городская девочка, притихла и даже немного испугалась мрачных следов, которые росли вдоль нашего пути и заслоняли небо. Наконец, мы вышли на простор – большую поляну, где увидели четыре избы. Около одной из них на лавочке сидела Великонида и чистила грибы. Я как никогда обрадовалась ей и подбежала с радостным приветствием:

–Здравствуй, Великонида!

Она заулыбалась и тоже меня приветствовала. Нас разместили в просторной летней избе, где было светло, очень чисто и уютно: белые занавески на окнах, кровать с кружевными подзорами и горкой подушек, стол, покрытый льняной скатертью. В углу на полочке стояла старинная икона Богородицы, а на стене в рамках располагались фотографии родственников. Всё пропитано запахами засушенных трав, пучки которых были подвешены кое-где. Вокруг стояла торжественная тишина. После нашей тесной комнатки в городе, под окнами которой в тот год экскаватор с шумом и лязгом рыл траншею для теплоцентрали, такая обстановка показалась раем земным.

Пили чай и обедали в зимовке, довольно тесной, где находилась большая русская печь, всегда жарко натопленная. Приходил к нам пить чай и Демкарё, такой же подтянутый и молчаливый, каким я видела его и в городе. Вечерами разговоры Великонида и моей бабушки были особенно душевными. Вот тогда-то и услышала я те чудесные истории, которые внушали мне, ребёнку, какой-то душевный трепет. Некоторые из них я помню до сих пор и опубликовала во второй части этой книги в разделе «Шекснинские бывальщины». Когда вспоминаешь эти незамысловатые рассказы, то как будто снова оказываешься в детстве.

Остались у меня в памяти и воспоминания моего дяди о его поездках в гости к Демкарю. Дядя Коля его очень любил. Будучи военным, он каждый раз, приезжая в отпуск к нам в Череповец, обязательно навещал родственников в Квасюнине и на Дёмкине. Демкарь тоже любил Николая, гордился им: всё-таки стал офицером. Великонида угощала Николая пирогами и успевала рассказать ему все деревенские новости, которых у неё всегда было много. В послевоенные годы к офицерам относились с большим уважением, особенно в деревнях. Каждый раз, встречая племянника, Дёмкарь задавал один и тот же вопрос:

– Скажи, честно, парень, будет ли война?

И молодой весёлый офицер всегда успокаивал старика и бодро говорил:

– Мы теперь самые сильные в мире. Никто нас не тронет теперь!

Так жили и старились в своей маленькой лесной деревеньке эти добрые старики. Войны, действительно, они больше не испытали, но неожиданно свалилась, как снег на голову, другая напасть, какой ещё не бывало в наших краях.

В конце 50-х началось строительство Волго-Балта, построили шлюз на Шексне, а в начале 60-х годов начальство вдруг объявило жителям всех прибрежных деревень вдоль реки Шексны, что в ближайшее время их будут переселять в другие деревни. Река сильно разольётся и образуется Шекснинское море. Мол, сами выбирайте, куда желаете переехать. Коснулась эта волнующая весть и Дёмкина, хотя вроде стояла эта деревенька не так уж и близко к реке. Демкарь и Великонида сначала даже не поверили этому дикому слуху, но пришёл уполномоченный и показал документ с приказом об их переселении. Старики неожиданно заупрямились:

– Никуда не поедем! всю жизнь тут прожили-пробедовали, а тут перед смертью да на чужую сторону! Пусть затопляют! Бог даст, живы останемся.

Однако чиновники всё-таки выполнили приказ, хотя и промурьжились с упрямыми стариками до последнего. Собрали их небогатый скарб, погрузили на машину, и приземлились наши брат с сестрой в разных деревнях в чужих домах. Великонида на новом месте уже никакого хозяйства не заводила. Жила один-

ноко, как бобылка. А Демкарь оказался покрепче духом: они с женой и дом обиходили, и огородец завели, и всякую живность, и улы поставили. Научился он и от назойливых инспекторов увёртываться, а то всяческими налогами начали мучить.

Его племянник Николай к тому времени уже служил за границей, дослужился до звания майора и семьёй обзавелся. Очередной раз присхал он в Череповец в отпуск и узнал, что стариков переселили. Самое обидное, что вода не дошла до их Дёмкина, но там всё уже было порушено, и возвращаться жителям было некуда. До глубины души огорчённый и возмущённый, он бросился разыскивать стариков.

В Квасюнине попросил он родственника перевезти его на своей моторке на другую сторону. Родная Шексна теперь превратилась в водохранилище, другой высокий берег едва угадывался вдали. Погода стояла тихая, безветренная, переплыли довольно быстро.

Великониду он нашёл в деревне Анисимово и порадовал её городскими подарками. От неё узнал, что Демкарь живёт в деревне Афанасово. Рассказала она, как к нему добираться, и всё твердила: «Дом у него зелёный, сам покрасил дед. Такого больше нету там».

Стоял конец сентября. Николай был щегольски одет в кожаное пальто и шляпу, а в руках у него был портфель с подарками. Вид имел довольно внушительный. Дошёл пешком до деревни Афанасово и стал разыскивать дом дяди. И странное дело: к какому дому не подойдёт – везде всё открыто, а хозяев нет. Наконец, увидел идущего из школы мальчика и спросил его. Тот испугался и хотел бежать, но Николай вовремя успел схватить его за руку. На вопросы ребёнок упорно не отвечал. Не помогли и гостинцы, которые он не желал брать. Что за чудо!

Помощи ждать было неоткуда... Тогда вспомнил племянник слова Великониды о зелёном доме и стал ещё раз обходить загадочную деревню. Нашёл зелёный дом, который был так же, как и другие дома, не заперт и стоял без хозяев. Николай устало сел на скамейку во дворе и стал ждать, что же будет дальше...

Так просидел он около часа в полном безлюдье и тишине. Наконец, на повети со скрипом отворилась верхняя ворютина, и из неё выглянул испуганный Демкарь.

– Ну, здравствуй, Александр Васильевич! Что же ты от меня прячешься? – приветствовал Николай дядюшку.

– Я ведь, кажись, все налоги заплатил уже. Пошто опять-то пришли? – жалобным голосом ответил Демкарь.

– Какие налоги! Дядюшка, ты что, меня не узнал?

Лицо Демкаря наконец расплылось в улыбке, а голубые глаза по-молодому сверкнули:

– Колька! Да тебя и не узнать в таком наряде! А я думал, опять какой-то уполномоченной явился по мою душу!

Старик закрыл створки на воротах повети, и через минуту они с женой чинно вышли на крыльцо.

Дядюшка с племянником обнялись, а жена уже накрывала на стол и выставяла нехитрое угощение. Вид у Демкаря был какой-то рассеянный: уже не было прежней собранности, аккуратности, уравновешенного спокойствия. Появилась суетливость, а в глазах какая-то беспомощная хитринка. Николай слушал его горестный рассказ об изгнании из родной деревни, и на душе становилось всё печальнее.

– Никак мы, парень, не можем на новом-то месте пообвыкнуться. Ну, да что говорить, немного уж нам осталось топтать землю, не стоит и привыкать.

Переночевав у дядюшки, наутро Николай распрощался со стариками, которые долго не хотели его отпускать. Дорога назад показалась очень томительной, угнетала какая-то тяжесть.

С тех пор Николай уже ни разу не бывал у Демкаря и Великониды. Я тоже их больше не видела. Они вскоре умерли ...

Рукотворное Шекснинское море стало тем рубежом, который разорвал цепь времён, родственные связи и дружбу многих жителей Квасюнина и окрестных деревень. Но память о них, их жизни, их радостях и бедах, где-то таинственно витает и вдруг начинает теплиться, как свеча Господу, в сердце их беспомытных родственников. Вот и у меня эта свеча горит и заставляет вспоминать Квасюнино и рассказывать о тех давних временах моего детства.

Глава 13.

КВАСЮНИНСКИЙ ПАСТУХ

ПАВЕЛ МОРОЗ

В деревне Квасюнино жил потомственный пастух, которого звали Павел Мороз. Это был странноватый лохматый мужик с глубоко посаженными хитроватыми глазами, которые словно бы пытались куда-то спрятаться от собеседника. Ему привычнее и проще было иметь дело с животными, чем с человеком. Мужик он был диковатый, говорил очень невнятно и непонятно, но при этом совсем безобидный. Правда, все знали, что сердить его, и особенно дразнить не стоит. А если кто по глупости пытался глумиться над ним, то Павел замахивался на обидчика своим пастушеским посохом – суковатым бадогом и, сверкая из-под косматых бровей глазками, кричал страшным голосом, сам себя пугаясь:

– Вражонок! Полно варакосить! Полно дековаться!

Привычный с детства к пастушеской работе, он был полон скрытого самоуважения. Действительно, в деревне без пастуха не обойтись. Это профессия важная.

Деревенские зубоскалы за глаза в насмешку называли его «Павликом Морозовым» по созвучию его имени и прозвища с фамилией когда-то погибшего от руки родственников школьника. Имя этого решительного пионера, предавшего властям родного отца, было в те времена со школы всем известно. Однако, в отличие от того пионера, пастух Павел с любовью вспоминал своего умершего отца – пастуха, Ивана Мороза, который дал ему какое ни есть ремесло, научил пасти стадо. По словам старожил, сын был очень похож на отца и внешне, и по манере прятать взгляд, ходить медленно, как-то сгорбившись. Почему Павел и его отец Иван получили прозвище Мороз, уже позабыли в послевоенные годы. Я никогда не видела этого Ивана Мороза, но слышала шутивно-умильную частушку о нём. Её сочинил ещё до войны мой дальний родственник Шурентий Тихомиров, которого в деревне считали юродивым. Он с детства сочинял стихи, особенно меткие четверостишия, в которых звучала шутивно-ироничная, а иногда и добродуш-

ная оценка кого-либо из односельчан. Так вот эту частушку мне очень хотелось бы сейчас привести, но подвела память. В результате могу сообщить только запомнившийся многозначительный конец:

.....
.....
*Свою Аннушку слепую,
Как картиночку, берёг.*

По рассказам моей бабушки, жена Ивана Мороза Анна, действительно, была слепой, сидела всё время в своей ветхой избе, ждала мужа и была очень кроткой. Этот конец стиха меня ещё в детстве очень тронул своей ласковостью и добротой к увечной жене – теми чувствами, на которые оказался способен простой, на вид диковатый мужик. Сравнение с картиночкой современному человеку может показаться непонятным. Однако оно выражает образно мысль о красоте женщины. Так, в «Словаре русских народных говоров» указано: *Картинистый* – такой красивый, что хочется изобразить на картине; *картинный* – красивый, как на картинке (вып. 13, с. 100). Была ли Аннушка красивой действительно, или просто в стихе была добродушная шутка? Теперь уж никто не ответит.

Но вернёмся к их сыну Павлу. Когда его родители умерли в начале войны, он и его брат, ещё подростки, остались без попечения. Страшный голод заставил братьев бродить по окрестным деревням и просить милостыню. Воровать им даже в голову не приходило. Времена были строгие, да и родительское крестьянское воспитание не позволяло переступить ту роковую черту, после которой их судьба пошла бы по кривой дорожке.

После войны, когда жизнь в деревне стала постепенно налаживаться, и у всех во дворах появились овцы и козы, потребовался пастух. Вспоминали Ивана Мороза:

– Эх, хороший был пастух! Жаль – помер...

Вспомнили и о его сыне Павле, который жил неприкаянным, без дела и заработка. И решили попробовать его нанять в пастухи. Попробовали, и оказалось, что вполне исправно пасёт стадо, пастушеские навыки получил от отца-пастуха. Так он верно служил деревенскому обществу более тридцати лет, с конца 40-х и по 70-е.

В те годы я каждое лето жила в Квасюнине у родственников. Многое из тех дальних времён помню, так как всегда была наблюдательной и меня очень привлекала деревенская жизнь. При мне пастух Павел, бывало, жил свой черёд и у моей крёстной тётки Раи, она всегда держала овец, две козы и ягнят. Прошло много лет с тех пор, но я хорошо запомнила Павла Мороза и его своеобразное бытие странника, и неразрывно связанного с жителями деревни, и одновременного очень одинокого и чужого всем.

Как и полагается пастуху, утром он вставал чуть ли не раньше всех и важно шествовал с колотушкой вдоль деревни – собирал стадо коз и овец. Деревня начинала оживать, голосисты кричали петухи, слышалось мычание коров, бляение овец и коз, скрип дверей, крики хозяек, выгоняющих живность со двора, их разговоры друг с другом, звон подоинок. Небо слегка розовело на востоке, предвещая ясную, солнечную погоду, было прохладно.

По утверждению писателя Василия Белова, дробь колотушки или звук пастушьей дудки имели несколько музыкальных ритмов – колен, которые были особыми командами для коров и коз. В своей знаменитой книге «Лад» он называет такие, например, команды: «Выходи из дворов!», «В прогон, в прогон!», «Домой!» и ещё несколько.

С ранней весны до поздней осени пастух Павел пас довольно большое стадо коз и овец – личную собственность жителей Квасюнина. Обычно он выгонял стадо в пойменные луга рек Игайки и Шексны. Там проводил целые дни в одиночестве, зорко следя за подопечными животными. Они его хорошо знали и были ему покорны, кроме некоторых молодых козлов и баранов. Но их он быстро усмирлял кнутом, и они тогда признавали его власть над собой.

Плата за работу пастуха назначалась традиционно по простому расчёту. Павел Мороз жил и кормился у хозяев в доме один день за каждую взрослую овцу или козу и один день – за пару ягнят или козлят. В результате получалось: сколько животных – столько и дней ночевал и питался пастух у этих хозяев. И так весь период пастыбы он переходил постепенно из дома в дом. Опять же по сложившейся привычке полагалось кормить пастуха очень сытно. Ему давали с собой в поле тусок с бутылкой молока, пирогами и варёными яйцами, всером

его плотно кормили ужином. А потом он долго и с наслаждением пил чай с сахаром в прикуску, переговариваясь с важным видом с хозяйкой.

Ночевать его укладывали в сенях или на сеновале. Спал он очень крепко, но рано утром вовремя вставал сам. Очень не любил, когда его поздним вечером или ночью будили. Тогда он вдруг возбуждался и страшно ругался на того, кто потревожил его сон.

Мой дядя Коля Калачёв рассказывал как-то забавную историю первой встречи с Павлом Морозом. Молодым офицером приехал он в родную деревню, где родился и провёл всё детство. Пароход из Череповца пришёл поздней ночью на нашу пристань «Анисимовские гряды». (В начале 50-х ходили пароходы, а катера и теплоходы появились позднее). Дядя никого не предупредил о своём приезде. Знал, что ему всегда в доме Раисы Ивановны будут рады. Подошёл Николай к дому и постучал в двери. Тихо... Никто не выходит. Видимо, все уже крепко спят и не слышат. Тогда он застучал громко и крикнул:

– Рая, открой!

Вдруг в сенях кто-то сначала звероподобно зарычал, а потом Николай услышал грозную брань в свой адрес. Кто-то кричал грубым, но невнятным голосом матерные слова и не открывал двери. Гость опешил: в доме живёт только Раиса с маленькой дочкой, а тут такая грубость неизвестного мужчины. Нет, в Квасюнине так не встречают родственников! Что же это могло быть?... Но вот в доме послышался голос Раисы Ивановны и её поспешные шаги. Двери открылись, и родственница радостно пригласила гостя в дом. В тёмных сенях кто-то невнятно продолжал ворчать. Но уже тихо, как бы успокаиваясь.

– Проходи, проходи, Николай! Как хорошо, что приехал! – говорила хозяйка приятным грудным голосом. А это пастух Павел тебя испугался спросонья и закричал, заругался. Ты уж не обижайся на него. Нынче моя чередка его содержать. Вон спит в сенях в пологе.

Миновали сени и зашли в комнаты. Раиса Ивановна захлопотала, хотела угощать гостя, но он отказался. Только выпил молока с хлебом.

– Что это пастух такой сердитый да грубый? – спросил Николай.

– Нет, он мужик даже очень смирный. Жизнь у него в войну

была, пожалуй, тяжелее, чем у нас всех. Сирота, ходил по миру тогда. И не раз, видать, попадал в переплёт. Напуган сильно был. Вот теперь и кричит громко, и ругается, если внезапно кто-то разбудит ночью.

Рано утром, как всегда, пастух ушёл со стадом. Николай встретился с ним снова только вечером, когда Павел после трудового дня блаженствовал за чаем на кухне.

– Ну, давай знакомиться, Павел Иванович! Я до войны тоже жил в Квасюнинс. Хотя и небольшой был, но помню твоего отца Ивана Павловича, хороший был пастух. А ты тогда совсем малышом бегал по деревне.

Павел зыркнул на Николая, но быстро отвёл глаза в сторону и ответил грубым голосом, уже не глядя на него:

– Здорово, коли не шутишь! – И снова замолчал, углубившись в себя.

Надо сказать, что дядя Коля, хотя тоже многое пережил в войну и после войны в голодные годы, однако имел очень добродушный и общительный характер, поэтому знакомство на этом не закончилось. Так совпало, что все четыре дня, пока он гостил в деревне, пастух ночевал и кормился у Раисы Ивановны. В один день они покинули гостеприимный дом: гость отправился вечером на пристань, а пастух – на постой к другой хозяйке. За это время Николай умудрился подружиться с пастухом, и тот даже кое о чём вёл с ним неспешную беседу, когда дядя навещал его пару раз на пастбище. И такая дружба продолжалась годы – в каждый короткий приезд дяди в деревню.

Конечно, Павел был дорог Николаю как воспоминание о юности и родном деревенском быте. По ним молодой офицер тосковал у себя в лётном гарнизоне, который тогда базировался в Польше. Работа была ответственная и нервная: он, как механик, готовил самолёты к полёту и всегда переживал за их безопасность. Нередко он утешал себя приятными воспоминаниями о родственниках и родной деревне.

То, что образ пастуха был для него всегда знаком чего-то родного, но уже далёкого и невозвратного, говорит один случай. Мы с мужем тогда, в начале 70-х, временно жили в Москве на частной квартире. И вот раздаётся долгий междугородний звонок, я в спешке подбегаю к телефону. Ждала важного сообщения с кафедры института, а вместо этого в трубке раздался грубый голос явно с квасюнинской поговорочкой на «О»:

– Здорово, ребята!

Я удивилась и спрашиваю, кто звонит?

– Павел Мороз с Квасюнина!

Я сразу поняла, что меня разыгрывает кто-то из родственников. Павел Мороз уж никак не мог мне звонить, да и вообще никому он никогда не звонил.

– Дядя Коля! – крикнула я в трубку, вдруг догадавшись, кто мог так шутить. Раздался довольный смех:

– Я! Кому же ещё вспоминать Мороза в своих шуточках!

Я тоже радостно засмеялась, как будто в эту минуту снова оказалась в родной деревне.

Несмотря на нелюдимость пастуха, с ним пытался дружить не только Николай, но и другие гости, приехавшие в родную деревню летом. Некоторые обосновывались на полдня на лугу вблизи Игайки и Павла со стадом. Городские часами загорали, вели беседы, играли в волейбол. Павел сидел молчаливо невдалеке, как всегда, одетый в старый поношенный пиджак и кепку, хотя стояла жара и солнце палило...

Интересно, помнят ли о потомственном пастухе Павле Морозе нынешние жители Квасюнина?..

Глава 14. В ШКОЛЕ

Я пошла в школу в 1952 году. Мама купила мне сатиновую школьную форму, белый и чёрный фартуки. Учились мы на Советском проспекте в бывшем купеческом доме, очень высоком, как мне тогда казалось, на втором и третьем этажах. А на первом этаже был промтоварный магазин. Вход в школу был отдельным: на первом этаже находилась только раздевалка, вверх вела высокая широкая лестница, затем из небольшого зала шёл длинный коридор, из которого ученики попадали в классы. Помнится, что в школе всегда было очень чисто, а полы и парты в начале учебного года блестели свежей краской. Правда, к концу года парты были испачканы чернилами, хотя их и оттирали ежедневно после уроков. Летом их красили снова.

Школьной столовой не было, и мы брали еду из дома или чаще всего на перемене бегали через дорогу к столовой, где у входа продавали за 5 копеек горячие жареные пирожки с по-

видлом или с ливером. Были они очень вкусными. Дома таких не пекли.

Утром бабушка затапливала печь, брала в руки алюминиевую кружку и, укутавшись в платок, выходила в коридор за водой. В доме, где жила наша семья, в холодном коридоре вода в ведрах за ночь покрывалась довольно толстым слоем льда. Нужно было его пробивать, чтобы почерпнуть воды. Вот почему эта кружка была вся покрыта вмятинами от ударов по льду. Сначала грели в печке воду в чугунке, чтобы мне умыться, потом грели воду для чая. В самом начале 50-х электрические плитки не разрешали держать в квартирах. Да и электричество часто отключали, так что всё готовилось в печке или на керосинке. О газе мы даже не слышали.

Мой завтрак состоял из куска черного или белого хлеба, намазанного тонким слоем маргарина, и горячего чая с сахаром. Поэтому жареные пирожки, купленные около столовой на перемене, казались большим лакомством.

ОДНОКЛАССНИКИ

Я любила учиться в школе. Нашу первую учительницу звали Лидия Васильевна Репина. Она хорошо вела уроки, но была всегда очень сильно озабочена. Как позже мы узнали, у неё было четверо своих детей, а муж ушел к другой. Время было трудное, но она была мужественной и решительной женщиной. Всех детей вырастила и вывела в люди. Нас она тоже крепко держала в руках, но была всегда справедлива, и мы, дети, к ней быстро привязались. Помню, на второй год остался только один мальчик – Вовка Чугунков. Когда мы заканчивали уже второй класс, он закончил только первый. И вот в последний день перед летними каникулами случилось несчастье: учительница повела учеников гулять за Шексну в рошу. Дети радовались солнышку, свободе, играли, баловались. Чугунков, резвый, озорной и непослушный мальчик, не слушая запрета старой учительницы, залез на высокое дерево и упал оттуда. Ударился головой о землю и корни дерева и к ужасу детей и учительницы сразу под деревом умер...

Хоронили его всей школой по обычаю того времени. На грузовике с опущенными бортами стоял маленький гроб, украшенный цветами, а мы, под печальные звуки духового оркестра, нестройными рядами уныло шли следом через весь город,

на его окраину, где располагалось старое кладбище. Было оно небольшим, как и весь наш провинциальный городок. Правда, за ним находились ещё воинское и немецкое кладбища, появившиеся в войну и после неё.

С первого класса я стала дружить с одноклассницами Галей Серой, Галей Шумовой, Валей Морозовой, Зосей Камориной. Нас сдружил общий путь из школы домой. Возвращаясь вместе, мы шли по Советскому проспекту, затем пересекали Красноармейскую площадь и сворачивали на Красноармейскую улицу, и тут, на углу Социалистической, где стоял наш дом, я расставалась с подружками, а они шли дальше в сторону Пролетарской улицы.

У всех этих девочек были отцы, им повезло. Я, дружа с ними, чувствовала свою ущербность, так как у меня отца не было. Вернее он был, но жил с другой семьёй далеко в Сибири, в городе Томске.

Особенно я сдружилась с Галей Серой. Дружили мы очень долго. И даже во взрослой жизни время от времени мы встречались. О ней у меня остались воспоминания, которые полны драматических противоречий. До сих пор я не могу разгадать тайну души этого человека... В детстве она была миловидной девочкой со светлыми кудряшками на голове, училась прилежно, ко мне она была очень привязана. Я тоже любила её. Мы постоянно проводили время вместе, ещё по-детски не чувствуя той пропасти, которая разделяла наши семьи и в будущем наши судьбы. Её мать работала грузчицей на хлебозаводе, а отец – шофером. Жили они на соседней улице в своем доме, к которому примыкал небольшой огород. Тетя Шура, женщина небольшого роста с волнистыми волосами и большими серыми глазами, была трудолюбивой и чистоплотной. А вот дядя Миша, высокий плотный блондин, постоянно выпивал. Да еще родственники - любители выпить постоянно отмечали у них праздники. Что там происходило, я не знала, только Галя нередко вся в слезах прибегала к нам и говорила мне: «Я больше так жить не могу! Хоть из дому убегай!» Я её, как могла, утешала и очень её жалела. Сохраняя в сердце детскую привязанность, жалела я её и потом, когда мы стали взрослее и когда в ней вдруг так страшно и неожиданно проявилась та червоточина, которую заложили в её первоначально чистую душу её родственники...

БОРЬКА И ВАЛЕРКА

Однажды Лидия Васильевна оставила после уроков трёх отличниц и трёх мальчиков-двоечников и сказала: «Девочки, прошу помочь этим мальчикам в учёбе!» К счастью, ко мне прикрепили Валерку Соловьёва, а не Борьку Лукина.

Борька был угловатым худеньким мальчишкой с растрепанными волосами и нагловатыми глазами. Он жил на нашей улице и часто мне досаждал. Когда мы возвращались из школы домой, он коршуном кружил вокруг меня всю дорогу: то за косу дёрнет, то портфель вырвет из рук, то начинает дразнить: «Калачик-огуречик!» Борьку сильно бил отец, когда учителя на него жаловались. Мать нигде не работала и казалась нелюдимою и злой, а отец, высокий дородный мужчина, обычно вечерами важно шагал с работы мимо нашего дома. Родители Борьки были очень хозяйственными: держали корову, кур, большой огород. Однажды им привезли на телеге целую гору дуранды, то есть спрессованных отходов от подсолнечника, и вывалили около калитки на траву. Хотя этот жмых предназначался для коровы, детвора со всей улицы, как воробы, налетела на эту кучу, и каждый брал тёмные плитки, сколько успел, пока Борькин отец не шуганул нас. Мне тоже достался кусок дуранды, и я до сих пор помню её приятный вкус.

Борька очень досаждал не только мне, но и учителям. Ну ладно бы не делал домашних заданий, но ещё постоянно придумывал всякие хулиганские штуки на уроках и отвлекал детей. Учителя долго терпели, но, наконец, после неприятных разговоров с родителями и долгих хлопот в гороно его перевели в другую школу – терзать других учителей. Вскоре в его семье начались несчастья за несчастьями. Попал в колонию за хулиганство старший брат Борьки, затем оказался под судом и попал в тюрьму на 7 лет его отец. Он работал где-то хозяйственником и, как говорили соседи по улице, проворовался. Угрюмая мать Борьки стала ещё угрюмее. Она ходила по нашей улице, по глаза замотанная платком и ни с кем не здороваясь. Эта семья не вызывала симпатии, но, глядя на них, становилось как-то очень грустно.

Потом Лукины продали дом и куда-то переехали. Встретила я Борьку ещё раз только через несколько лет, когда училась в десятом классе. Он пришёл на вечер старшеклассников и очень веселился: энергично плясал модный тогда твист, а потом снял

с себя ботинки и яростно стучал ими по полу, отбивая такт. Казалось, он был в каком-то исступлении. Испуганная его появлением, я пряталась за одноклассниц, но он всё-таки меня увидел, подошел и, паясничая, стал мне кланяться. Я убежала в другой конец зала.

Таким он мне и запомнился – парень с кипучей энергией, переполнявшей его через край, но неприкаянный и одинокий...

В отличие от него Валерка Соловьёв был самым спокойным среди одноклассников. У него были светлые курчавые волосы, всегда задумчивые глаза и тихий с хрипотцой голос. Он был по натуре добряк, ни с кем не дрался и не ругался, в то время как Борьку всегда после уроков кто-то бил, или он сам кого-то колошматил. Учился Валерка очень плохо. И вот теперь по поручению учительницы я должна была помогать ему выполнять домашнее задание. Лидия Васильевна дала мне его адрес и попросила сходить к нему домой.

Валерка встретил меня во дворе. Он жил в деревянном двухэтажном доме в комнате на втором этаже. Дома, кроме него, была младшая сестра лет четырёх, которая с интересом на меня смотрела. Только начала я было говорить о домашнем задании, как из-под кровати, стуча лапками, неожиданно вышел ежик. До этого я видела ежей только на картинках в книге, живьём я увидела этого зверька впервые и очень им заинтересовалась.

Мы троём стали с ним играть. Валерка поил его молоком из блюдечка и рассказывал, как он в воскресенье ходил с матерью в лес за грибами и нашёл этого ёжика, как долго за ним наблюдал, а потом посадил в корзину с грибами. Было очень интересно, время пролетело быстро, и когда я вспомнила, зачем сюда пришла, было уже поздно – пора было идти домой и собираться в школу, так как мы учились во вторую смену.

Мне было стыдно, когда в этот день Валерка снова получил двойку по математике: здесь была и моя вина. Моя бабушка всегда была в курсе моих дел, поэтому она предложила приглашать Валерку к нам готовить домашнее задание. Валерка пришёл к нам, но очень стеснялся бабушку и, по всей видимости, «богатого убранства» нашей комнаты. У одной стены стояла кушетка (так называли тогда пружинный диван), у другой – кровать, покрытая ярким плюшевым покрывалом. На стене висел такой же коврик и фотографии, комод был покрыт скатертью, украшенной маминой вышивкой, на столе лежала

клеёнка с красивым узором, над ним висел шёлковый оранжевый абажур, на двух окнах цвели комнатные цветы. Пол был устлан полосатыми деревенскими половиками. В довершение ко всей этой красоте на лежанке синевато-белой печи важно сидел наш Мурзик. Все эти «предметы роскоши», кроме кота и половиков, были подарками от моего дяди Колн, младшего сына бабушки, который служил тогда в Польше. Половики подарила моя крёстная тётя Рая из деревни Квасюнино. Валеркина комната была лишена всего этого: голые стены и пол, лавка, стол, покрытая выцветшим от времени одеялом кровать. Он к этой обстановке привык, другого не видел, поэтому у нас он растерялся.

Но бабушка знала своё дело. Ласково пригласила Валерку за стол и накормила нас постными щами со сметаной и жареной рыбой с картошкой. Потом мы с Валеркой, весело болтая, с удовольствием пили чай с подушечками и баранками. Наконец, мы сели за уроки. К стыду своему, вспоминаю, какой я была безжалостной учительницей. Моя излишняя строгость мешала моему ученику разбираться в задачах, он упорно не понимал, как их решать, и от этого краснел, и слёзы наворачивались на глаза. Я злилась ужасно, но постепенно покорная беззащитность Валерки достучалась до моего сердца... Я сдалась, поняв, что я не в состоянии научить его. Да ещё бабушка, когда мы остались одни, говорила мне, укоризненно кивая головой:

– Ох, Люська, Люська!..

Было ещё несколько попыток помочь этому кроткому тихому мальчику. Я несколько раз бывала у него дома и видела, как он заботится о младших брате и сестре, как помогает матери-вдове, которая почти всё время проводила на тяжёлой работе, чтобы заработать копейки на содержание семьи. Я научилась у Валерки доброте, что могло как-то смягчить моё по-детски жестокое и самодовольное сердце. Особенно меня удивляло, как он ласково и деликатно обращался с животными – ёжиком, соседским щенком, с котёнком. Верный своему ангельскому характеру, он так ни разу и не упрекнул меня за моё жестокое к нему отношение.

О событиях взрослой жизни Валерки и Борьки я ничего не знаю. После окончания школы мы больше не виделись. Только мне кажется, что уже в детские годы мне был показан образ их дальнейшей судьбы.

Глава 15. СОСЕДИ

Деревянный дом с мезонином, в котором прошло мое детство, населяли очень разные по социальному положению люди, хотя все они работали в учительском, а потом педагогическом институте, которому принадлежал наш дом. В передней части дома с тремя комнатами и кухней жила большая семья Александра Алексеевича Смирнова, который был преподавателем и заместителем директора института. Две старших дочери и сын у него были довоенными, а младший – Витя родился сразу после войны. Именно с ним мы и играли во дворе в мужа и жену: Витя ездил на трехколесном велосипеде «на работу», а я «готовила обед» на скамейке из той травы, которая росла рядом с ней. Старшие дети смеялись над нами, но это нас не смущало. Но вскоре мы тоже повзрослели и перестали играть. Александр Алексеевич, имея ранение в ногу, всегда ходил с тростью. Однако это не мешало ему постоянно ездить в родную деревню Яганово на охоту и рыбалку. У него была охотничья собака Равва, с которой все дети во дворе любили играть и звали ее ласково Равка.

В задней части дома находилась наша комната и коридор, в котором стоял наш столик с керосинкой и лавка с ведрами воды. Из этого коридора вела лестница в мезонин, где были еще две комнаты и выход на чердак. Во время войны в одной из этих комнат жила наша семья. Именно там бабушка с дедушкой получили страшное известие о гибели сына в бою за Синявинские высоты под Ленинградом. А теперь в мезонине жили две семьи – вдова тетя Зоя с детьми и семья бабки Зины. И те и другие бедно жили, только бедность свою несли по-разному.

ТЁТЯ ЗОЯ И ЕЁ СЫН ВЕНЬКА

Зимой наши занятия в начальных классах часто прерывались вынужденными каникулами на несколько дней, так как нередко бывали сильные морозы. В эти дни я играла с соседскими детьми, жившими в мезонине нашего дома. Это была семья тётки Зои Лапичевой. Муж у неё после войны умер от ран, четверых детей она воспитывала одна. Она работала уборщицей в институте, утром уходила на работу в четыре часа, что-

бы вместе с другими женщинами вымыть все полы до начала занятий. (Таков был тогда распорядок). За эту работу платили гроши, поэтому потом она целый день мыла и стирала в разных семьях, которые её нанимали. Вечером тётя Зоя приходила уставшая и начинала топить печку в комнате и чистить картошку. Я нередко оставалась у них ужинать, за что меня очень ругали дома: «Что ты объедаешь бедных, им и самим-то едва хватает!» Но я любила тётю Зою, её ласковое обращение со своими детьми, да и со мной тоже. Мне нравилась, как мы все вместе садились за стол, который был без скатерти и клеёнки, но зато чисто выскобленный и вымытый. Хозяйка прямо на этот стол перед каждым клала горячую картошку и сыпала горсточку соли. Мы с большим желанием съедали эту вкусную картошку, а потом пили из стаканов жидкий чай с чёрным хлебом. После еды стол приводили в порядок, и он опять блистал чистотой. В комнате, кроме этого стола, ещё стояла кровать, а по стенам – обычные деревянные лавки. На одной из них громоздился большой сундук, в котором, видимо, и хранилось всё их «шмотьё», как говаривала тётя Зоя. Мы, по сравнению с ними, считались богачами.

Дружила я собственно с дочками тётя Зои – Ниной и Люсей, но вместе с нами иногда играли и её старшие сыновья – Венька и Пашка. Запомнились наши предновогодние занятия и хлопоты. Венька ходил за Ягорбу в лесок, сам срубил там слочку и привёз на санках. Игрушек не было совсем. Где-то достали цветной бумаги, клей и стали делать гирлянды в виде цепей, бумажные фонарики и снежинки. Украшенная ёлка всем очень нравилась.

Венька одевался в какую-то поношенную одежку, в школе учился очень плохо, но был сообразительный и предприимчивый парень. Как-то раз он озадачил нас вопросом:

– Вы знаете, что такое коммунизм?

Мы, первоклассники и второклассники, слышали, конечно, это слово, но не знали его смысла. Тогда он стал нам объяснять и закончил своё объяснение фразой, которую я запомнила на всю жизнь:

– Когда утром объявят по радио, что коммунизм наступил, я первый прибегу в магазин! Наберу еды, конфет, выберу себе тёплое пальто и пойду гулять по улице. Мне станет очень жарко, и я распахну пальто нараспашку!...

Венька, как и мы все, не дожил до коммунизма, который нам обещали построить к 80-м годам. Он умер в 70-х годах тридцатипятилетним. Правда, подобие того коммунизма, о котором в голодном и холодном детстве он мечтал, мой сосед испытал в армии. Перед мобилизацией он был помощником слесаря водоканала, который следил за исправностью работы труб и уличных колонок. Постоянно приходил домой весь измазанный каким-то мазутом и грязью, голодный и холодный. Стал вместе со взрослыми выпивать. Из-за худобы и малорослости его не хотели брать в армию, но тётя Зоя пошла в военкомат и со слезами стала уговаривать военкома взять сына. И вот три года Венька отслужил в армии и возвратился домой уже настоящим мужчиной. Мы его сначала не узнали. Изменился он не только внешне, стал крепким, вырос, но окреп и его характер. Стал он спокойным и уверенным в своих силах. Устроился на металлургический завод, женился, получил квартиру. Но умер в расцвете сил, заболев раком...

ШУМНАЯ СЕМЕЙКА

Очень шумно жила в мезонине семья бабки Зины. Главу семьи – пожилую женщину лет шестидесяти все соседи за глаза называли «бабка», не уважали. Люди были честными, поэтому им не нравилось, что она часто ходит на рынок и просит у торговцев продукты – якобы «на погорелое место». Обойдя мясной павильон, она могла насобирать достаточное количество мясных обрезков для супа, проходя через молочный, она просила положить в банку сметанки, творожку, в другую банку – молока. Подавали ей иногда и яички. Картошку, лук и морковь она также добывала. Возвращалась Зина домой с тяжёлой сумкой, полной продуктов, готовила обед на всю семью. С ней жили две дочери, которые работали уборщицами в институте, и внучка с внуком.

После обеда она ходила по домам в районе города, отдалённом от нашей улицы. Просила хлеб, корки – опять же «на погорелое место». Затем она шла к кому-либо из тех горожан, кто держал корову, и продавала собранный мешок с кусками, а на полученные деньги покупала чекушку.

Вечером начиналось веселье, Зина была весёлой бабкой, когда выпьет. Плясала и пела частушки, дочери ей не уступали. Соседи посмеивались между собой:

– Бабка опять пошла подолом трясти! Простой день, не праздник, а у них опять дым коромыслом.

Конечно, эта женщина догадывалась, что соседям не нравится этот шум и пьянка, поэтому обычно она была неприветлива с нами. Ворчала:

– Вшивая интеллигенция!

Я спрашивала у бабушки, что значит слово «интеллигенция»? И почему она «вшивая»? Но она только рукой махнёт:

– Не слушай её!

Была у этой семьи и своя небольшая собачка, чёрная, юркая и такая же лживая, как и её хозяйка. В её присутствии она злобно и яростно на всех лаяла, а когда её нет – ползала заискивающе на животе, виляла хвостом и просяще поскуливала. У неё была старинная собачья кличка – «Кунерка». Однако озорные соседские мальчишки произносили это слово как неприличное и гоняли её.

Да, народ не любил эту семью, а ведь они, действительно, были бедными и жили, как птицы небесные, говоря высоким слогом. У Зины не было пенсии, а дочери, имея детей, получали крошечные зарплаты. Родился и третий ребёнок – мальчик. Вскоре он заболел и стал страшно кашлять и задыхаться. Зина открыла форточку и выставила ребёнка на улицу. И это в двадцатиградусный мороз! Соседи увидели во дворе и стали ругать жестокую бабушку, но она спокойно ответила:

– Мальчонка задыхается! У нас в деревне раньше всегда так делали.

Действительно, ребёнок начал дышать. Вызвали врача и отправили в больницу, где этот маленький страдалец вскоре и умер.

Через год дочери уволились из пединститута и перешли работать на завод. В институте им отказали от ведомственного жилья. Но переселить семью было некуда, тогда отгородили для них в нашем холодном коридоре маленькую каморку. Им пришлось переселиться всей семьёй туда. Небольшая печка не могла обогреть эту комнатку, кое-как отгороженную досками от неотапливаемого коридора. Они мёрзли и ругали институтское начальство, которое поспешило лишить их прежнего жилища в мезонине.

Помню такой случай. Моя мама заболела ангиной. Она сла уху – стало больно глотать. Тогда не принято было просто так

сду выбрасывать. Пошла она с тарелкой недоеденной ухи к Зине и говорит:

– Для Кунерки принесла. Пусть досст.

А Зинин внук, мальчик лет пяти, подбегает к моей маме и говорит:

– Дайте лучше мне!

Мама отвечает:

– Так я болею, тебе нельзя это есть.

Мальчик и тут нашёлся:

– А я люблю есть суп после больных.

Мама вернулась домой смущённая. Кто будет есть эту уху, она так и не поняла.

Вскоре после этого случая сёстрам, дочерям Зины, дали жильё на новой работе, и они от нас уехали.

Бабушка их называла без осуждения, но с удивлением: «игрушечные люди». Однако судьба у них, как и у многих после войны, была совсем не игрушечная, а очень печальная.

Глава 16.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ В КВАСЮНИНЕ

ЕГОР, ЕФРАСЯ И ИХ РОДСТВЕННИКИ

После войны, в 50-е годы, в деревне Квасюнино не было электричества. Керосиновые лампы ценились очень высоко, и они были не у всех. Летом ими вообще не пользовались, и никто от этого не чувствовал никакого неудобства. Северные белые ночи давали возможность крестьянам обрядиться, то есть сделать все хозяйственные дела. А молодёжь вечерами гуляла с гармошкой и песнями по деревне и в полях за околицей, а не сидела под яркими электрическими огнями и фейерверками, с оглушительной музыкой где-нибудь по душным клубам и кафе, как это принято сейчас в городах.

Правда, сразу после войны парней в деревне было очень мало: многие погибли на фронте, а оставшиеся в живых или были инвалидами, или оседали по городам и в райцентре. Не хватало пахарей, чтобы вспахать землю под посев. Не хватало и плотников, чтобы рубить новые избы, чинить кровлю, крыль-

цо, пол. У многих крыши протекали, а от этого гнили избы и всё приходило в плачевное состояние. Помню, как мы приехали из Череповца на пароходе и пришли ночью с пристани к тётке Рае. Она положила нас на самое лучшее место в доме – на единственную кровать. Только вскоре мы проснулись от того, что на нас льётся вода. Это на улице пошёл сильный дождь, и нам пришлось искать более защищённое место, куда можно было бы переставить кровать. Так год от года ранее добротный дом с нарядными иконами и резной самодельной мебелью превращался в убогое жилище. Раиса Ивановна с дочерью Тамарой приходили в отчаяние, но сделать ничего не могли: не было средств, не было мужским рук...

Единственным умелым мужчиной в деревне, способным на все виды сельских и плотницких работ, был Егор. Это был жилистый, бледнолицый мужик с задумчивым взглядом широко раскрытых серых глаз, всегда тихий и молчаливый. Он приходился нам родственником: его жена Ефросиния, а по-домашнему просто Ефрася, была племянницей моего дедушки Степана. В отличие от молчаливого мужа она до самой старости любила поговорить, пошутить и посмеяться. Всегда казалось, что она смотрит на тебя, словно бы лукаво прищурившись. Меня в детстве поражало это несоответствие весёлого выражения её лица с окружающей обстановкой. Жизнь этой семьи складывалась нелегко: пятеро малых детей, в колхозе платят очень мало, хотя муж и жена с утра до вечера на работе, а за младшими детьми присматривают, как могут, старшие. Но таков был у Ефраси характер. Рассказывали, что в молодости, до замужества, она была очень привлекательной. Но к сорока годам от бывшей красоты остались только пышные кудрявые волосы, которые она небрежно закалывала и прятала под платком. Егор жил в полном подчинении у весёлой, но властной жены. Был случай, когда его глубокое чувство к Ефрасе вдруг проявилось в неожиданных и страшных обстоятельствах.

Дело было зимой. Ефрася пришла с телятника, где, как всегда, пришлось чистить стойла и задавать корм, носить поило. Покормила мужа и детей ужином – картошкой с капустой, попили морковного чаю. За окном сильно завывал ветер и валил, и валил снег. Погасили коптилку и легли спать. Ночью у Ефраси начались преждевременные схватки: она ждала четвёртого ребёнка. Что делать? Больница и акушерка находились в селе в

шести километрах от Квасюнина. А сильной метелью уже замело все дороги, и выезжать из деревни на лошади было опасно. Но делать было нечего – надо ехать! Егор молча пошёл на конюшню за лошадьё. Выехали в поле: в снежной буре небо смешалось с землёй. Ветер пронизывал до костей, страшно трясло на ухабах. Ефрася с каждым новым приступом схваток стонала всё громче, от этих звуков сердце Егора разрывалось. Когда уже приближались к окраине деревни Высоково, расположенной на полпути к селу Чаромское, лошадь отказалась идти и стояла, бессильно понунив голову.

Что делать? Темнеющие очертания деревни казались не так уж и далеко. Добираться сквозь метель до ближайшей избы? Егор стал осторожно спускать Ефрасю с саней, но та громко вскрикнула, и он почувствовал, что её тело безжизненно обмякло в его руках... Тогда он сам впрягся и поволок сани по снегу к избе. От громкого стука и крика хозяйка сначала перепугалась, но, поняв, в чём дело, быстро открыла. Перетащили роженицу в сени, а Егор побежал на колхозную конюшню за другой лошадьё. В сенях Ефрася очнулась, начались новые схватки, и вскоре появился на свет мальчик. Хозяйка, как могла, помогала страдалнице: перерезала и перевязала пуповину, ребёночка обмыла и, завернув в чистую тряпицу, положила к матери. Обоих укрыла тулупом.

Между тем метель стала утихать. Егор подъехал на санях и узнал, что родился сын. Обрадовался было, но, посмотрев на жену, испугался и понял, что дело плохо. На руках перенёс Ефрасю с ребёнком в сани, сорвал с плеч свой полушубок и укрыл им жену с ребёнком. Короткая дорога в три километра показалась ему страшно долгой. Наконец, добрались до больницы...

Роды в холодных сенях привели к тяжёлой болезни. Слава Богу, врачи выходили и мать, и дитя. Сына назвали Сергеем в честь его деда, отца Ефросинии.

В конце 50-х в Квасюнине началась новая эпоха: привезли «движок», то есть маломощную переносную электростанцию с дизелем. В клуб провели электричество, купили радиолу с проигрывателем, пластинки. Теперь, кроме пляски под гармошку и пение частушек, стали устраивать танцы под радиолу, показывать кино. Следом в деревне появилась небольшая мельница

и щеподралка. Всю эту технику обслуживал один Егор. Щепудрали для крыши колхозных построек, но изредка разрешали и колхозникам из собственного материала это делать. На мельнице работала Ефрася. После болезни она сильно постарела, годовалый мальчик Серёжа был с ней и на мельнице. Бывало, сидит она, перепачканная мукой, на пороге мельницы и кормит его грудью, а когда мальчик уснёт, кладёт его на грудку пустых мешков, и мельничный шум ему не мешает...

Её большая семья жила в маленькой старой избушке. Я дружила с её старшей дочерью Майсей. Помню, когда мне было лет 9 или 10, мы с ней и её братьями ходили в лес за ягодами, купались в Шексне. Мы были всегда голодны, хотя хлеба и молока было достаточно. Иногда мы ходили с Майсей в гости к её бабушке Устинье, добрейшей старушке. Как-то пришли к ней, а она запричитала:

– Ой, девки, не знаю, чем и угостить-то вас! Обождитё, сейчас шанег вам напексу. Только не обессудьте! Растительного масла у меня нет, дак я на рыбьем жире вам сделаю.

Вышли мы во двор и затеяли какую-то игру. Вскоре Устинья позвала нас отведать угощение. Мы увидели на столе целую тарелку ржаных лепёшек, от которых попахивало рыбьим жиром. Есть хотелось сильно, и мы с аппетитом всё съели и запили молоком.

Обычно я гостила в деревне у своей крёстной тёти Раи, но часто ночевала и у тёти Ефраси. Меня принимали в этой семье радушно, хотя жили они в маленькой избушке (бывшей зимовке моего дедушки). Все дети, кроме маленьких, летом спали на домотканых матрасах, набитых соломой, на потолке. Он представлял собой настил, сооруженный из тонких брёвен над скотным двором. Между брёвнами были узкие щели, и сквозь них при желании можно было увидеть всю живность, спящую под нами. Пение петуха, мычание коровы и блеяние овец и коз не мешало нам утром крепко спать.

Вскоре похолодало, начались дожди. Все деревенские дети, как ни в чём не бывало, продолжали бегать на улице босиком, и я с ними вместе. И вот у меня сильно заболело горло, стало ломить голову, поднялась температура. Добрые Ефрася и Егор положили меня на единственную кровать в их крохотной избе, на которой я провела несколько дней, пока не поправилась. Во время болезни я, наверно, впервые стала догадываться, что та-

кое доброта и почему быть добрым хорошо, и надо стараться быть добрым изо всех сил...

ЛАРИЧЕВЫ

История даже одной крестьянской семьи в России XX века поражает своим трагизмом. А сколько таких семей на белом свете!

Моих деревенских подруг детства с любовью вспоминаю до сих пор. Иных уже нет в живых, но память о них живёт и составляет снова и снова возвращаться в те далёкие годы.

Самой красивой, улыбчивой и светлой среди них была Тамара Ларичева. Её младшая сестра Лиза, по сравнению со старшей сестрой, была дурнушкой и нрав имела довольно вредный. Их мать Зина, весёлая, никогда не унывающая, работала дояркой. Их отца Павла Гурьяновича я уже не застала – он умер рано, так как перенёс много испытаний. Перед войной он уехал из родных мест в Ленинград, получил там хорошее образование и работу, женился, родились дети. Но злой наговор прервал течение спокойной жизни – его осудили по политической статье, и он оказался в тюрьме. Когда освободили в конце войны, больным и обессиленным приехал в освобождённый от блокады Ленинград. Но, увы! Вся его семья умерла, а в квартире жили чужие люди... И пошёл Павел Гурьянович пешком домой, в родную Сизьму. По дороге страшно голодал, но спасали умелые руки труженика. Он, кроме обычной крестьянской работы, умел многое... Из железа и из дерева делал различную домашнюю утварь и даже игрушки, паял, лудил, ковал. В каждой деревне находилась для него работа, за которую крестьянки расплачивались с ним обедом или ужином. Так дошёл он до деревни Квасюнино и там неожиданно осел окончательно. Приютила его Зина, хотя была она намного его моложе. Так создавались семьи в те тяжёлые годы испытаний.

В 50-е годы, когда нам, то есть мне и моим подругам, было по 9-11 лет, мы почти всё лето проводили на Шексне или в прибрежных лесах. Ангел нас хранил тогда, и с нами никогда ничего плохого не случилось.

Тамара Ларичева нами верховодила, хотя по характеру была самой тихой девочкой из нас: никогда не кричала, не смеялась

громко, её голубые глаза смотрели на мир открыто и ласково. Никто лучше её не знал самых ягодных и грибных мест в окрестных лесах, дорог и тропинок к ним. На реке она дальше всех заплывала, и мы ей завидовали. Однажды она нам сообщила, что нашла за Шексной места, где земляники растёт невиданно. Мы стали уговаривать её показать нам эти места. Но как туда попасть? Как перебраться через широкую реку? И всё-таки решились – взяли литровые банки для ягод и гурьбой пошли к переправе.

В маленькой избушке на берегу жил перевозчик – одинокий, сильно одичавший мужик. У нас была надежда на то, что он пьян и спит, что часто с ним бывало. Тогда можно будет отвязать лодку и перебраться на другую сторону. Так и получилось. Тихо сели в лодку, гребла Тамара Ларичева. Она была самой рослой и сильной, и главное, умела грести. Я со страхом наблюдала, как удаляется наш берег, на котором по-прежнему молчаливо стояла избушка перевозчика.

Переправа прошла благополучно. Привязали лодку, и Тамара повела нас по лесной тропинке в места неведомые. Брели долго, или нам так показалось. Наконец, вышли на поле с высокой травой и увидели впереди забор из колючей проволоки, а в стороне смотровую вышку... Стало как-то не по себе. Мы слышали от взрослых, что где-то за рекой располагался лагерь для заключённых. Но его в 1953 году ликвидировали. Условно освобождённые сначала разбрелись по окрестным деревням, но вскоре куда-то уехали.

Тамара скомандовала:

– Поползём под проволокой, там столько земляники, что не пожалее! Кто-то ей возразил:

– А если она под током? Убьёт!

Я струсил и решила, что ни за что не поползу под этой смертоносной проволокой. Но Тамара решительно сказала:

– Больше года лагерь закрыт. Мне кто-то говорил, что всё отключено. Пошли!

И девчонки, благополучно миновав проволоку, начали собирать на территории лагеря крупную землянику. Некоторое время посидев в одиночестве перед проволочным забором, я всё-таки решила последовать за подружками.

На месте недавней скорби буйно разрослась земляника, словно бы природа старалась изгладить из памяти земли чело-

веческие преступления и грехи. Никогда в жизни больше я не видела такого обилия ягод. Наши банки быстро наполнились, мы объелись ягодами настолько, что уже не могли на них смотреть. Отправились назад к реке. Когда вышли на безлюдный берег к лодке, то похолодели от ужаса: на том берегу стояли какие-то люди и среди них взъерошенный и ужасно злой перевозчик. Они, видимо, уже давно ждали лодку. Увидев нас, он начал грозно кричать и по-страшному материть нас. Обычно, в те времена к детям так не обращались. Но его разбудили в тяжёлом похмелье, у него увели лодку, и он не выдержал. Мы молча неподвижно стояли, боясь сесть в лодку и плыть назад...

Среди ожидавших на том берегу была женщина, которая быстрее других догадалась, что делать в сложившейся ситуации. Она миролюбиво закричала нам через реку:

– Девчонки, не бойтесь! Он вам ничего плохого не сделает! Скорее к нам плывите, а то мы опаздываем на пароход!

Тамара первая вошла в лодку, а мы следом за ней, и поплыли к родному берегу, не зная, как он нас встретит.

Пока мы плыли, гнев перевозчика утих, хотя он встретил нас грозным взглядом. Но увидев, детские перепуганные лица, смягчился и сказал:

– Хоть бы ягодами меня угостили, негодницы!

Тамара тут же отдала ему свою банку с ягодами. И мы пошли к деревне.

Вспоминаются также наши лесные походы за малиной, за рыжиками. Помню, раз мы набрали целые ведра рыжиков в нашей квасюнинской выгороде, которая имела странное название Кривоногово. В лесу развели небольшой костерок и стали жарить на прутиках кусочки хлеба и рыжики. Поели и отправились по лесной тропинке в поле. Затем мы долго шли по дороге к деревне, а вокруг расстилались родные поля: по одну сторону – рожь с васильками, а по другую - цветущее разнотравье. Вдали синела Шексна. Вскоре мы устали от тяжёлых ведер, поставили их при дороге и разлеглись на траве. Долго лежали, глядя в высокое сияющее-голубое небо, и тихо, беззаботно переговаривались друг с другом.

Мы тогда ещё не знали, что это были самые счастливые минуты нашей жизни...

Повзрослев, обременённая учёбой, семьёй, работой, я лет 15 не была в Квасюнине. Но вот в 1986 году поневоле пришлось побывать там. Наша семья жила тогда в Белоруссии, в городе Гомеле. Когда грянул Чернобыль, всех детей в мае стали вывозить из нашего города в другие районы большого Советского Союза, даже в Сибирь и на Кавказ. Уходили целые поезда с детьми, с привокзальной площади отъезжали большие автобусы, переполненные детьми. На всё это было больно смотреть. Мы решили своих дочерей-школьниц не отправлять в лагеря временного размещения. Бабушка, любившая внучек, увезла их на родину – сначала в Череповец, а затем в Квасюнино. Опять принимала их у себя моя крёстная тётя Рая и её взрослая дочь Тамара Тихомирова. Но было очень тесно всем в одном доме. У Тамары было четверо своих сыновей. Написали Лизе Ларичевой и попросили сдать их пустующий домик нам на лето. Получив отпуск, мы с мужем тоже приехали в Квасюнино.

Домик, который нам пришлось обживать, был давно необитаем, поэтому страшно запущен. Нам долго пришлось его отмывать и наводить хоть какой-то порядок. Глядя на почерневшие стены и полы, трухлявые оконные рамы, я вспоминала другой облик этой избы: светлые окна, стены, половицы в солнечную погоду отливали солнцем, и домик казался тёплым и сказочным. Что же произошло за эти годы с домом и его хозяевами? Почему дом опустел?..

А случилась вот что. Дочери, окончив школу, уехали учиться в Череповец. Тамара Ларичева рано вышла замуж за украинца, который тут же увёз её на Украину, в город Котовск. Лиза тоже вскоре выскочила замуж и уехала в посёлок под Ленинградом. Их мать Зина осталась одна в доме. Она терпеть не могла одиночества, поэтому все вечера после работы проводила у соседей, то в одной избе, то в другой. И вот однажды тёмным осенним вечером она возвращалась домой. Как всегда, двери были не заперты: красть нечего. Но тут они стояли распахнутыми, и Зина всполошилась: не собака ли забежала в дом? Когда зашла в тёмные сени и услышала скорые, тяжёлые шаги, она поспешила спрятаться за открывающиеся двери, но было поздно. Здоровенный мужик увидел ее и шагнул к ней. В руках он держал их родовую старинную икону Казанской Божией Ма-

тери. В какой-то испуганной ярости он ударил её иконой по голове и побежал. Зина упала сражённая и потеряла сознание...

После этого случая она стала частой гостьей больницы, а потом и совсем разболелась. Всё время мучительно болела голова. Врачи поставили вскоре страшный диагноз – рак головного мозга. На похороны приехали обе дочери, много плакали, жалели, что оставили мать одну... Вот с тех пор этот дом и запустел.

Изменился и окрестный пейзаж. Прибрежный лес был кое-как в спешке вырублен и затоплен при строительстве Волго-Балта и шлюза в Шекене ещё в 60-е годы. Затоплены и те одновременно горемычные и заповедные места, где был лагерь с колючей проволокой, а потом красовалась земляничная поляна нашего детства...

Прошло ещё более 20 лет. Сёстры Ларичевы недавно умерли. Замужество их оказалось неудачным, что привело к болезни и страданиям. Тамарин украинский муж решил сменить её, русскую жену, на украинку из родного города. Выгонял её из дома, который они вместе строили, бил. Но родители его оказались добрыми людьми и приютили её с дочкой. После смерти Тамары на Украине осталась её дочь Елена и три взрослых внука. До недавнего времени Елена переписывалась изредка с односельчанами матери. Но вот на Украине начался очередной Майдан, братоубийственная война, и переписка прекратилась. Где сейчас внуки Тамары Ларичевой? На чьей стороне воюют? А может и не воюют, а уехали уже в качестве дешёвой рабочей силы в «Евросоюз»? А ведь это наши вологодские, квасюнинские, кровиночки мыкаются где-то по белому свету...

Глава 17. ОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Как и многим подросткам, мне не удалось избежать опасных приключений. Но Господь меня хранил. Расскажу о некоторых самых памятных происшествиях, хотя их было много.

ГРОЗА НАД РЫБИНСКИМ ВОДОХРАНИЛИЩЕМ

Некоторые наши приключения связаны с катанием по Шексне на моторной лодке. Нашему однокласснику Лёше было всего пятнадцать лет, но отец свободно позволял ему пользоваться этой лодкой, так как знал, что сын прекрасно с ней справляется. Я тоже в этом убедилась, когда мы с целой компанией одноклассников катались по Шексне. Тогда он придумал развлечение, чем-то напоминающее водные лыжи. Он просверлил в широкой доске отверстие и просунул в него снизу толстую верёвку, подобную канату, связал узлом на верхней поверхности доски. Потом другим концом привязал верёвку к корме своей моторки. Поехали!

Сначала на этой доске лёжа и даже стоя катались по Шексне мальчишки. Потом и мне захотелось прокатиться. До сих пор помню скорость движения, брызги воды, сильный встречный ветер в лицо и ощущение своей силы и смелости! Теперь, вспоминая это приключение, кажется, что это была не я, а какой-то другой человек.

Так тогда мы развлекались, подростки маленького города. Ездили мы дважды и на Рыбинское водохранилище. Первый раз путешествовали в тех местах вдвоём с Лёшей. Заехали довольно далеко. Удивили меня тогда возвышающиеся из воды разрушенные строения, видимо, одно из них было храмом. Я тогда ничего не знала о затопленном Леушинском монастыре, но впечатление от увиденного было всё равно печальным.

Второе наше путешествие чуть не кончилось трагически.

Однажды солнечным летним утром мы втроём отправились по Шексне и далее к Рыбинскому водохранилищу. Третьей была моя подруга Галя. Мы радовались предстоящей поездке на моторке, погода не предвещала ничего страшного, что потом случилось. Действительно, пока мы плыли по Шексне, небо было ясным, но вскоре оно стало окутываться каким-то маревом. Постепенно это марево сгущалось, и наконец, когда мы были уже на водохранилище, над нами повисли низкие грозовые тучи. Вода помрачнела и стала свинцовой. Засверкали молнии, и загремел гром. Поднялась на воде буря, дождь полил стеной. Мы повернули назад. Стало по-настоящему страшно, лодку швыряло на волнах. Однако Лёша не растерялся: крепко держал руль и твёрдо направлял наше судёнышко против волны, разрезая её носом лодки. Мы с Галей сидели насквозь промокшие от ливня и плеска волн. Было очень холодно.

Удивительно, когда мы вошли в Шексню, грозы и бури там не было, река по-прежнему медленно несла свои воды. Выглянуло солнышко. Словно мы вернулись из какого-то чужого, мрачного и смертельно опасного мира и снова оказались в родном и тёплом краю.

И после этого испытания мы уже больше не плавали на водохранилище.

СПАСИТЕЛЬНАЯ ТРАВМА

После окончания восьмого класса мне пришлось переходить в другую школу, так как наша школа закрылась. Везде вводили одиннадцатилетку, и только одна школа № 5 в центре Череповца осталась десятилетней. Моя мать мечтала поскорее дать мне образование, поэтому с большим трудом устроила меня и мою подругу Галю в эту школу. Я не сразу привыкла к новому классу, да и возраст был такой, что я вдруг начала всего стесняться. Раньше я училась среди детей из простых семей, в основном рабочих, служащих и учителей. Все мы были дружны, простодушны и веселы. А в новом классе, казалось, дети взрослее меня по своему развитию и даже горделивы. У многих родители занимали высокие посты на заводе, в торговле и в медицине. Учителям с ними было не просто. Среди одноклассниц особенно выделялась красивая и своснравная девушка Наташа С. Она могла перебить учителя, высказать ему свои претензии, вести себя бесцеремонно. В те времена это было редкостью в школе.

Когда на неё совсем не было управы, учитель просто выгонял её из класса. Но и из коридора она умудрялась мешать вести урок: заглядывала в двери, что шептала, жестикулировала.

Однажды весной, а именно 12 апреля, Наталью опять выставили за дверь. Не прошло и пяти минут, как она вдруг влетает в класс и громко кричит в волнении:

– Человек в космос полетел!!!

– Выйди из класса! – грозно отвечает ей учительница и за руку выводит её в коридор. – Сама не желаешь учиться – и другим не мешай!

Однако Наташа снова открыла двери в класс и снова закричала:

– Человек в космос полетел! Да! Да, это правда!

В это время раздался необычно долгий звонок, вошла завуч и попросила весь класс выйти в холл. Там уже из включённого радио играла праздничная музыка, потом диктор объявил, видимо, уже не в первый раз:

– Наш советский человек совершил полёт в космос! ...

Так мы узнали о Юрии Гагарине и его подвиге.

Иногда с человеком происходят тяжёлые события, но потом, оказывается, что они были для него спасительными. Именно такое происшествие случилось и со мной.

В нашем девятом классе был необычный классный руководитель – Игорь Яковлевич. Говорят, он совсем недавно стал учителем, а до этого работал инженером на заводе. Это почувствовали и мы. Он совершенно не пользовался обычными педагогическими методами и приёмами в нашем обучении и воспитании. Преподával он физику. Сам не любил нам объяснять теорию, а увлекался трудными физическими вопросами, на которые и предлагал нам ответить. Они всех нас ставили в тупик. Мы терялись и не могли ничего сказать, а он радовался своему превосходству. Тем не менее, наш класс его по-своему любил, чувствуя в нём не взрослого мужчину, а ершистого и неугомонного юношу, хотя ему было тогда уже более сорока лет.

В конце учебного года всё чаще Игорь Яковлевич интересно рассказывал нам, как он любит путешествовать на плотках по рекам, где бывал и какие приключения испытал. Все в классе

зажглись мечтой о таком путешествии летом. Учитель нас обнадёжил:

– Такое путешествие можно подготовить. Для этого, прежде всего, нужны деньги на дорогу к месту назначения, откуда мы начнём сплавляться по реке. Кроме того, нужно запастись провизией и взять в аренду или купить пару плотов. Просить у родителей много не будем. Сами уже взрослые. Надо в июне заработать средства, в июле уже отправляться в путешествие. Предлагаю сплавляться на плотях по реке Чусовой. Это Пермский край.

Мы были счастливы и теперь только и обсуждали, как мы будем путешествовать. Вначале собирались поехать всем классом, но в конце концов оказалось, что отправятся в неизвестность только человек пятнадцать.

В начале июня стояла жара. Наш классный руководитель однажды сообщил нам, что завтра можно хорошо заработать. Конечно, тем, кто желает поехать. Он договорился с начальством на железной дороге о разгрузке вагона с кирпичом. Предупредил, что одеться надо в рабочую или старую одежду, девочкам завязать головы платками. Утром мы охотно вышли на эту пыльную и тяжёлую работу. И вот, когда я вынесла последнюю ношу с кирпичом и возвращалась по трапу в вагон, вдруг получаю удар кирпичом по голове. В последний момент я почувствовала, как кровь полилась по лицу и увидела, что бросила этот кирпич с размаху наша одноклассница-озорница Наташа С. Затем я потеряла сознание. Вызвали скорую помощь и отвезли меня в больницу, сопровождала меня подруга Галя. Там мне прочистили рану от кирпичной пыли и наложили несколько швов. Сделали укол от столбняка. От него у меня началась сильная кожная аллергия. Таким образом, все оставшиеся летние месяцы я лечилась и никуда не поехала.

Дома мои бабушка и мама были очень расстроены. Упрекали меня в том, что я их не послушалась и пошла на разгрузку вагона. Однако потом оказалось, что это неприятное происшествие избавило меня от рискованного путешествия, в котором я вполне могла погибнуть. Но Бог милывал!

Наши путешественники вернулись домой не очень весёлыми. Не имея опытного инструктора и сами ничего не умея, они вместо интересного похода оказались в какой-то неожиданной ловушке и не один раз были на грани гибели. Приключения

были и на реке, когда на перекатах разбило один плот, и на берегу, когда после этого они вынуждены были туда выбраться. Кругом стоял стеной лес, могучие деревья чередовались изредка со светлыми полянками, где можно было поесть земляники. Продукты вскоре закончились, долго они плутали по лесу голодные и растерянные, не зная дороги. С трудом добрались до первой деревни, но им никто не хотел продавать ни хлеб, ни молоко. Не привыкли к торговле, а магазина не было. Подробно уже не помню рассказ путешественников о том, как они всё-таки спаслись и оказались на железнодорожной станции. Некоторые из них уже в дороге заболели от переохлаждения. Моя подруга Галя так простудила ноги, что месяц лечилась в больнице. А ведь все они были намного крепче меня и сильнее. У меня тогда было такое чувство, что, если бы я поехала с ними, то назад мне живой было бы не вернуться.

После этого авантюрного похода нашему учителю предложили уйти из школы, и он снова вернулся на завод. Вместо него в десятом классе нас стала учить физике студентка четвёртого курса местного института, она оказалась очень талантливым педагогом. Терпеливо пыталась наверстать упущенное за девятый класс, доступно и толково объясняла нам новые темы. В результате весь наш класс сдал выпускной экзамен по физике благополучно. Конечно, жалея нас, комиссия ставила оценки с учётом сложившейся ситуации.

Глава 18. ЛУННОЕ ОЗЕРО

Всё, о чём я собираюсь рассказать, происходило более пятидесяти лет назад...

Шёл 1963 год. В начале сентября нас, студентов пединститута, отправили, как это тогда было заведено, на работу в колхоз – убирать картошку и стлать лён. Надели мы стёганные серые фуфайки, резиновые сапоги, положили в вещмешки самое необходимое, и повезли нас из города на старом грузовике по тряской дороге в неизвестном нам направлении. Всю дорогу мы весело пели песни и смеялись. Молодость есть молодость!

Ехали из Череповца до Белозерска, а затем ещё километров сто далсе. Приехали ближе к вечеру в маленькую деревню на берегу озера. Эта дальняя деревушка находилась в глухом лесном и озёрном районе Вологодской области. И называлась она соответственно – Лесуково.

Большой старинный крестьянский дом, в котором нас разместили, стоял близко от озера на возвышенном берегу. С улицы вела довольно высокая крытая лестница с перилами, затем шли обширные тёмные сени. Из них налево открывалась тяжёлая дверь в жилос помещения - большую избу с широкими половицами, многочисленными по всем стенам небольшими окошками без занавесок, под которыми были лавки. Голый стол без скатерти стоял в красном углу. Слева, при входе, располагалась большая русская печь с полатями, рядом был отгорожен чулан с кухонным столом, ухватами и другой утварью. Никакой другой мебели в доме не было. Поражала простота убранства: кругом было дерево, чистота и, можно было бы сказать, нищета, если бы не заглядывало так радостно в окна сентябрьское солнце и веселые озерные блики не скользили бы по чистому светлomu полу.

Нас приютили высокий старик, по-молодому синеглазый, спокойный и приветливый, и его тихая молчаливая жена-старушка. С разрешения хозяев мы стали осматривать эти величественные крестьянские хоромы. Вышли мы в сени, затем пошли дальше и увидели различные хозяйственные постройки: коридорчики, повети, чуланчики, хлев. Их было много –

этих помещений, но везде было так же пустынно и чисто, как и в жилой части дома. В одном из чуланов, правда, на полках стояли глиняные кринки с молоком, видимо, поставленным на скисание и сметану.

После городской суеты, шума и грязи, особенно в нашем студенческом общежитии, расположенном недалеко от стен металлургического комбината, это старинное крестьянское жилище показалось нам каким-то до боли родным и близким, словно мы когда-то в далёком детстве или в другой жизни уже были здесь.

В деревне и на озере стояла глубокая тишина. Этот безмятежный покой окружающего мира нас, непривычных к нему, стал постепенно беспокоить. Некоторые студентки стали возмущаться:

– Куда нас привезли! Нет ни радио, ни электричества! Что мы будем делать вечерами после работы?!

Наш хозяин, звали его Николай, с усмешкой успокаивал нас:

– Не тужитё, девки! Мы все тут прожили, а скучать смолоду некогда было. А вам-то всего месяц прожить у нас в деревне.

– Дедушка, неужели в город вас не тянет? – спросила самая бойкая из нас Надя. Дед Николай помолчал и потом не спеша ответил:

– Как может тянуть туда, где никогда не жил? Я ведь только и видел что Белозерск проездом и Череповец, когда нас везли на фронт, ещё в первую германскую.

Вечером наша тихая хозяйка Анна покормила нас картошкой и молоком, а потом дала широкие холщовые мешки - «постели», как она выразилась, и повела нас на сеновал, чтобы там набить их сеном.

Постелились на полу в избе, укрылись собственными фуфайками и довольно быстро уснули, утомлённые дальней дорогой и оглушённые непривычной тишиной.

Среди ночи я неожиданно проснулась от странного света, который ровно и спокойно освещал всю избу. Я села, встревоженная, и стала оглядываться по сторонам. В окна, не защищённые занавесками, струился мягкий, но довольно сильный, ни на что не похожий свет. Я тихонько встала, подошла к окну и увидела: на небе сияла полная луна, а озеро, как огромное зеркало, отражало этот лунный свет. От этого двойного освеще-

щения всё вокруг было затоплено этим необыкновенным светом и казалось призрачно-торжественным. В глубокой ночной тишине казалось, что этот лунный свет наполнен стройным звучанием таинственного хора.

Я уже больше не могла спать и вышла на крыльцо. На дворе по-осеннему прохладный воздух бодрил. Кругом удивительная всепоглощающая тишина, только едва слышно плескание озерной воды у берегов. И светящееся озеро, и светящееся небо, и серебристый воздух, словно наполненный тихим звучанием таинственного хора ... Сердце сладостно замерло от полноты бытия и новой непонятной радости.

Господи, как прекрасен мир Твой!

В нашей студенческой группе были как городские, так и деревенские девушки. Последним было легче привыкнуть к суровому крестьянскому быту и труду, проще ориентироваться в обступившей нас со всех сторон дикой природе – в тёмных северных лесах и лесных озёрах. Нам, городским, было гораздо труднее и даже опаснее. В этом мы убедились уже очень скоро.

Как-то пришли с работы, умылись на озере с мостков. Поужинали пшённой кашей, запили молоком. Разбрелись кто куда. Моя тогдашняя подруга Лида Иванова предложила:

– Давай, покатаемся на лодке! Видишь – к мосткам привязана.

Недолго думая, попросили у деда вёсла, сели в лодку и поплыли. Дед на прощание крикнул:

– Только недопозда! Возвращайтесь до захода солнца, а то заблудитесь в потёмках-то!

Мы засмеялись, думая: как это на небольшом озере можно заблудиться? Не море же!

Вечер был чудный, последние тёплые деньки. Небо было чистое, только из-за края горизонта выглядывало небольшое облако. Мы плыли и разговаривали, наслаждаясь необычным для нас водным путешествием.

Озеро было нешироким, но, извиваясь, простиралось всё далее и далее. Кончились прибрежные поля, начались кустарники, а потом и леса поднялись, затеняя свет уже низкого солнца. А мы плыли и плыли дальше, увлечённые своими разговорами и движением вперёд – в неизвестность.

Вот и солнышко закатилось. Тучи стали наплывать и закрыли всё небо над головой. И вдруг, как это бывает осенними вечерами, стало темно и прохладно. Захотелось домой, в деревню. Повернули, как нам показалось, назад. Плывём уже в полной темноте, оглядывая озёрные берега в поисках своей деревни. Ни огонька! Нам представилось, что мы гребём отяжелевшими вёслами уже давно. Но кругом ни зги не видно. Только угрюмые берега с непонятными тенями. Стало не по себе студенткам. Струсили. В появившемся тумане мы обе дрожали от сырого холодного воздуха и от внутреннего волнения. Время тянулось очень долго, темнота и неизвестность не отступали. Мы пресмирели. Вспомнили о Боге. Кто же ещё нам поможет! Стала я в душе молить:

– Господи, помилуй нас и спаси!

Прошло неизвестно сколько времени, так как мы, казалось, заблудились не только в пространстве, но и во времени. Но вот вдали на берегу забрезжил слабый огонёк. Он как-то странно качался из стороны в сторону. Мы, обнадёженные, с новыми силами стали грести туда. Огонек приближался, и скоро мы услышали призывные крики наших друзей-студенток:

– Люся! Лида!..

На берегу стояли дед Николай с допотопным керосиновым фонарём и стайка взволнованных девушек. Мы молча причалили. Дед сурово посмотрел на нас, но ничего не сказал. Мы только и смогли тихо сказать:

– Спасибо!

После этого случая мы больше не катались вечерами на лодке, сидели в доме и при тусклом свете керосиновой лампы читали или играли в карты. Нам тогда никто не объяснил, что играть в карты – дурная привычка и лучше не заниматься этим делом. В один из таких скучных вечеров, когда слово за слово поднялась перепалка, я, чтобы отвлечь девчонок от разгорающейся ссоры, призналась им, что умею гадать на картах. Рассказала, что от бабушки научилась. Она всю войну бедным женщинам гадала об ушедших на фронт сыновьях, дочерях и мужьях. И что удивительно – «всё сходилось», как говорили эти женщины! Мои подруги с любопытством меня выслушали. И тут началось. Каждая просила погадать ей. Признаюсь, меня

охватило какое-то необыкновенное вдохновение, которое раньше я никогда не испытывала. Польщённая общим интересом к себе, я без устали гадала и гадала всем почти каждый вечер...

И вот я доигралась - со мной произошёл странный несчастный случай, после которого я уже никогда в жизни никому не гадала и считала это дело большим грехом.

Случилось это, когда нам с подругой поручили возить воду на свинарник на старой понурой лошади. Надо сказать, что эта работа многим нравилась, все наперебой просили бригадира дать им это задание, но он выбрал меня и мою подругу Лиду. Я взяла поводья и повела лошадь по деревенской дороге к озеру. К телеге была приделана бочка, на которую я и решила сесть. Подруга тоже хотела прокатиться на бочке, но я её уговорила поехать так на обратном пути, когда будем возвращаться с озера. Лошадь идёт медленно, лениво помахивая хвостом. Я сижу на бочке и держу в руках поводья. Мы радостно напеваем, довольные таким интересным занятием, словно бы игрой. В городе мы о таком и не мечтали! Только радовались мы недолго. На совершенно ровной дороге при тихой езде я неожиданно сползла с бочки и упала на землю...

Когда пришла в себя и открыла глаза, увидела испуганные лица однокурсниц, склонившиеся надо мной. Откуда они взялись? Все ведь должны быть на картофельном поле за деревней? Долго ли я здесь лежу?.. Меня с трудом подняли и повели под руки к нашему дому. Там я, с позеленевшим лицом, отлеживалась, как раненый боец, несколько дней. Приехал из соседней деревни наш куратор, молодой преподаватель, который жил там с другой группой студентов. Расспрашивал, как всё это случилось, и пришёл к справедливому выводу: «Сама виновата! Нечего было на бочку садиться, шла бы рядом с телегой!» Домой в город не отпустил. Видимо, побоялся ответственности и выговора за случившееся. Да и на чём было ехать? Ведь рейсовый автобус на Череповец ходил только от Белозерска. А как туда попадать? За сто километров единственный колхозный грузовик никто не пошлёт. Он и здесь нужен. Авось и так всё обойдётся. Ко времени возвращения девушка поправится. Так рассуждал наш юный куратор. Но всё-таки он понял, что поручать мне работу на картофельном или льняном поле после сильного сотрясения мозга нельзя. Попросил бригадира подобрать работу полегче – только для видимости.

Через три дня я, преодолевая тошноту, пошла «пасти телят» на огороженной со всех сторон лужайке. Так и сидела там весь рабочий день. Благо, что телятам некуда было убежать. Они меланхолично щипали траву, лежали, греясь на солнышке, иногда подходили ко мне и, заглядывая в глаза, словно спрашивали: «Ну, каково тебе, гадалка? Не будешь больше гадать?»

Мое странное падение и болезнь каким-то образом повлияла на общее настроение нашей компании. Все стало спокойнее и серьезнее. Да и погода стала холодной и дождливой. Уже не было светлых лунных вечеров и ночей. После работы мы перестали заниматься картами, а, сидя по лавкам, пели песни или вели тихие беседы с дедом Николаем при керосиновой лампе, которая тускло освещала большую избу. Расспрашивали его о молодых годах, которые выпали на предреволюционные годы в начале XX века. Он охотно отвечал на наши вопросы, и его воспоминания были удивительно жизнерадостными и веселыми. Для нас, молодых, эта эпоха казалась какой-то древностью, в реальность которой верилось с трудом. Особенно нас удивляло какое-то несоответствие между его рассказами и тем, что было написано в учебниках по истории КПСС. Экзамен по этому предмету мы сдавали совсем недавно. Преподаватель рассказывал нам о страшной бедности и непосильном труде доореволюционных крестьян, об их поголовной безграмотности и невежестве. Цитировал слова Максима Горького «о свинцовых мерзостях деревенской жизни». Меня эти слова тогда больно задели. Ведь все мои родственники родом из деревни, которую они любили и, переехавшись в Череповец, часто с грустью вспоминали. Я с детства была напитана рассказами бабушки и ее подруг о том, «как жили прежде». Каждое лето я проводила в родной деревне. Мужские рассказы деда Николая, конечно, сильно отличались от женских воспоминаний моей бабушки, но те и другие имели общий жизнеутверждающий тон. Студенткам, и мне тоже, особенно понравился рассказ о том, как Николай женился. Он удивительно подробно описывал свою празднично украшенную тройку лошадей, запряженную в расписные сани, которые сам мастерил, звон колокольчиков, гомон гостей и, главное, — ему как-то удавалось передать нам свое сердечное ликование... Особенно он хвалил своих коней за

их удаль. Он, видимо, и сейчас гордился тем, что у него когда-то были такие добрые кони и что он так лихо увозил под венец свою невесту Анюту...

Месяц в деревне пролетел незаметно, и вот мы опять на том же старом грузовике, в тех же сереньких фуфайках и резиновых сапогах едем с песнями назад в Череповец...

Глава 19. ПРОЩАЙ, ДЕТСТВО!

Детство заканчивается тогда, когда начинаешь терять родных и близких. И такое печальное время наступило для меня совершенно неожиданно. Когда мне было восемнадцать лет, скоростижно умерла моя бабушка Надежда Феофановна, самый близкий мой друг с младенческих лет. Всё доброе для души я получила от неё. Она никогда не стесняла моей детской свободы, как говорится – не «воспитывала», но была необходима мне как воздух для моей жизни.

На первом курсе пединститута я заинтересовалась устным народным творчеством и диалектологией. Стала записывать за ней и её деревенскими подругами частушки, бывальщины, местные квасюнинские слова. Для меня это было своеобразной игрой. Я даже не предполагала, что когда-то через много лет серьёзно займусь изучением крестьянской словесной культуры и даже буду издавать книги. Получается, что Надежда Феофановна заложила во мне основы моего языкового кругозора и пробудила научные интерес к филологии.

Но вдруг всё это внезапно оборвалось самым жестоким образом. В тот день впервые в жизни я поссорилась с бабушкой, впервые она на меня по-настоящему обиделась. Вспоминаю всё это, и мне кажется, что к нам тогда подошла какая-то мистическая тьма, исказив нас, наши отношения и нашу жизнь. Началось это ночью, когда мы спали, совсем не предполагая, какая беда к нам приближается, как вор. Мне и бабушке приснились странные сны. Утром она мне рассказали свой сон.

Видела Надежда Феофановна красивый цветущий сад, там

она встретила своего умершего мужа, Степана Митрофановича. Он радостно шёл ей навстречу, взял её за руку, показал на большой топчан, застеленный чем-то белым, и сказал:

– Вот здесь мы с тобой отдохнём хорошо!

А мне приснился ужасный сон, я даже закричала ночью. Об этом мрачном наваждении я не захотела никому рассказывать, хотелось всё поскорее забыть. Утром встала с больной головой и непонятной тяжестью на сердце. Снилось мне, что я совершенно одна захожу в незнакомое тёмное озеро и начинаю плавать. Вокруг меня скопились какие-то мерзкие скользкие водоросли с маленькими черепами вверху, они стали обвивать мои руки, ноги и всё тело. От невероятного омерзения я закричала и начала от них отбиваться, но всё было тщетно. Во сне я уже начала терять сознание, но тут, как спасение, я проснулась. Меня разбудила мама, услышав мой крик.

Утро прошло спокойно, хотя я была подавлена ночным видением. Бабушка была задумчива, видимо, она про себя уже поняла скрытый смысл своего сновидения, и он её беспокоил. Может быть, по этой причине она не захотела меня отпускать в кино с моей подругой, которая зашла ко мне. Может быть, она уже мысленно с нами прощалась. Кто теперь узнает! Только в тот последний день её жизни я совершила свой первый взрослый грех, который ранит мою душу всю жизнь. В ответ на уговоры бабушки остаться дома, никуда не ходить, я неожиданно рассердилась и отвечала ей раздражённо и даже крикнула:

– Нет! Всё равно пойду гулять с Таней!

Бабушка печально замолчала и перестала препятствовать моему уходу.

Через три часа я вернулась домой. Бабушка лежала на своём диванчике и, как обычно, читала книгу. Со мной она уже не разговаривала. В сердце кольнуло, но я так до конца тогда и не поняла, что произошло. Вечером к нам ненадолго приходили племянницы Надежды Феофановны, она их угостила чаем с пирогами. Потом мы с мамой ушли в гости к бабушкиной младшей дочери. Вернувшись в девятом часу, мы обнаружили, что запертые изнутри двери никто нам не открывает. Всполошились. Сосед взломал двери, и тут мы увидели, что бабушка умерла.

Трудно передать то чувство боли от внезапной утраты дорого человека, от ощущения непоправимой вины перед ней! Уже

ничего нельзя было изменить, исправить! Словно невидимая стена опустилась между мной и моей бабушкой.

Надежду Феофановну похоронили в одной ограде со Степаном Митрофановичем. Они в этой жизни честно исполнили свой долг, воспитали пятерых детей, много труда и бед перенесли, но остались по-прежнему добрыми и терпеливыми русскими крестьянами.

А во мне с тех пор поселилось в душе печальное понимание своей греховности, с осознанием которой и кончились годы моего детства.

ШЕКСНИНСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, что бывальщина – это устный короткий рассказ об удивительных событиях, которые случались (то есть бывали) с рассказчиком или его родственниками и знакомыми. Бывальщины учат внимательно относиться к тому, что происходит в нашей жизни, которая имеет не только бытовое и очевидное измерение, но и таинственное, сверхъестественное. Рассказ о самых невероятных событиях может иметь свою основу в реальности.

Особенность данного жанра устного народного творчества заключается в том, что в этих занимательных рассказах скрыто нравственное поучение, которое не преподносится прямо, в лоб. К нему человек сам приходит, послушав рассказ и напитавшись народной мудростью. Ценность бывальщин, которые многим кажутся примитивными и простоватыми, можно определить словами старца Николая Гурьянова:

*Над умными есть разумные,
над разумными есть мудрые,
над мудрыми есть премудрые,
а над премудрыми – святая простота.*

С раннего детства я жила среди простых людей и поэтому наслушалась много таких бывальщин и в Шекснинском районе, и в городе Череповце. Да и позднее я всегда интересовалась подобными народными рассказами. В результате я решила записать хотя бы часть из того, что мне удалось услышать и запомнить. В тексте бывальщин я частично сохранила местные слова и особенности устной речи моих рассказчиков.

МАТУШКИНО ПРОКЛЯТЬЕ

Жила в нашей деревне Квасюнино красивая и смелая девушка Еня. Подруги ей завидовали и говорили:

– Ты, Енюшка, из зажиточной семьи и сама красавица. Выберешь хорошего жениха, выйдешь за него замуж и заживёшь припеваючи.

Но судьба Ени повернулась иначе. Полюбила она не работающего парня из хорошей семьи, а Федьку – зимогора, как его многие за глаза называли. Крестьянствовал он лениво, часто уезжал на суда матросом или в город нанимался кучером. Больно он любил волюшку, и был непоседлив. Одним словом – ерпыль.

На беседы он приходил и как ухасть шумел, других парней обижал, бывало. Но за девками нашими он любил поухаживать да нахально поухватывать. А матка его – Онисья, в деревне говорили, «знала», то есть колдовала.

И вот случилась невидаль – вдруг наша-то славутница и полюбила этого зимогора! Чем он ей угодил – и ума не приложу! Всех её ухаждёров отбил подальше, а сам давай свататься к Енюшке. Только её батька с маткой из избы его вместе со сватами выгнали, так осерчали. Жаль ведь свою кровиночку в такие руки отдавать. А Федька не унимается пуще. И сговорил он бедную нашу Енюшку пойти за него самоходкой. Привёл её домой прямо с беседы, а матка-то его и рада. Шуточное ли дело – такую красавицу да работницу в невестки взять! Поговаривали потом в народе, что это она всё сварганила: приворожила к сыну.

Как обычно в таких случаях бывает, на следующее утро явились новоявленные молодые к родителям Ени с повинной. Горе-то какое родителям: жаль дочь родную. А ж сердце захолонуло! Да и гордыня немалая душу жгла: их-то славутница да зимогору досталась! И не выдержала Енина матушка – не помня себя, закричала страшным голосом:

– Уходи, дочь непокорная с этим злыднем! Чтобы ноги твоя у нас топеря не было! А коли придёшь к нам, так пусть у тебя, беспутый, ноги отсохнут!

Так-то прокричала, а сама без памяти и упала на половики.

И вот прошло три года. Чего страшились сродники, то и произошло. Федька на судах да по городам шляется, а бедная Еня с утра до ночи в работе, да в заботе. Всё их хозяйство на ней. Да свекровка – злыдень грызёт, поедом сст. Видно, тёмная душа на светлую душу злует. А тут ещё беда: родился у Ени робёночек – сынок, да калеской оказался. Она в нём души не част. Один он у неё, родная душа, топеря остался. А свекруха и на него злует: пошто да пошто он нам такой! И вот как-то Еня в поле весь день рожь жала, а сына оставила со старухой. Вернулась к вечеру, а робёнок-от уже отошёл. Что и почему это случилось, свекровка не говорит. А сама довольная ходит. . .

Вот тут-то и не выдержало Енюшкино сердце. Схватила мёртвого младенца и побежала в родной дом к родной матушке. Только переступила порог в избу – тут и ноги отнялись. Ой как матушка убивалась-то над дочерью, вгорячах сю проклятой! Да, видно, сбылись сё чёрные слова, выкрикнутые в отчаянии и злобе.

Всю оставшуюся жизнь лежала Енюшка на постеле, а матушка за ней ухаживала. Мы, подружки, тоже сё часто навещали с гостинцами. Бывало, встанет несчастная мать на колени около дочкиной постели, и плачут обе, и просят Господа простить их прегрешения. И Бог их наградил своею милостью: в этом доме теперь всегда были только любовь и согласие.

ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА

Когда-то в детстве рассказывала мне моя бабушка Надежда историю короткой жизни своей золовки, то есть сестры деда – Ефросинии. Она выросла удивительной красавицей и многие молодцы на неё заглядывались. Полюбила она своего односельчанина Ивана. Весной его и других парней в деревне призвали в Красную Армию, и девушки пошли их провожать в село Чаромское за шесть километров. Там назначено было место сбора призывников. Когда возвращались назад, началась сильная гроза с ливнем и градом. Девушки промокли и очень озябли, так как резко похолодало. Фрося пришла домой и сразу слегла с высокой температурой. Стала она таять на глазах, началась скоротечная чахотка. Дали знать её жениху, что невеста его умирает. Он в это время служил в Череповце, с трудом выхлопотал трёхдневный отпуск и уговорил хорошего врача поехать с ним в деревню. Врач осмотрел больную и осторожно намекнул Ивану, что он бессилён спасти Фросю. Но тот умолял о спасении невесты, врач выписал лекарства, чтобы как-то успокоить плачущего Ивана. Вернувшись в Череповец на службу, он раздобыл необходимые лекарства и послал ей с одним односельчанином. Через несколько дней Фрося умерла. Иван примчался в родную деревню и горько оплакивал невесту и свою судьбу. Все ему сочувствовали и с уважением относились к горю этого молодого искреннего крестьянина. Но вот произошло невиданное... Улучив момент, когда у гроба возлюбленной никого не оказалось, кроме него, он отрезал косу невесты и спрятал под рубаху. Осторожно поправил плат на покойной. Так бы никто и не знал об этом его отчаянном поступке, если бы мать Ивана не увидела его спящим с Фросиной косой в руках...

Иван долго не женился и всё оплакивал свою невесту, всё ласкал её косу. Его родители были недовольны его тоской и нежеланием жениться. Однажды в его отсутствие мать нашла Фросину косу и сожгла в печи. Но семейная жизнь Ивана так и не сложилась...

ПАЛЬТО ДЛЯ КАПЫ

Рассказывала наша соседка Капитолина, что её матушка Августа всю жизнь работала на колхозной ферме и несла другие тяжёлые труды в хозяйстве. После войны осталась она горемычной вдовой. Хотя ребят у неё было немного: только две девки, Капа и Нина, но и их надо было как-то поднимать. Конечно, и голодали, и одёжи не было. Августа брала на себя всякую работу, да и не в меру порой: ведь платили-то в колхозе – гроши, и зерна мало давали на трудодни. А была эта бедная вдова и дояркой, и на полевые работы ходила. О домашнем обряде и говорить нечего: дров наколоть, воды принести, печь истопить, сготовить еды немудрящей, на своем дворе скотину обрядить.

Пошла старшая дочка Капа в школу в Чаромское, а ходить-то далеко – за шесть километров. Что делать – никакой тёплой одёжи у неё нет к зиме! Ведь война страшная только что кончилась, все обнищали. Валенки она у катая за яйца купила. Сами не сли, а всё для него припасали. А пальто или шубейку где взять?

И вот Августа вспомнила, что на повети в пустом теперь сундуке – в войну всё на еду променяла, что там было – лежит последний остаток старого холста. Достала его и думает: из одной этой материи больно холодная пальтушка будет, а ваты нет. И решила она вместо неё куделю подложить, всё потеплее получится. Так и сделала – сама и сварганила эту одёжу. Даже что-то вроде воротника из распушённой кудели пришила, чтобы шея не мёрзла.

Наступили холода, дочка Капа нарядилась в мамину пальтушку и пошла в школу. Девочки – подружки ничего ей не сказали, глядя на её обновку, пожалели сироту, что без отца осталась после войны. А злые мальчишки около школы стали над ней хохотать и дёргать за куделю на воротнике и дразнить: – Пакля! Пакля!

Не стерпела Капа, девка она была смелая, решительная, бросилась на обидчиков. Все разбежались, а одного самого наглого она ухватила за рукав. Рукав-то и оторвался. Ведь мальчонка в старой отцовской шубейке щеголял, тоже ведь не велик богач.

Зарсвел он и со злобой выхватил ножичек да и полоснул по Капиной холщовой оде́же – куделя-то и вывалилась на снег. На крыльцо выбежала их молодая учительница. Видно, в окошко увидала, что её ученики вытворяют. Плачущих детей завела в школу, ругать их не стала – очень жалела своих бедных детей. Только сокрушённо промолвила:

– Что же мне с вами делать? Ведь в школе холодина – замёрзните, да и назад ведь домой придётся идти.

Была она девушкой городской, видно, что из семьи с достатком, но очень доброй. Вынесла она из своей комнаты, а жила она при школе, свою тёплую красивую шубку и надела на Капу. А её испорченную пальтушку сняла. Конечно, эта шубка Капе была сильно велика, хотя учительница тоже была невысокой. Но как она в ней согрелась и телом, и душой!

Озорного мальчика, который всё ещё продолжал всхлипывать, учительница тоже утешила – достала толстую иголку с ниткой и пришила ему оторванный рукав на место.

После уроков Капа вернулась домой в учительской шубке, а свою испорченную пальтушку принесла в узелке. Мать выслушала рассказ дочки и вдруг заплакала. Горько ей было, что не может она одеть дочь.

На следующий день мать нашла время и силы зашить огромную прореху на её оде́же. Но дочка наотрез отказалась ходить в школу. Несколько дней Капа сидела дома, пока не пришла учительница и не уговорила её всё-таки продолжать учёбу.

А мать всё тосковала, вся извелась, думая о том, как найти деньги и сшить дочери настоящее пальто. И вот она решила взвалить на себя ещё одну работу: попросилась у председателя в ночные сторожа на коровник. Подходило время отёлов, а сторож, как на зло, заболел. Председатель только обрадовался, но и заколебался:

– Как же ты справишься, Августа?! Ведь и так целый день на работе, а тут и ночи не спать. Да и голодасшь, поди! Дело-то важное, ведь отёл за отёлом пошли. Ой как придётся поработать! А если проспишь, да что случится с телёнком или коровой, то и до суда дело дойдёт. Чем за убыток-то будешь расплачиваться, упаси Бог?!

И вот стала Августа ночами дежурить на ферме, а детей крепко запирала дома. Мало ли какой бродяга может зайти. Дом-то на краю деревни.

Спать почти не приходилось: дома часок, а на ферме какой сон. Только задремлет и тут подскочит и прислушается, всё ли в порядке. А в ту ночь, когда корова или даже две телятся и со всем не уснуть.

Прошла неделя, совсем извелась Августа. И вот следующей ночью она нечаянно заснула в водогрейке у печи да так крепко, что даже не услышала, что одна из её коров замычала и начала телиться. А снился ей сон, будто идут они с погибшим мужем Мишей по тропинке в поле и о чём-то говорят, говорят и наговориться не могут. Проснулась Августа только под утро и сразу вскочила: что я наделала! Всё проспала! Бросилась к коровам проверять, всё ли в порядке. Заходит в помещение, где коровы, и видит, что выходит на улицу в противоположные двери какой-то мужичонко, в красной шапке и красным кушаком подпоясанный. Удивилась женщина: те двери всегда зимой на запоре держали с улицы, как же он мог выйти? С испугом бросилась она осматривать коров – всё ли ладно с ними, все ли на месте. Коровы жевали свою жвачку и приветливо помукивали, увидев доярку. Подошла с тревогой Августа к той корове, которая нынче должна была растелиться, по её предположению. Смотрит – и глазам своим не верит! Лежит она мирно, вся как облизанная, чистая, аж лоснится, а рядом с ней новорожденный телёночек, тоже обихоженный и чистенький.

Бросилась доярка на улицу догонять того мужика в красном кушаке, чтобы поблагодарить за помощь. Видно он за неё всё обделал, как надо. Бегала, бегала вокруг коровника, на дорогу выбегала и смотрела, но нигде живой души не было. Куда он мог деться? Ведь кругом высоченные сугробы, только по дороге и можно уйти. Или он зачем-то от неё прячется в соседнем отсеке? Пошла испуганная туда – делать нечего. Но и там никого не было.

– Неужто сам дворовой мне помог? – ещё больше испугалась женщина.

Стала Августа креститься и молитву оградительную читать, которой её ещё матушка покойная научила:

– Огради, Господи, силою честного и животворящего Твоего креста и сохрани от всякого зла.

Вдруг что-то как грохнет в коровнике, а потом весёлое хихиканье послышалось... А она снова молитву читает и крестится.

Слава Богу, вскоре доярки пришли на дойку и порадовались, что корова растелилась благополучно и телёночек такой ладненький родился.

– Вот ты какая везучая, всё-то ты успеваешь, всё-то у тебя ладно идёт! – сказала Августе одна из доярок. – Вот и председатель велел тебе идти к нему в контору, говорит, что премию тебе выписал за твой тяжёлый труд.

Посхала Августа в район за покупками. И купила там первым делом своей Капе добротное тёплое пальто.

Капитолина заканчивала свой рассказ всегда со слезами на глазах. А повторяла его нам она каждый год.

ТРОЕ

Рассказ учительницы

Нина, молодая сельская учительница, шла в отдалённую деревню по заданию районного начальства переписать детей школьного возраста и узнать, все ли посещают школу. Время было послевоенное, голодное. Нередко у деревенских детей ни одежды, ни обуви не было. Поневоле сидели дома. Нина, человек приезжий, мало кого знала в этих краях. Вот и деревня, в которую она шла, была ей неведома. Что её там ожидает? Назад сегодня уже не успеет вернуться – ночь на дворе. Кто же приютит её на ночлег?

Вдали замелькали слабые дрожащие огоньки. Вот и околица. Когда учительница подходила к деревне, было уже совсем темно. Шёл холодный осенний дождь. Деревня угрюмо молчала. Медлить было нечего. Постучала в первую же избу, где едва теплился слабый огонёк.

Открыла довольно молодая, но усталая женщина с усохшим и печальным лицом. Нина попросилась на ночлег. Хозяйка после некоторой заминки ответила:

– Заходи, коли другие не пускают. Только у нас нехорошо. Жалеть будете...

Нину смутил такой приём, но она так устала и продрогла, что не почувствовала в словах женщины какой-либо для себя угрозы, а только застарелую боль и уныние. Она зашла в тёмные сени и ощупью пошла за хозяйкой в избу.

Вначале она различила в полумраке только слабо белесую русскую печь слева от дверей, затем стол в углу, освещённый слабой коптилкой. В следующую минуту, когда учительница прошла за хозяйкой вперёд и осмотрелась внимательнее, то увидела фантастическую картину. За столом сидели три маленьких существа с обезображенными какой-то ужасной судорогой лицами, пустыми, бессмысленными глазами и выли голосом голодных щенят. Слабый огонёк не мог побороть тьму, заполнившую избу: чёрные колеблющиеся тени обступили эту дикую картину со всех сторон.

Сердце замерло от бесконечной тоски и ужаса...

Нина очнулась от голоса хозяйки:

– Не бойтесь, это мои дети. Они такими родились... Вот и маюсь теперь... Я же вас предупреждала...

Когда оцепснение разжало свой железный обруч, гостя села на лавку. Хозяйка уложила детей спать на печи, и они скоро затихли в тепле. Затем подала учительнице скудный ужин: холодную картошку с луковницей да морковный чай из почти остывшего самовара. Спать её уложила на единственную кровать, а сама легла на полу на разостланный соломенный матрас. Говорить им было не о чем в эту глухую осеннюю ночь...

Однако обним не спалось. Первой подала голос хозяйка:

– Не спите?

– Не сплю.

– Вижу вы сильно испугались. А я уж привыкать начала. Только вряд ли привыкну... Да и тяжело с ними. На работу уйду – всё в голове: как бы чего худого не сделали с собой и с избой... А всё наш грех! Кого винить...

Учительница пожалела хозяйку:

– За что же вы себя? Бедная, бедная!

– Да есть за что, милая! – ответила та. – А началось всё с веселья, со свадьбы. Было это в тридцать седьмом году. В тот год церковь нашу порушили, батюшку арестовали и куда-то увезли. Собралась я замуж за Петра, а мать мне и говорит:

– Хороший парень, работающий, только уж больно крут бывает. Ты бы подумала да и повременила с замужеством-то.

Куда там! Не послушала мать. Вот расписались в сельсовете и пришли домой. Мать с иконой встречает, говорит:

– Церква закрыта, батюшку угнали, некому и повенчать-то вас, бедных! Давайте хоть иконой вас благословлю родовой – Богородицей Скоропослушницей.

И начала нас матушка благословлять. А муженёк-то мой разъярился вдруг, видно ум помрачился. И каждый раз как матушка начинала нас благословлять – крестить иконой, он отстранялся и со злостью говорил:

– Вот чудо-то!

И так три раза матушка подняла икону, а он три раза выкрикнул:

– Вот чудо-то!

Хозяйка помолчала и добавила:

– А что дальше было, сами видели...

Нина была молода, в церкви не бывала, иконы только у родственницы-старушки видела, но мистический смысл рассказа бедной женщины поразил её своей неожиданностью и достоверностью.

Ранним утром, когда ещё дети спали, встала она первой, шёпотом попрощалась с хозяйкой и ушла из этого проклятого места.

Быстро обойдя дома и переписав детей, учительница отправилась в обратный путь.

Утро выдалось тихое. Дождя уже не было. Выйдя за околицу, она встретила стайку ребятишек, которые весело перекликались и бегали друг за другом по дороге. Их разгорячённые на холодном ветру лица были румяны и радостны. А где-то вдали, за оголёнными полями и лесами слабо прорезалась на пасмурном небе светлая узкая полоска позднего восхода солнца.

Шёл 1946 год.

ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»

Стояло жаркое лето. Тихо. Вся деревня на сенокосе. Только у одного из домов в тени старой-престарой берёзы сидели на лавочке две старушки и тихо разговаривали. У одной из них, Наталии, глаза были печально опущены вниз, изуродованные работой и старостью руки неприкаянно лежали на фартуке. Другая, помоложе и поживее, Аня, не повышая голоса, почти шёпотом сё в чём-то убеждала. А речь шла о самом главном – как жить, чтобы легче было умереть, когда время придёт.

Разговор не праздный. В доме, у которого они сидели, вот уже который день лежал и умирал Матвей, Натальин муж. Но смерть не приходила... Тяжко было душеньке нераскаянной, не причащённой и не соборованной. Кругом на десятки и сотни километров ни одной церкви.

Матвей молча лежал в каком-то тяжёлом полузабытье. Жизнь уходила и уходила из тела, сломленного недугом, а душа сопротивлялась и страдала перед чёрной пропастью разверзшегося злого небытия. Душа жадно чего-то искала в этой тьме и никак не находила. Чего жаждала она, куда устремлялась из последних сил, у бездны на краю в чём искала опоры? Ответа не было в серой пустой тишине. Мучение продолжалось. Так шли дни, а спасительного ответа не было...

Иногда, зацепившись за какую-нибудь мелочь окружающей его, но уже чужой жизни, Матвей несколько приходил в себя и, не погружаясь в эту минутную действительность, мысленно обращался в прошлое, которое он теперь не мог отличить от настоящего. Сердце то слегка оведало теплота воспоминаний о детстве и юности, то сжимал холодом беспорядочный калейдоскоп его взрослой жизни. Любовь отчего дома он рассеял по жизненному пути, потерял до поры, до времени... Собственная семейная жизнь проходила в его воспоминаниях как беспросветные хлопоты о хлебе насущном. Что-то не то и не так было в ней.

– Да, годы были трудные – военные, голодные, но ведь и совесть надо знать было! – говорил он себе в минуты просветления.

– Обидел многих, когда на колхозном складе работал, обве-

шивал, выдавая зерно на трудодни. Да и по соседству немирно жил. Эх!...

Между тем смерть не приходила, но и жизни не было. «Боже, прости и помилуй меня!» – так молился Матвей с каждым днём всё сильнее и сильнее. Лицо совсем у него побелело, глаза лишь иногда приоткрывал, но и в них уже не было жизни, а только какой-то зеркальный блеск. Жена и дочь ходили по избе как тени, не зная, что делать. Тихо, тревожно в доме.

И вот однажды утром Матвей слабым голосом сказал жене:

– Наталья, прости меня. Перед Богом молю ...

Наталья всполошилась: сроду такого не бывало, чтобы муж прощения просил. А за долгую совместную жизнь было за что прощения просить. Она со слезами облегчения поцеловала его и тихо сказала:

– Бог простит. И ты меня прости ...

– Позови ко мне наших, деревенских, кого укажу. Буду прощаться ... Перед многими я виноват.

Весь день шли односельчане к Матвею. Приходили те, кого он когда-то обидел, обманул, обругал. Шли с удивлением и недоумением, а уходили со светлым чувством облегчения за доброе слово прощания.

К вечеру, когда Матвею казалось, что он всех вспомнил, кого обидел, и готов уже был отдать Богу свою истомлённую душу, вдруг вспыхнуло ещё одно воспоминание. В те времена, когда не давали колхозникам участки под сенокос, а на трудодни выдавали так мало сена, что корову было не прокормить до весны, косили они тайно по глухим лесным углам. И вот как-то наткнулся он в лесу на чей-то тайно скошенный стог сена и решил увезти его к себе на сеновал. Стыдно было, а увёз всё-таки, успокаивая себя: «Ворованное не грех взять, оно ничейное».

Свою корову удалось прокормить до весны, а вот соседу Петру нет. Сена не хватило. Горько жаловался он Матвею:

– И сено-то было припасено в лесу, да какой-то нехристь украл его. Эх, горе!

В тот год Пётр завербовался на заработки в леспромхозе, через какое-то время и семью забрал с собой. А соседский дом с тех пор пустует. Только летом приезжает с детьми дочка Петра на месяц. Тянет в родные края.

Вот этого Петра и вспомнил Матвей. Его прощения не хва-

тало ему на краю уходящей жизни. Где-то он сейчас, жив ли? Спросил жену:

– Дочка Петрова приехала нынче?

– Вчера приехала, – ответила она.

– Спроси у неё, жив ли Пётр-то?

Наталия ушла, но скоро вернулась и рассказала, что дочка Петрова приехала, да и сам Пётр тоже приехал, обещал зайти вечером повидаться.

Наступил вечер. Солнышко ласково заглядывало в окошко, а Матвей думал только об одном: скоро его мучению придёт конец. Вот появился, наконец, и Пётр. Едва различил Матвей в вошедшем знакомые черты бывшего своего соседа. Так тот состарился и усох, но глаза смотрели бодро.

– Здравствуй, Матвей! – сказал гость с той неловкостью в голосе, которая появляется у человека здорового перед умирающим.

– Здорово, Пётр! Вот и довелось свидеться. Ждал я тебя...

Пётр не мог выйти из оцепенения и не знал, что сказать. Помолчали.

Наконец, Матвей едва слышно произнёс:

– Прости меня, друг! Больно виноват я перед тобой ... Дело прошлое, а вот без твоего прощения и умереть не могу. Не думал, что всё в жизни так повернётся ... Прости! ... Ведь это я украл твой стог, что ты накопил в последнее лето ...

Пётр растерялся, ничего не понимая. Далеко в прошлое ушла его прежняя деревенская жизнь, о которой без слёз и не вспомнишь ведь. Да, тот роковой стог он помнил, только никак не мог он сейчас связать между собой этот стог и умирающего соседа...

Вмешалась Наталия:

– Прости нас, сосед! Видишь, как он мучается!

Тень старого страдания мелькнула на лице Петра. Он глубоко вздохнул и, помедлив, ответил:

– Да разве это теперь важно, чей был стог? Ведь всё это было давно и быльём поросло! Прощаю, соседушко... И ты меня прости!

Прошла минута молчания. Пётр встал, не желая мешать больному человеку, и пошёл к выходу. Но не успел он прикрыть за собой дверь, как раздался лёгкий вскрик Наталии. Матвей тихо ушёл в мир иной.

ВОЛКИ

Как-то зимой собрались у нас родственники. Даже мороз на улице им не помешал. Жили-то все близко, город был тогда небольшой. Просто скучно одним по домам сидеть. Вот и пришли к моей бабушке всерьез. За разговорами да за самоваром и вечер проходит незаметно.

Слово за слово и пошли у нас разговоры о чудесах да о страшных историях. Ведь у каждого такие случались, что уж скрывать.

Много всего в тот вечер наслушалась я, тогда ещё подросток. Как-нибудь самые интересные истории и вам расскажу. А сейчас вспомнила одну из них. Её нам поведала бабушкина племянница. Вот какой рассказ мы услышали от неё:

«Я закончила педтехникум перед войной, в 1939 году. И направили нас с подругой в глухие деревни в начальные школы учить детей. Хорошо ещё деревни эти были соседними, в 5-ти километрах друг от друга. В выходные дни мы часто друг друга навещали. За зарплатой обычно ходили вместе в большое село за 10 километров. Иногда нас подвозили на санях колхозники.

Как-то раз зимой нам пришлось идти пешком, попутчиков с санями не оказалось. Моя хозяйка тётя Зоя, женщина добрая, сокрушалась:

– Ой, девушки мои родные! Куда же вы собрались. Мороз на дворе. Да и волки у нас водятся. Как бы вам с ними не встретиться, упаси Бог!

Однако мы всё равно решили идти: молодые были, смелые, всего по 18 лет нам исполнилось. Да и в большом селе очень хотелось побывать, с другими учителями повидаться, в магазин зайти за покупками.

Рано утром мы оделись потеплее и совсем уже вышли из дома, как вдруг наша хозяйка догоняет нас на крыльце и одной протягивает старый бидон с палкой, а другой – берёсту с лучиной и спички в мешочке. Мы, конечно, удивились и засмеялись:

– Тётя Зоя, что это? Зачем нам эти вещи?

Но хозяйка была непреклонна и даже на нас как-то сурово посмотрела:

– Волки появятся – бейте палкой в бидон и жгите лучину с берёстой. Только этим и спасётесь от них.

Мы с подругой поотнекивались, да хозяйка настояла, и пришлось взять эти ненужные, как нам казалось, предметы. Она перекрестила нас и сунула мне бумажку со словами:

– Это молитовка, ограждает от тёмных сил. Если что случится, крестись и читай её с чистым сердцем. Господь поможет!

– Тётя Зоя, ведь это суеверие!

– Для неверующих – суеверие, а для верующих – самая твёрдая вера, что Господь поможет.

Все молодые в те времена были неверующими. По крайней мере, нам так казалось. Записку я взяла только потому, чтобы не огорчать нашу добрую хозяйку.

Мы весело шли по дороге, посмеиваясь над чудачеством деревенской женщины. Подружка даже предложила все эти предметы закопать в снегу около приметной сосны у околицы. Но её отговорила.

Вышли за околицу, вошли в лес и споро пошагали в село. День был ясный, солнечный, морозный. Никаких волков мы не встретили и благополучно дошли. В селе мы получили зарплату, вместе с другими молодыми учителями весело пообедали в столовой, в магазин зашли и купили себе кое-какие обновки. Часа в четыре отправились назад домой.

Сумерки сменились звёздной ночью, снег поскрипывал у нас под ногами. Конечно, у нас уже не было таких сил, как утром, когда мы начали своё путешествие, но мы не унывали и бодро шли по дороге, которую окружали могучие заснеженные деревья. Вдруг позади раздался собачий вой.

Оглянувшись, мы к своему ужасу увидели не собак, а стаю волков. Хищники неспеша приближались к нам, своей добычей... В первую минуту мы от страха словно рассудок потеряли, побежали было, но волки не отставали от нас. Тогда мы вспомнили о тёте Зое и её орудиях устрашения волков. Я быстро достала из рюкзака старый бидон и начала бить по нему палкой изо всех сил. Волки остановились, некоторые метнулись назад, а мы изо всех сил бросились бежать от них по дороге. Я продолжала бить по бидону.

Волки исчезли, и мы перевели дух. Но отдыхать было нельзя – предстояло пройти ещё около трёх километров до нашей деревни. Уже не так бодро мы продолжили свой путь. Когда до-

рога круто повернула влево, выйдя за поворот, мы вдруг снова увидели волков, но уже впереди себя. Видно, они обошли нас по лесной чаще и снова вышли к нам под дорогу. Что делать!

В такие минуты главное – не паниковать, не терять голову. Трудно это, но иного выхода нет. К счастью, подруга вспомнила о берёсте и лучине, а я об оградительной молитве. Нам пришлось остановиться: подруга с трудом зажгла берёсту и от неё большую лучину, которую подняла над головой. Я достала молитву и начала тоже с трудом разбирать незнакомые слова:

– «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут ...»

Да, в такие роковые минуты молитва творится только от чистого сердца.

Волки взвыли и стасй бросились в лесную чащу. Дорога была свободна. Что нам помогло избавиться от неминуемой гибели? Свет горящего огня или свет горячей молитвы от чистого сердца?

Не теряя минуты, мы бросились бежать и так бежали весь оставшийся путь. У околицы нас встречала наша спасительница тётя Зоя и конюх дядя Вася с лошастью.

– Слава Богу! А я-то тревожусь: больно долго вас нет назад. Всё ли ладно с девушками? Вот и Василия упростила встречать вас. Хотели уже ехать, а вы и явились!

На этом бабушкина племянница закончила свой рассказ. А слушатели ещё долго хвалили тётю Зою за её доброту.

Без добрых людей и мир не стоит.

ВЕТЕР

Сёстры Петровы сидели под окном и пили чай. Вечер был тихий. Ничто не предвещало перемены тёплой ясной погоды. Закат золотил край неба за соседским двором. Сёстры молчали. Неожиданно их внимание привлёк соседский парень, сегодня утром приехавший из города. Он выскочил из дома и заметался по двору, словно искал чего-то и не находил. Вид имел какой-то встревоженный.

– Чего-то Витька-то бегаёт туда-сюда? – сказала Паша. – Али напился?

– Да нет, – ответила Зина, – Марья жалилась: приехал сын какой-то дурной из города, места не находит, ревит даже, а трезвый.

Между тем Витька скрылся в бане. Прошло какое-то время – снова выскочил во двор, снова побегал туда-сюда. Потом сел у порога бани и поник головой.

Сёстры давно допили чай, но от окна не уходили. Что-то тянуло их посмотреть на соседний двор. Парень посидел минут десять, потом словно через силу встал и зашёл в баню. Сёстры долго сидели молча и чего-то ждали. Их тревожило что-то тягостно-непонятное. Вдруг они вздрогнули обе – среди ясного тихого вечера внезапно подул сильный ветер. Он со свистом и воем закачал вершины тополей у бани, пригнул рябину ... И так же внезапно исчез, как будто его и не было.

Сёстры в испуге вскочили на ноги. Что случилось? Паша проговорила:

– Не было бы беды! Пойдём скажем Марье, чтобы за парнем своим присмотрела.

Зина засомневалась:

– А что сказать-то? Что в бане сидит? Дақ засмьют нас.

К соседке решили не ходить, но, растревоженные, спать не легли. Всё сидели и смотрели в окно. Из бани никто не выходил. Наконец, Паша не выдержала и решила:

– Пойду всё-таки скажу Марье ...

Когда она подошла к соседскому дому, то опять засомневалась и ещё постояла немного у крыльца. Наконец, решилась и постучала в закрытые двери. Никто не открывал. Она посту-

чала в окошко. Через некоторое время показалось удивлённое лицо Марьи. Она вышла на крылечко:

– Что, соседка, случилось? – спросила она неприветливо. Было видно, что она только что проснулась от тяжёлого сна и страшно испугана чем-то. Паша замаялась, не зная, что сказать. Марья продолжала на неё смотреть с тревогой. Наконец, Паша решилась и начала издалека:

– Витька-то дома?

Соседка вздрогнула:

– Дома. А что?

Паша окончательно решилась и тихо прошептала:

– Так чего он в бане-то так долго сидит? Уже ночь!

– Как в бане? – Марья оглянулась назад, – в кладовке спал с вечера.

Из дома вышел слепой Иван, муж Марьи. А та ни слова не говоря бросилась к бане, зашла в неё, а через минуту с криком выскочила назад.

Женщины опоздали. Спасти Витьку было уже нельзя. На следующий день приехала его жена, вызванная по телефону. Похоронили его на сельском кладбище, на котором за время «демократии» появились уже не одна могила самоубийц.

А вышло всё из-за карт.

Виктор после армии жил в Череповце. Всё вроде бы хорошо у него было: и семья есть, и работа. Да пристрастился незаметно к пиву и друзей соответствующих – пивных, завёл. И опять же как-то незаметно появилась и ещё одна страсть – карты. А картёжная игра не доведёт до добра. Есть и другие пословицы, предостерегающие от карточной игры, например:

«Игра – предатель, кнстень – друг».

«Ограбили пятьдесят два разбойника».

«Хоть выиграл ноги – есть на чём бежать».

Сначала играли в своём «пивном» кругу. Но постепенно этот круг расширился, появились новые личности – напористые профессиональные картёжники. И закрутило, завертело мужика в безжалостных руках шулеров и блатных. И вот грянула страшная беда ... В бесовском картёжном дурмане проиграл он в карты своего слепого отца, а когда азарт прошёл, было уже поздно. Страшно стало: без Бога душа как тряпка –

ни силы, ни жизни. Совесть жжёт страшным полымем. Не выдержал Виктор – сам себя предал тьме. И погиб душой и телом.

В древнем псалме с болью говорится: «Вижу: беззакония моя превзыдоша главу мою...». Беда, беда бродит по Русской земле. Только покаяние очистит её и спасёт.

СОВЕТ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Однажды перед праздником Введения я спешила в Лазаревскую церковь на Всенощную. Моя работа заканчивалась в пять, но я отпросилась уйти на полчаса раньше, хотела успеть на автобус, который приходил только один раз в 40 минут. Я вышла на улицу и скорым шагом пошла, боясь опоздать. Смотрю: впереди бредёт бедно одетая старушка с большой сумкой.

Вдруг она падает и лежит, даже не пытаюсь встать. Кругом ни души. Я подбегаю к ней и пытаюсь поднять, но не могу одна с этим справиться. Она бормочет что-то бессвязное, и я понимаю, что старушка пьяна. Неожиданно с другой стороны её начинает приподнимать какой-то благообразный дед, такой весь опрятный и подтянутый. В голове мелькает: откуда он и взялся? Прямая улица была пустынна, я бы его заметила сразу. Вместе мы поставили старушку на ноги, вручили её сумку, отлетевшую в сторону, и я хотела бежать дальше. Но тут меня дёрнуло сказать деду:

– Надо же! Такая старая и такая пьяная!

В ответ я услышала:

– Не осуждай никогда! Ты не знаешь её жизни!

Голос, сказавший эту фразу, пронзил мою душу. Сердце моё заволновалось как-то странно: и от страха, и от стыда, и от радости, и от умиления...

Пока я приходила в себя, благообразный дед исчез. Как будто его и не было рядом с нами сию минуту. Я начала оглядываться туда и сюда, ища деда. Но его нигде не было... Только старушка продолжала свой скорбный путь.

По инерции я побежала дальше к автобусной остановке, но я была уже какая-то другая. Восторг и стыд меня не покидали. Что это со мной происходит, кто это был, чтобы так внезапно

меня преобразить? Я без конца вспоминала и вспоминала облик деда, он словно врезался в мою совесть...

Наконец, появилась первая догадка, которая меня озадачила. Да ведь дед всем обликом очень похож на Николая чудотворца! Неужели это он? Ведь его голос словно связал мою душу с иным миром.

Всю дорогу до церкви мной владело это новое необычное чувство, не отпускало и на вечерней службе. Появилось сильное желание обратиться к отцу Никите, чтобы наш духовно опытный священник опроверг или подтвердил мою догадку. Когда прихожане разошлись, я подошла к нему и, сильно смущаясь, рассказала, что со мной произошло. Отец Никита долго молчал, видимо, молился, а потом сказал:

– Если сподобилась встретиться с самим Николаем Чудотворцем и получить от него совет, то крепко беречь его в сердце своём. И старайся ему следовать всю оставшуюся жизнь.

КАМЕШЕК ОТ КСЕНИИ БЛАЖЕННОЙ

Рассказ сельского жителя

Во времена разрухи 90-х годов я и работу потерял, и душой был очень беспокоен, метался и не знал, как дальше жить. И неожиданно случилась со мной одна утешительная и необычная история.

Тогда я был далёк от веры и церкви, а матушка моя всё молилась перед единственной старой иконой, которую она сохранила от своей матери. Летом к нам в деревню приехала из Питера сестра матери и привезла ей в подарок целебный камешек от часовни Ксении Блаженной. Эта святая в те смутные времена стала утешительницей не только питерцев, но и многих других верующих людей по всей России. Человек неверующий, я никакого внимания на этот камешек не обращал: лежит и лежит на божнице у иконы. Правда, не раз видел, как матушка, когда у неё голова заболит, водила этим камешком по голове и шептала молитву. Говорила, что очень ей помогает.

И вот однажды сижу я в своём обычном унынии и думаю

свою горькую думу. На кухне матушка с кем-то чай пьёт и мирно беседует. Вдруг мой глаз пронзила такая невероятная боль, какой я сроду не испытывал. Я вскочил, бегаю по комнате и чуть криком не кричу. Посмотрел в зеркало, а этот глаз каким-то бельмом покрылся, и я им ничего не вижу. К страшной боли ещё и жуткий страх прибавился. Что делать?! И тут я вспомнил про Ксеньин камешек. Быстро взял его с божницы, перекрестился и начал водить им вокруг больного глаза и прикладывать к веку...

Боль начала утихать – утихать... и прекратилась совсем. Я посидел ещё, держа камень у глаза. Не верилось, что этот кошмар закончился. Однако боль прекратилась, и зрение вернулось. Снова посмотрел в зеркало – а где бельмо? А бельма-то и нет уже!

Каким сильным был ужас от дикой боли, таким же сильным было и потрясение от случившегося чуда. Только это потрясение было радостным и даже восторженным. Я вышел на улицу и как бы заново стал воспринимать окружающее. Мир преобразился! Если раньше я видел всё нечётко из-за сильной близорукости, то теперь каждый листик, каждая травинка предстала ярко и резко очерченной. Даже дальние дома и деревья были видны мне во всех мельчайших деталях.

Это невероятное события в моей жизни я долго обдумывал и пытался понять: что же со мной произошло. Почему сначала возникла такая невероятная боль, и почему камешек от нашей святой так быстро исцелил меня? Правда, чёткость зрения начала постепенно уменьшаться, и я снова стал близоруким. Но глаз навсегда исцелился.

Как-то раз я дал камешек святой Ксении одному знакомому. У него на глазу образовалось бельмо. Я рассказал ему о своём чудесном исцелении, и он очень просил дать ему это камень. Однако, как он не прикладывал его к своему больному глазу, чуда не произошло. Ему пришлось делать операцию.

Видно, случившееся со мной чудо было из тех, которое даётся только один раз и только одному человеку. В этом и заключается неповторимость чуда, которая смущает учёных, привыкших иметь дело с повторяющимися и воспроизводимыми событиями физического мира.

А у меня после этого происшествия в душе начала зарождаться вера и надежда. И я понял, что жизнь продолжится.

КАК МЕНЯ ПРОРОК ИЛЬЯ НАКОРМИЛ

Рассказ Александра

В начале двухтысячных у меня умерла матушка, единственный на свете родной мне человек. Я совсем потерялся в этой смутной жизни, когда вокруг одна разруха и утраты. Раньше я работал в колхозе электриком, имел хорошую зарплату, множество друзей, да и родственники из Питера нас не забывали. Но колхоз исчез, оставив после себя заросшие поля, брошенные и разграбленные фермы, мастерские, клуб, контору. Из деревни стали уезжать целыми семьями в пригородные хозяйства, где была работа. Меня тоже родственники в Питер звали, обещали приютить и работу найти. Съездил я как-то раз и понял, что шумный и тесный от многолюдства город не для меня. Мне в нём было душно, будто заковали меня в цепи в тюрьме. А я люблю волю, наши просторные поля и леса. Не захотел я закабалить себя ради куска хлеба и вернулся снова в деревню, где родился и прожил более тридцати лет.

Вернулся в свою старую избушку и думаю: как теперь жить-то? Работы нет, помощи теперь уже неоткуда ждать. Родственники-то на меня пообиделись, что я не принял их помощи и уехал. Стал я собирать ягоды да грибы в лесу и продавать их на шоссе, где днём и ночью шёл поток машин. Сидел на воде и хлебе, а деньги приберегал на зиму, которой теперь очень страшился.

Страшиться-то страшился, а не уберёг себя. Стали наши безработные односельчане меня вином угощать. Где и деньги у них берутся?! Стал я с ними попивать, и не успел оглянуться, как промотал почти все свои скромные сбереженья на зиму. Когда опаматовался, меня в жуткий холод стало бросать. Как-то натопил пожарче печь, сижу в тепле – единственная моя роскошь – и горько думаю: что делать-то мне теперь? Зима на носу, а ведь и дрова кончаются. Останется мне только лечь голдному на холодную печь и ждать смерти.

Мучительно ищу выход и не нахожу его! Вдруг меня осенило: вспомнил я рассказы, что в России много монастырей начали восстанавливать. А там всегда нужны рабочие руки. Таких людей монахи по-старинке называют трудниками. А не пойти

ли мне в трудники? Только долго ли там продержжусь? Говорят, там и курить, и тем более выпивать запрещают. И опять же там я свою волю потеряю, а она мне дороже всего. И так долго колебался: ехать или не ехать в монастырь? А когда совсем голод одолел, на последние свои денежки добрался я до одного вологодского монастыря. Меня с радостью туда приняли – им как раз истопник нужен был.

И вот живу я в монастыре, усердно работаю, ем вместе с монахами в трапезной. Монахи оказались очень простыми и интересными людьми. Иногда со мной беседы вели, давали читать книжки, каких я сроду не видывал. Только на службы ходить я так и не привык. Видно, моя душа ещё была не готова, не проснулась ещё и не вмещала в себя молитвенной благодати. Но монахи – народ терпеливый, меня не понуждали. Только сам я стал чувствовать, что снова со мной что-то неладное происходит. Так и рвётся сердце домой – в родную деревню, в свою старую избушку.

Затосковал я сильно и однажды стал у игумена проситься отпустить меня домой. Игумен отпустил меня с сожалением и на прощанье уверенно сказал:

– Ты, братец, к нам снова вернёшься. Не смущайся, приходи, снова тебя примем. Человек ты чистосердечный и работающий.

Дали мне расчёт, продуктов, и я поехал домой.

По дороге вспомнил я совет одного монаха научиться какому-нибудь рукоделию: корзины плести на продажу, из дерева мастерить или ещё что другое делать. Всё-таки какой-то доход и будет на жизнь. И пришла мне в голову удивительная мысль: куплю-ка я в городе ватман, краски, кисти и буду рисовать картины. Люди рисуют – и я научусь. Наши деревенские купят, им будет занятно иметь картину своего человека.

И вот я в родной избе. Первое время деньги и продукты были, и начал я учиться рисовать, но сначала у меня ничего путного не получалось. Вся надежда на продажу картин рухнула. А деньги и продукты все кончились. Сижу без хлеба день, другой, третий... Не идти же по миру с сумой! И никакой халтуры не предвидится, никто не предлагает дров порубить или ещё какую работёнку. Опять засел дома, чувствую, что последние силы и надежды уходят. А голова усиленно соображает, как найти мне выход из такого бедственного положения? Вспомнилось мне, как я читал в монастыре книгу, в которой

рассказывалось житие пророка Илии. Он ведь с голоду не умер в ужасных обстоятельствах, ему птица в клюве мясо приносила и кормила его. И стал я молиться этому пророку, умолял его спасти меня от голодной смерти.

Помолился и вышел на улицу к колодцу за водой. Идёт ко мне один наш деревенский мужик и просит:

– Саша, ты ведь у нас электриком был. Помоги мне наладить электропроводку в доме, какая-то неполадка произошла.

Я встрепенулся и так радостно отвечаю ему:

– Пошли скорее, сейчас всё сделаю.

Хозяин расплатился со мной щедро, да ещё попросил зайти к его матери, у неё электрический чайник сломался и телевизор барахлит. Потом один старик попросил меня печь переложить. Вспомнил он, что мы с покойной матушкой когда-то сами печь сложили, и получилось хорошо.

С того дня пошла ко мне всякая работа, и голодный я уже лет десять не бывал ни разу. Молюсь по-прежнему пророку Илье, который так быстро на мою мольбу откликнулся и меня так быстро накормил.

С тех пор я каждую зиму живу трудником по монастырям и уже вволю молюсь Господу и нашим святым. А писать картины я всё-таки научился. Мой любимый сюжет: поле, река, а на том берегу за рекой в окружении лесов белый храм.

ВМЕСТО СВАДЬБЫ – ПРОЩАНИЕ

Как сейчас помню тот вечер. Намечалась на следующий день свадьба в нашей деревне. Жених Николай, наш односельчанин, после армии устроился в Череповце на металлургический комбинат электриком. Но каждый выходной приезжал домой. Парень он был красивый, самостоятельный, поэтому многие девушки рады были бы выйти за него замуж, но он выбрал Тоню, нашего агронома. Она была славная, весёлая девушка с добрым характером.

Мы со старшей сестрой провожали невесту на пароход. Завтра утром собирались они с женихом расписаться в городском ЗАГСе и к вечеру вместе вернуться в деревню. Родственники уже всю готовились к свадебному пиру. Сестра была лучшей

подругой Тони и радостно волновалась вместе с ней. Мы пересели на лодке через Шексну к пристани. Стояла предзакатная тишина. Вечер был удивительно лучезарный, под стать весёлой невесте. А когда солнце зашло, розовые облака засветились чудесным светом, земля и река утонули в легком тумане.

Тоня уехала, а мы с сестрой вернулись назад домой. Никто не предполагал, что это был прощальный счастливый вечер перед роковой бедой.

Утром я проснулась поздно, хотя давно уже сквозь сон слышала тревожные голоса крёстной и ещё чьи-то. Я оделась, выхожу на кухню и пугаюсь: моя сестра и крёстная сидят заплаканные, а с ними ещё соседка – тоже вся в слезах. И услышала я страшную весть. Жених в ночь перед свадьбой погиб на ночной смене: на заводе какая-то авария была, и его убило электрическим током.

Родители Николая как получили чёрную весть, так сразу поехали в город, забрали тело сына из морга и привезли в деревню. С ними присехала и убитая горем невеста.

Вот такая случилась беда в нашей деревне: вместо свадьбы – похороны.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

В окаянные дни перестройки в нашей деревне кто-то повадился обижать пожилых женщин – последние оставшиеся у них иконы красть. Да ладно бы ещё только красть, так и бить этих бедных женщин. До слёз обидно за них.

У моей сестры последнюю старинную икону украли и так избили, что увезли её на «скорой» в районную больницу. Я как узнала, так ревела три дни. Как будто мне в душу наплевали, да и сестру больно жалко. И после этого у меня стало больно резать глаза, я и попала в глазную больницу.

Деревенские мне и говорят:

– Вот дура-то! И чего ревнешь? Поди в церкву – там теперь самые разные иконы в лавке продают. Выбирай любую.

А один наш городской родственник так сестру и обвинил, дескать зачем на виду у всех такую ценность держала. Вот и соблазнился кто-то.

Да и сама сестра это предчувствовала. Как-то раз я у неё чай пила и залюбовалась на этот старинный образ Богородицы. Такая благодать от Нёй идёт, что любое каменное сердце размягчается, и радостные слёзы стоят в глазах. Я и говорю сестре:

– Ой, сестрица, какая красота и благодать – эта икона. Так бы и стояла перед ней, и молилась нашей Заступнице.

А сестра так скорбно мне в ответ и молвила:

– Бояться этой иконы я стала. Придут за ней грабители и убьют меня.

– Что ты, что ты! Не говори так! – со страхом промолвила я, тоже вдруг чего-то испугавшись.

Так сестрину икону и не нашла милиция. Слава Богу, хоть сестра поправилась! Но дом лишился своей Заступницы, и пошла беда за бедой. Вот горе-то какое!

После этого происшествия и другой такой же случай произошёл у нас, только уж совсем трагический. Разбойник не только сорвал со стены старинный образ в тяжёлом окладе, но и ударил неожиданно вернувшуюся домой хозяйку по голове. Бедная старушка так разболелась, что вскоре умерла.

Следом подоспели и новые разбойные нападения. В соседнем селе церковь восстановили. Люди обрадовались и понесли в неё свои старинные иконы. Эти намолненные образа до поры до времени припрятаны были ещё их бабушками. Украсили ими церковь. Так эти нелюди – вору раз семь взламывали то двери, то окна, и не успокоились, пока все святыни старинные не унесли под чистую. Эх, стыд и горе!

А теперь и подумайте: кто начал подобные кошунства-то творить в России первым. Да сами власти сразу после революции: церкви разоряли, иконы жгли, священников убивали да по тюрьмам рассылали. Народ-от и оборзел, растерял свои святыни, и сердце у многих остыло и ожесточилось. В наши дни, когда власти снова церкви разрешили открывать и веру православную не запрещают, так уже простых людей бесы соблазняют, всякому сатанинскому делу научают и на православных напускают. Мстят, ироды! Ведь молитва жжёт их, сильнее огня. Будем уповать на помощь Божию и спасёмся.

О Б Е Т

Шёл беспокойный 1905 год. Второе лето подряд было дождливо и холодно. Деревня Высоково, хоть и стояла на высоком месте, бедствовала от длительной непогоды. В полях и на огородах ничего не росло. Многие деревенские мужики уходили «на суда», как в тех местах принято было выражаться, то есть нанимались матросами и грузчиками на пароходы и баржи, плавающие по Шексне, по всей Марининской системе.

Семье Голубевых тоже, как и всем в деревне, жилось в эти годы несладко. Родители выбивались из сил, чтобы хоть как-то прокормить своих детей. Но никогда они не роптали на Бога, как это бывало в иных семьях. Правда, до беспорядков, как в других местах России, в этих краях дело не доходило. Зимогоров, то есть бродяг и бездельников, было мало. Народ здесь жил в основном тихий и трудолюбивый.

Семья Голубевых отличалась особой набожностью. Хоть и пустовато было в доме – одни столы да лавки, но в красном углу светились старинные иконы, свято соблюдались все православные праздники и обычаи. И вот однажды в воскресенье, помолившись всей семьёй в церкви, пришли они домой. Отец с матерью были как-то по-особенному торжественны и сосредоточенны. Собрали они всю семью за столом и объявили свою родительскую волю: старшей дочери Наталии – идти в монастырь. По благословению священника, такой обет дали они Господу Иисусу Христу ради того, чтобы вымолить у Бога благодатную жизнь для деревни. «Много монастырей на Руси, – сказали они, – но ни в одном из них нет людей из нашей деревни, нет того, кто бы дённо и ночью молился за нас, грешных, и за всю Русь».

Дело непривычное и для тех далёких времён. Как это так? Не по своей, а по родительской воле в монастырь идти! По своей-то воле Наталья уже собралась было замуж за Алексея, а не в монастырь. А было ей тогда шестнадцать лет.

Прошла неделя в несложных сборах, поскольку и собирать-то особенно нечего было. Запряг отец лошадь. С тихими слезами села в телегу Наталья, и тронулись в путь по извиляющейся в широких полях и перелесках дороге – в сторону пристани на реке Шексне.

Алексей, бледный, тоже с тихими слезами на глазах, долго

стоял на своём крылечке и взглядом провожал отъезжающих, расставаясь навеки со своей невестой... Вот и скрылась повозка за поворотом дороги. Алексей взбежал по лестнице на чердак и ещё оттуда пытался разглядеть из окна что-то вдали полей. Деревня стояла на возвышенности, и из чердачного окна открывались необъятные и печальные в ненастную погоду просторы, в которых растворилась его любовь. Он медленно спустился с чердака, пошёл на сеновал и пролежал там почти неделю, не обращая внимания на угрозы и брань своих родственников. Но надо сказать, все в деревне как-то с уважением отнеслись к его горю. Никому и в голову не приходило посмеяться над его причудами. А вскоре все об этом забыли.

Наталью привезли в Ярославль. Отцу удалось устроить её послушницей в один из женских монастырей. И потянулись, а потом побежали и даже полетели дни и ночи в новом месте, среди новых людей и как будто в новом летоисчислении.

Военные и предвоенные бури внешнего мира мало волновали испокон веков устоявшийся монастырский быт. Здесь была своя – невидимая брань. В те годы в монастыре, где стала жить Наталия, оказалось довольно много таких же, как и она, молодых и духовно неопытных девушек. Но строгая и справедливая игуменья, смирение и терпение послушниц делали своё дело. Главное – была у них наивная, детская вера в своего Небесного Жениха, Господа Иисуса Христа. Эта вера постепенно возрастала, преодолевая страдания любви земной – разлуки с родными и любимыми. А страдания эти поначалу были, казалось, непереносимыми. Бывали и такие случаи, когда молодая послушница убегала из монастыря к своему земному избраннику.

И вот наступил 1917 год. Двенадцать лет, проведённые в монастыре, постриг, сделали своё дело. Это было уже другое существо – такое же кроткое и смиренное, как и раньше, только эти кротость и смирение были уже одухотворёнными, и потому превратились в невидимую, но могучую силу. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное».

Много было таких скромных монахинь по русским монастырям в те годы. Духовные плоды созрели. Начиналось время жатвы.

Смерч революции разнёс Христовых сестёр по земле русской в разные её концы. Многие из них удостоились принять мученическую кончину за веру православную. Наталья с не-

сколькими сёстрами-монахинями вернулась в родную деревню. Встретили их сначала тепло и уважительно. Все они были хорошими мастерицами-рукодельницами, поэтому без работы и хлеба не сидели... Пока у самих крестьян хлеб был. Потом начались тяжёлые годы богоборчества и раскрестьянивания.

Затаились Наталья с сёстрами от внешнего мира. И начался монашеский подвиг, едва ли посильный для многих из нас. Сколько было ночных молитвенных бдений, сколько слёз пролито за ближних и дальних, и даже за тех слепых соотечественников, разоряющих Русь. Поняла Наталья в те молитвенные часы и дни весь смысл родительского обета перед Богом. Вот для чего было ей даровано отречение от земной любви и земной радости. Но её кроткая душа не возгордилась, она даже не осознала сама в себе, что стала она Ангелом-Хранителем родной деревни. В других деревнях и иконы уже снимали, и в церковь, даже когда она ещё не закрыта была, забыли ходить. А у них в Высокове долгое время всё оставалось по-прежнему. Когда закрыли храмы в ближайших деревнях, начали тайно ходить к Наталье и просить её молитв во всяких бедах, окрестить младенцев, почитать псалтырь по умершему. Много её земляков, родившихся в те годы, гуляют по всему белому свету, освящённые её крещением и охраняемые её святыми молитвами. Жаль только, не у всех душа воцерковилась, когда они стали взрослыми людьми.

Но были среди них и такие, кто сохранил свою душу от бурь двадцатого века и вынес её из всех житейских бед чистой и такой же смиренной, какой была сама их крестная мать – монахиня Наталья (в иночестве Нимфодора).

О таких, как она, духовных защитниках России, написаны стихи архиепископа Иоанна Шаховского:

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

*Всё сковано порукою землею
За зверем ночь, простор – за белой птицей.
Но кто укроется за белизною,
За ангела кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они.
Нет утайней их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь на самой громкой лире.*

*И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвалми, как звезда,
Хранят рожденье, пестуют кончину.
Но сколько оскорблений, сколько слов
Мир говорит об ангелах впустую –
«Всё существует среди земных основ,
И только ангелы не существуют!»
Хранитель ангел, если и любя,
Твой шёпот я поранил невниманьем,
Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности навстречу.*

ЖИТИЕ КЛАВДИИ

Клавдия была высокой, крепкого телосложения, физически сильной крестьянской девушкой с тихим и рассудительным голосом и смиренным взглядом живых глаз на строгом лице. Хотя она была старше сестры Раисы, но всегда жила как бы при ней, во всём ей покоряясь в повседневных домашних заботах. Однако младшая сестра совершенно справедливо говаривала: «Клава у нас – упрямая». В чём же заключалось упрямство смиренной Клавы не сразу можно было понять. Видимо, оно незаметно проявлялось в том, что она упорно следовала по одной, однажды избранной ею дороге и старалась не свернуть с неё. Что же за чудная дорога вела её по жизни, казалось бы, заполненной одним тяжёлым крестьянским трудом? Многие ли её разгадали?..

Теперь, когда прошло много лет, оглядываешься назад, пытаешься понять этот путь. Всё упирается первоначально в какие-то мелочи жизни, отдельные детали, которые, как камни на дороге, мостят собой этот простой и чистый жизненный путь.

Молодость сестёр прошла в предвоенные и военные годы. Коллективизация, а затем война тяжёлыми колёсами пересекли жизнь и судьбу их семьи. Раскулаченные родственники и друзья, попавшие в тюрьму или уехавшие скитаться по чужим краям, голод, тяжёлая работа в колхозе за неоплаченные трудодни.

В середине войны умерли родители Клавды, умерла и её двоюродная сестра, оставив на её попечение маленькую девочку. Клавдия, привыкшая жить как птица Божия, не думая о своём пропитании, затужила. Но крепкое здоровье и трудолюбие помогли её вырастить приёмную дочь. Каждое утро, вставая в четыре часа, она запрягала старого ленивого быка в повозку, загружала в неё на ферме тяжёлые бидоны с молоком и сехала из Высокова в Квасюнино, в деревню сестры. Там, на маленькой сыроварне, она разгружала эти бидоны, а потом грузила их уже с «обратой», как здесь называли сыворотку.

Пока шёл процесс обработки молока, она заходила, как правило, к сестре. Та её угощала, чем Бог послал, чаще всего картошкой с хлебом да чаем из самовара, а в воскресенье и в праздники - пирогами. Бык с повозкой терпеливо стоял во дворе. Ожидая хозяйку, он нередко ложился на траву прямо в упряжке, закрывал глаза, погружаясь в дремоту. Оводы налетали тучей, но он был невозмутим. Потом трудно было Клавдии снова поставить его на ноги и заставить двигаться. За день таких рейсов приходилось делать летом - три, а в другие времена года - два раза. Последний раз повозка, загружённая бидонами с обратной, медленно продвигалась по просёлочной дороге поздно вечером, когда уже почти все жители деревни, утомлённые дневными заботами, давно спали.

Как тяжело приходилось Клавдии! Да тяжело... Но она не жаловалась на судьбу. На лице её постоянно светилась тихая улыбка, а походка до самой старости была лёгкой и неслышной.

В начале лета, как только посадит огород, Клавдия обычно приезжала в Череповец – продать на рынке оставшуюся от прошлогоднего урожая картошку. Её сильные, безотказные руки справлялись с большими мешками, нагружая их сначала у дома на телегу, с телеги – на лодку, с лодки – на причал пристани, с причала – на пароход, с парохода – на подводку городского мужика, возившего грузы на городской рынок. В те годы картошку в Череповце раскупали мгновенно.

После рынка уставшая Клавдия шествовала к тётушке, бабе Наде. Она снова была нагружена уже городскими продуктами: буханками хлеба, батонами, баранками, сахаром, пряниками. Обычно она не задерживалась и уезжала в тот же день вечером или на другой день. Работа в колхозе не позволяла ей оставаться дольше. Тётушка угощала Клавдию обедом и чаем. После удачной продажи картошки держалась она торжественно, сла не торопясь, любила обстоятельно поговорить с тётушкой, ведь ей редко приходилось бывать в гостях, да ещё у городских. Как правило, почувствовав её блаженное состояние, на колени к ней забирался кот Мурзик, которого она не гнала от себя и во время еды, несмотря на уговоры тётушки, призывающей «шугануть бесстыжего». Однажды кот долго и терпеливо наблюдал за ложкой с супом, которую Клавдия держала в руке и никак не могла донести до рта во время затянувшейся речи. Вдруг одним махом лапой он выхватил из ложки кусок мяса и исчез с ним под кроватью, к неописуемому восторгу внучки Люси. Тётушка начала ругать и чуть ли не бить кота за нахальство, и только Клавдия продолжала безмятежно улыбаться, как ни в чём не бывало...

Если она оставалась ночевать, то во сне нередко всю ночь кашляла и стонала. Тётушка не спала и всё думала: «И у Клавдии силам есть конец». Утром, жался гостью, она ей внушала: «Что ты, Клава, не лечишься от кашля! Да и работу-то больно тяжёлую на себя взваливаешь. Ведь не мужик!» Клавдия только в ответ блаженно улыбалась, аккуратно складывая вытрясенные на крыльце простыни, на которых она спала. Ритуал трясения простыней утром после сна она совершала каждый свой приезд, несмотря на категорические протесты тётушки и улыбки проходящих мимо соседей по дому.

К старости Клавдия пересхала из родного Высокова на Квасюнино, поближе к сестре Рансе, в купленную по дешёвке старенькую избу. Её родительский дом совсем развалился, и жить в нём стало невозможно. Да, тогда многие дома, вслед за погибшими на войне хозяевами, стали быстро рушиться и гибнуть, не находя опоры. От крепкой когда-то деревни осталось на холме лишь несколько домов.

На память от монахини Натальи, их тетушки, осталась сёстрам чудная икона, блистающая живыми красками и излучающая какой-то радостный покой и свет. Изображена была на

ней Богородица Дева Мария на облаке, а внизу – святые, выстроившиеся в ряд, словно бы для защиты и благословения молящихся. Были среди них и апостол Андрей Первозванный, и святой великомученик Георгий Победоносец, и святитель Николай, и святые Фрол и Лавр. Икона была большой и помещалась в старинном деревянном киоте под стеклом. После смерти тётушки-монахини Клавдия никогда не расставалась с этим удивительным образом. Привезла она его с собой и на Квасюнино. Эта икона будто осветила и осветила своим ликом новое убогое жилище русской крестьянки. Она стояла на старом деревянном ящике в красном углу. Когда Людмила, внучка городской тётушки, вошла впервые в хижину Клавдии, то была потрясена символическим смыслом открывшейся картины: казалось, сошлись здесь вместе страшное убожество жизни земной и высокая очищающая красота жизни небесной. Долго она стояла поражённая, не замечая навернувшихся на глаза слёз. И что-то сдвинулось в её уже успевшей очерстветь душе, и снова вспомнился день крещения, пробудились детские воспоминания о том, как её водили с собой на службы в церковь бабушка и крёстная. Вспомнилась вся прошедшая жизнь, и захотелось душе всё начать сначала, очиститься от грязи уже накопившихся грехов, житейских печалей и забот. В сердце зарождался словно бы обет перед Богом, требующий от неё духовного пробуждения...

Теперь Клавдия уже не могла заниматься прежней тяжёлой работой и пасла общественное стадо коз и овец. Это новое её занятие, как и старое – бесконечные поездки по полевой дороге на телеге, гружённой бидонами, были связаны с уединением и долгими часами молчаливого созерцания природы. Её простая душа, казалось, соединялась с окружающим миром, и в такие часы ей было ведомо всё, что происходит тайно и явно кругом. Она понимала, о чём шумит лес и поле, куда плывут облака и за чем летит по небу птица, о чём думают и что замышляют подопечные овцы и козы. Как-то раз шла Людмила с родственниками в лес по грибы и увидела такую картину: на обочине полевой дороги сидела Клавдия в белом платочке и в этой позе бодрствования спала. Стадо паслось вдалеке и, казалось, уже готово было убежать от своего дремлющего пастуха. Когда городские разбудили Клавдию и предложили ей свою помощь подогнать овец поближе к ней, чтобы ей не бегать за ними по

кочкам и довольно высокой траве, она спокойно, с улыбкой ответила:

– Да куда они денутся! Вожак-то у них умной. Меня с голосу послушает. А так вы их только распугаете. Овца – тварь настырная, себе на уме. Она знает, где трава получше растёт, туда и бежит.

От этих слов повеяло чем-то далёким, древним и давно забытым...

Как-то, разговорившись за самоваром, Клавдия подробно описала городским гостям, как она во время пастьбы приручила ворону, которая из наглого агрессора и воришки, подбиравшегося к её мешочку с едой, превратилась в её друга, развлекавшего её своими неожиданными выходками в долгие часы одинокого пастушеского бдения в квасюнинской поскотине.

Клавдия была в те годы старой и одинокой. У её родных была своя жизнь и свои заботы. Воспитанная сю девочка-сирота, выросла, вышла замуж и жила где-то далеко в городе. У Раисы был полный дом внуков и большое хозяйство. Но сёстры по-прежнему дружили. Зимой, когда деревню замело снегом, и ночью в морозном небе снял месяц, Клавдии не было скучно – она жила зиму в доме Раисы, вместе со всем многочисленным семейством её замужней дочери. Убогая хижина Клавдии стояла пустой и не топленной до весны, до тёплых дней.

Летом домик, вросший в землю, утопал в высокой траве и зелени окружающих её берёз, черёмух, рябин и тополей. Свой участок Клавдия по немощи уже не могла возделывать, и он превратился в прекрасный луг с душистыми травами. Когда Людмила приходила навестить старушку, то любила вместе с ней побродить по этому лугу, посидеть на нём и посмотреть с его высоты на видящиеся вдали перелески и блестящую под солнцем Шексну. Нередко старушка, не имея ничего другого, дарила её букет прекрасной мяты. Уходить от неё не хотелось: всегда казалось, что покидаешь райские куши.

Шли годы. Незаметно подошло Клавдии время умирать. Стояло жаркое лето 1990 года. В доме Раисы на диване тихо мучилась Клавдия, ей становилось хуже и хуже. Вот и совсем немоготу стало. Побежала племянница звонить в больницу, вызывать скорую помощь, а её оставила одну, так как все остальные были на работе. В это время пришла из соседней деревни к Раисе в гости её крестница Людмила, приехавшая

накануне издалека навестить родные места. Клавдия узнала её и, преодолевая удушье и боль, обрадованно её приветствовала слабым кивком головы. У неё ещё хватило сил расспрашивать гостью о жизни, о том, надолго ли и с кем приехала. Как будто это не она сейчас у Людмилы на глазах испытывала предсмертные муки, как будто это так и надо!

На следующий день посхала Людмила навестить Клавдию в больницу, куда её увезли накануне. Она лежала на кровати у входа в переполненную палату и с трудом дышала. Глаза её, широко открытые, с расширенными зрачками, темнели на бледном лице. Она словно бы пристально во что-то всматривалась. «Видишь там...» – едва слышно говорила она и напряжённым взглядом и слабым движением руки показывала куда-то перед собой. Людмила ничего не видела, но её охватил необъяснимый трепет человека, присутствующего при таинстве смерти праведника.

На следующий день Клавдия умерла. Это был Петров день. В гробу она лежала непривычно нарядная, в белой в мелкий цветочек батистовой кофте, в белом платочке, лицо сияло неземной радостью.

КАК ЦЕЛАЯ БРИГАДА БАБ В ЛЕСУ ЗАБЛУДИЛАСЬ

Расскажу я вам, девки, небывалую историю. В лесу обычно по одиночке блудят, а мы целой бригадой баб из лесу выйти не могли.

А было это лет сорок назад. В ту пору в колхозе дел было всем невпроворот, и за грибами некогда было сходить. Вот мы, колхозницы, и давай нашего бригадира просить:

– Как хочешь, Иван, а отпусти ты нас в лес хоть грибов пособирать. Так и холода, глядишь, наступят, а мы в лесу ноне почти не бывали.

– Ладно, бабы, согласен. Только отпускаю до обеда, а потом опять на работу. Скажу Кольке – шофёру, чтобы завтра рано утром отвёз вас в лес, а в одиннадцать часов привёз назад в деревню.

Мы-то обрадовались. Наутро, только чуть светать начало, собралась у конторы большая толпа баб. Еле вошли все в кузов. Поехали мы в самые грибные места километров за пять. Договорились с шофёром, что приедет за нами на то же место, где высадил.

Вот Колька-шофёр усхал, а мы скорес в лес. Грибов – видимо-невидимо, всё боровики да подосиновики. Насобирали целые кузова, да ещё в мешки запасные грибов наложили доверху. Всё время держались довольно близко друг к другу. Делить нечего, всем хватит грибов. Пора и домой.

Стали мы соображать, как лучше выйти к тому месту, откуда начали свой поход. И тут вдруг началась между нами перепалка: одна баба туда зовёт идти, вторая – в другую сторону, а третья – в третью... Каждая уверена, что только она знает, куда нам идти. Слово за слово и так все друг с другом злобно переругались, сроду-то такого у нас в деревне и не было. Что и было с нами? Словно кто порчу на нас навёл! И чуть было не разбежались по лесу, так и тянет нас убежать друг от друга подальше.

Я первая опамятовалась, а почему именно я – вы в конце рассказа догадаетесь, коли дослушаете. Тут моей заслуги не было.

Я вскочила на пень да как крикну:

– Бабы, все сюда! Это нас леший манит! Погибнем поодинке-то!

Бабы остановились браниться, посудачили ещё немного, но всё-таки решили не расходиться, а идти всем вместе.

Как-то незаметно для нас лес потемнел, как-то всё незнакомым и враждебным стало. А ведь невпервой здесь грибы собирали, с самого детства! Вот ведь чудеса какие! Попримолкли мы и решили попробовать идти по одной тропинке.

И вот долго мы шли, а конца этой тропинке нет, а места-то вроде и незнакомые. Уже и одиннадцать часов наступило, и двенадцать и ещё час за часом шёл, а мы блуждали и блуждали. Так перепугались, что и есть не хочется. Думаем, что же Колька-то не сигнализировал нам, мы ведь слышали бы... Вот и ночь наступила. Куда же нас леший занёс? Господи, помоги!

Сели мы под большой ёлкой и решили поесть, а то совсем силы потеряем. И так уже нога за ногу плетёмся...

Мы под ёлками подремали немного, и наступило утро. Куда

идти? И решили мы поуспокоиться и сидеть на одном месте. Так нас быстрее найдут.

...Не прошло и пяти минут, как вдруг мы услышали – машина сигналит и люди кричат довольно близко. Вскочили мы как встрёпанные и тоже давай кричать и бежать навстречу звукам.

На удивление вышли из леса быстро. Нас сам бригадир и наши мужики встречают. А бригадир не знает, то ли радоваться, то ли браниться!

Приехали в деревню. Оказалось, что ещё вчера днём нас стали искать, когда шофёр вернулся и рассказал, что на его бесконечные гудки бабы из лесу не выходят. Все всполошились. Молодые прочёсывали лес до самой темноты, кричали, звали нас, но так никто и не откликнулся. Родственники-то наши перепугались: ну ладно бы блудила одна или две бабы, а то целая бригада! Возможно ли такое? А наши старушки пошли к знатоку, и он написал им кабалу углём на берёсте – заклинание такое тайное. Велел выйти на перекрёсток дорог и бросить её через левое плечо. Они так и сделали.

А моя-то матушка как встала на колосочки перед иконой Николая Угодника, так и простояла, пока мы не вернулись. Слезно молилась о нашем спасении.

ШУТОЧКИ

Раньше на Квасюнине было много шутников и озорников. Молодёжь любила посмеяться. Их шутки часто были безобидными. Да и народ деревенский был доверчив. Вспоминаются розыгрыши, о которых с улыбкой рассказывала бабушка.

ЗАПISКА ОТ БАННУШКИ

Как-то раз наш Шурентий пришёл в свою баню со старшим братом Стасей. Паренёк был добрым и доверчивым, все его считали блаженным. Любил он всё разглядывать, задумчиво исследовать. Вот и здесь развернул мыло, завёрнутое в бумажку, и стал читать, что на ней написано. Оказалось, что это ему письмом от баннушки! Парень со страхом перечитывал его и ужасался:

«Шурентий! Ты – молодец среди овец. А увидишь меня, баннушку – молодца, станешь сам как овца!»

Блаженный сжал записку в кулаке и выскочил из бани. А его братец сам испугался, следом побегал за ним и кричал:

– Шурка, Шурка! Это я написал. Не бойся! Вернись!

Матушка их обоих пожурила:

– Ты, Стася, эдак-то не шути над братом. Смотри, какой он доверчивый. Пожалей его.

Шурентия она приголубила и ласково посоветовала:

– Шура, когда чего испугаешься – перекрестись и скажи: «Господи, помилуй!» Жуть-то вся эта и отступит сразу.

Стассе стало стыдно, и он решил тоже успокоить братца:

– Баннушко-то добрый! Он любит своих. Только чужих пугает. А ты ему свой.

Мать молча погрозила Стассе пальцем.

Жестокая действительность деревенской жизни в сороковые годы так «подшутила» над братьями, что свела обоих в могилу молодыми. Стасю оговорили, и он безвинно попал в тюрьму. Погиб от голода в блокадном Ленинграде, куда из последних сил добрался после освобождения летом 41-го года. А Шурентий остался в деревне без попечения старшего брата. Родители к тому времени умерли. В 43-м нашёл где-то стакан соли и от страшного голода безумно съел всю соль. Сразу и умер.

Царствие Небесное братьям Ростиславу и Александру!

ЧУДИЩЕ

Как-то раз (Ой, давно это было!) жали мы с бабами рожь за деревней. Жара, овода, пить хочется... Spина болит, надо хоть на минутку разогнуться... А как разогнулась, так и волосы на голове зашевелились от страха. Смотрю, идёт к нам по дороге какое-то чудо-юдо – высоченное, а головка небольшая, в белом балахоне до самой земли и коса в руке. Я ни вскрикнуть, ни вздохнуть не могу... Тут и другие бабы увидели это чудище и давай орать что есть мочи от жути. Только одна из нас, Нюра, не растерялась. Бросилась навстречу с серпом, кулаком грозит и кричит эдак грозно:

– Эх вы, бездельники, чего удумали! Вот ведь чего наварза-

ли да баб напугали! А ну сымай мой платок с дурной башки да мою косу положи, где взял.

Чудище громко захохотало и вдруг развалилось на двух парней. Тут мы и узнали в них сыновей Нюры – Женьку и Витьку, рослых подростков. Видно, младший сидел на плечах старшего, поэтому и казалось «чудище» высоченным. Мать грозно приближалась к братьям, а они бросились бежать назад в деревню.

Все бабы почали хохотать, и смеялись все до слёз. А потом снова склонились с серпами к земле. И казалось им, что сил у них прибавилось, словно они хорошо отдохнули.

Братьям вскоре пришлось встретиться с настоящей смертью. Евгений и Виктор погибли в Отечественную войну, героически защищая Москву от нашествия фашистов.

Царствие Небесное нашим братьям!

ПОИГРАЛ

А этот случай произошёл уже в наши дни. Моя родственница в Петербурге звонит мне и плачет. Что случилось?

И вот рассказала она мне странную историю. Один наш хороший знакомый, солидный человек, начальник на каком-то предприятии, вернулся домой с работы. У них с женой несколько дней гостила внучка лет семи – восьми. Дедушка её очень любил и всегда играл с ней в разные забавные игры, которые сам и придумывал, словно в детство возвращался. Нередко изображал разных зверей, зайца, медведя, лису и других. Эти животные слушались приказов внучки и выполняли её желания. Девочка веселилась, а с ней и дедушка.

В этот вечер они также начали свою игру. Дед играл тигра, который страшно рычал, а внучка смеялась и давала этому страшному зверю приказы. А он их послушно выполнял. Но в это раз произошёл роковой сбой в их игре: игра вдруг превратилась в реальность. Последний шутливый приказ внучки был таким:

– Тигр, ляг и умри!

Тигр, то есть дедушка, послушно лёг на диван... и умер.

Девочка сначала весело смеялась. Потом, увидев, что дедушка не встаёт и всё лежит и лежит с закрытыми глазами, она вдруг испугалась и жутко закричала.

С кухни прибежала её бабушка и ничего не могла понять в первую минуту. Муж её лежит тихо на диване, а внушка кричит и кричит...

Так закончилась игра в смерть. Оказывается, со смертью нельзя шутить.

ДОМ ЗА РЕКОЙ

Как-то раз съехала я со своими дочками в поезде Вологда – Петербург. Мы занимали три места и очень надеялись, что четвёртого пассажира у нас не будет. А если и будет, так чтобы был хороший человек. Поезд тронулся, но никто к нам больше не поселился. Вот уже за окном замелькали заснеженные ели, потом мост через реку Шексну, а затем и остановка на станции посёлка Шексна.

Вдруг перед самым отходом поезда к нам в купе входит пожилой мужчина, горбун, с большой дорожной сумкой. Дочки мои испугались: в сказках всегда горбуны были колдунами и приносили беду. Освободили мы новому пассажиру нижнюю полку и втроём уселись напротив. В купе повисла напряжённая тишина. Видно было, что горбун нас очень стесняется. Видимо, обратил внимание на испуганные глаза девочек. Я решила как-то смягчить эту взаимную отчуждённость. Чтобы переключить внимание детей на себя, я предложила дочкам рассказывать сказки. Ведь ехать нам ещё очень долго, да и ночь впереди. Почти час мы слушали сказки, которые рассказывали друг другу. Смотрю, и наш сосед внимательно к нам прислушивается и даже слегка улыбается. Надо как-то разговорить его, чтобы девочки почувствовали в горбуне не страшный сказочный персонаж, а обыкновенного человека. И тогда я спросила его:

– Может, и вы какую-нибудь сказку расскажете? Нам было бы интересно послушать.

Горбун сначала смутился, а потом и говорит:

– Я ваших сказок книжных не знаток. А вот разные деревенские бывальщины знаю.

– Так это ещё интереснее! Нам повезло! Пожалуйста, расскажите нам что-нибудь.

Наш сосед согласился, но не сразу, долго мялся. И вот, наконец, он начал своё повествование.

– Было это давно. Я тогда ещё совсем молодым несмышлёнышом был. В нашем селе все хорошо знали друг друга. Как говорится, знали всех – как облупленных. И вот поселился к нам новый человек, каталом он был. Тогда ведь все в деревне зимой носили валенки, по-нашему катаники. А катали их из овечьей шерсти. Много тогда овец держали в каждом дворе. Дело это важное, и председатель приезжему каталю дал на время пустующий дом на окраине села.

Наши колхозники заказывали этому человеку валенки и одновременно присматривались с любопытством: что это за человек? И вскоре пошла по селу молва, что это не простой каталь, а явно знаток, то есть колдовать научен. Мы, молодежка, смеялись над этими сказками и, конечно, не верили им. Жизнь для нас была как ясный день.

И вот однажды мы с друзьями сидели у нас в избе после работы. Болтали, всселились и, конечно, хвалились, кто чем. Я не мог придумать, чем бы и мне похвастаться. Правда, был я тогда парнем видным, девушки меня не чуждались. Ведь тогда горба-то, как сейчас, у меня не было. Но не будешь же хвалиться и говорить: какой я красивый и ладный! А выхвалиться чем-нибудь очень уж необыкновенным мне очень захотелось. И вот нашла на меня такая дурь. Встал я и громко сказал:

– Парни, а я хочу сам проверить, колдун наш каталь или нет.

Все замолкли. А потом такой гвалт поднялся. Кто говорит:

– Зачем тебе это! И так ясно, что никакого колдовства нет.

Другие орут да с насмешкой и схидным хохотом:

– Пусть, пусть проверит! Может, и сам научится.

Когда все разошлись, мой азарт поутих. Но слово не воробей... В этот же вечер я пошёл к этому каталю домой. А ребятам сказал, что пойду завтра, чтобы они за мной не подсматривали и не мешали мне.

Уже поздновато было ходить по чужим избам. Решил так: если горит огонь в окне, то постучусь. А если нет, то вернусь домой.

Огонь горел в избе каталья, и я несмело постучался в воротца. Каталь открыл двери и, словно уже ждал меня, ни слова

не говоря, провёл в избе. Я сразу смекнул, что, видать, к нему наши деревенские ходят со своей нуждой. Привык он к поздним посещениям.

Я заволновался, так как всё-таки надеялся, что буду разговаривать с обычным человеком, а тут – на тебе! Растерялся я и не знал, с чего начать разговор. Он и к этому привык, поэтому молча показал мне на лавку у стола и сам сел напротив. Помолчали. Наконец, сам не понимая, как пришла мне в голову эта странная мысль, говорю каталю смело и прямо:

– Меня послал к вам наш комсомольский актив для проверки. Ходят слухи, что вы колдуете, по-нашему говоря, – делаете. Если это так, то вы занимаетесь тёмным делом. А мы идём в светлое будущее, нам тогда с вами будет не по пути.

Каталь хитро ухмыльнулся, глаза эдак странно закатил, и отвечает мне:

– Видать, интересуешься сам. Нечего на актив ссылаться. Ну что ж! Коли такой смелый, пошли со мной.

Мы пошли по заснеженной улице и вышли на перекрёсток дорог за нашим селом. Каталь остановился и командует:

– Ляг ничком, головой от села. Да шапку на глаза натяни, чтобы ничего не видеть. И жди, пока я не велю вставать. Только крест сними.

Я заволновался: матушка чуть не силой и со слезами надевала на меня этот крестик каждый раз, когда я его сымал. А крестила она меня ещё младенцем, в Череповец возила. А тут жалко мне, неверующему, стало его снимать, даже испугался. Вру каталю:

– Да нет у меня креста.

А он мне с насмешкой отвечает:

– Вижу, что он у тебя на шее под рубахой. Не спорь, а то иди от меня подальше, не морочь мне голову.

Делать нечего. Я, как послушный телёнок, сымаю свой крест и держу в руке. Не знаю, куда его деть. Он схватил его, будто уголь какой горячий, и бросил далеко в снег. Тут уж я и сник совсем. И волю, и разум будто потерял.

А он и дальше командует, голос у него такой гулкий стал, всего меня заполнил будто.

– Теперь ложись, как я тебе сказал.

Я лёг и так лежал, пока он снова голос не подал:

– Вставай, пройди с закрытыми глазами тринадцать шагов,

а потом – смотри. Только не оглядывайся, а то тебе ой как худо будет!

Встал я, прошёл тринадцать шагов и снял шапку, которая закрывала глаза. Смотрю – и не верю! Передо мной река течёт, а на том берегу большой дом в два этажа стоит и всеми окнами светится и в воде отражается. Я тут и подумал, ведь зима на дворе, а река не замёрзла. Да и нет рядом с нашим селом такой большой реки.

А гулкий голос за спиной снова командует:

– Сядь в лодку, переправься на тот берег и входи смело в тот дом. Там тебя уже ждут. Только ничему не удивляйся.

Я обмер, а куда деться! Оглядываться нельзя, иначе ещё хуже будет. Послушно сел в лодку и пересхал на другую сторону. Постучал в дом, двери мгновенно распахнулись, и кто-то невидимый очень ласково женским голосом пригласил меня войти. В доме я стал с тревогой озираться по сторонам. Сроду я не видывал такого богатого убранства комнат, удивительной старинной мебели. Я переходил из комнаты в комнату, но по-прежнему нигде никого не было. Наконец я вышел в огромный зал, посередине стоял большой стол, покрытый красивой скатертью и весь заставленный всякими закусками, винами, пирогами и ещё чем-то съестным, чего я сроду не пробовал.

Вдруг опять послышался ласковый женский голос:

– Садись, угощайся с нашими гостями. Я сел с краю и тут с ужасом увидел, что в воздухе мелькают вилки и ножи, звенит посуда, а сами гости невидимы. Меня затрясло, и я вскочил. А тут ласковый голос мне сует:

– Вам не нравится наше угощение? Сейчас мы принесём другое.

Раздался звонкий хлопок ладонями, и тут же я услышал, как по полу зацокали какие-то каблуки или копыта. На столе появились новые яства. Я уже окончательно изнемог от ужаса и бросился вон из этого бесовского дома.

Вслед мне понеслись злобный хохот и цоканье копыт.

Выскочил я из страшного дома и бросился к реке. Но тут моё сознание померкло, я словно в какую-то темную яму провалился. Сколько это длилось – не знаю. Только когда я пришёл в себя, то оказался на том же месте на перекрёстке дорог и в таком же точно положении. Кругом был снег, никакой реки, и дома на том берегу не было. Исчез и мой мучитель-колдун.

Вскочил и перво-наперво бросился торопливо искать мой натальный крест, который колдун выбросил в снег. Я долго ползал в сугробе у дороги, но всё-таки, на удивление, нашёл его! Слава Богу! Теперь я ни за что никогда не сниму его!

Одежда моя была вся мокрая от снега, и я поспешил домой. Там уже меня давно спохватились. Матушка встретила меня крестным знаменем. Потом помогла мне скорее снять мокрую одежду и дала сухую переодеться. Я даже чаю не захотел пить, а сразу забрался на нашу печь и там проспал до позднего утра. Опоздал на работу. Проснулся, когда услышал голос матушки. Она оправдывалась перед бригадиром:

– Заболел наш парень. Ты уж не обессудь, Петр. Я его быстро на ноги-то поставлю.

– Да, сын у тебя здоровяк. Поди, напился вчера, вот и заболел.

– Что ты, что ты! Он у нас сроду вина не пьёт.

А каталь-колдун после той ночи бесследно исчез из нашего села. Я же действительно заболел после ночного приключения. Особенно болела спина. Не мог даже с печи слезть без помощи. Пришлось через несколько дней вызывать «скорую помощь» из района, и меня на носилках вынесли из родной избы и увезли в больницу. А из больницы я вернулся уже горбатым.

Матушка столько слёз пролила. Одно радостно, что моя невеста Татьяна от меня не отказалась. Таких умных да добрых по белу свету искать – не найти. Только она одна и знает в деревне, что случилось со мной в ту ужасную ночь. Матушка тоже, видно, догадывалась. Да ещё вот вам рассказал. Мы ведь всё равно скоро расстанемся и никогда больше не увидимся. Я в Волховстрос выхожу. Еду в гости к дочери.

Пока наш попутчик рассказывал свою страшную историю, я очень боялась за девочек. Как бы он их не испугал этим кошмаром. Однако жгучий интерес победил у них страх. А в конце они уж совсем оживились. Когда наш сосед по купе вышел на своей станции, они мне даже сказали:

– Жалко нам этого дедушку. Что же он связался с этим колдуном?

Мне нечего было им сказать в ответ. Была я рада, что этот рассказ предупредил их, сделал своеобразную прививку от

разных колдунов и новомодных экстрасенсов. Ведь в наше смутное время столько людей появилось, которые в колдовство верят, а в Бога нет. Тьму и зло признают, а в Свет и Добро не верят.

НЕЧИСТЬ

Было это ещё до перестройки, когда колхоз наш был крепким, и жилось нам неплохо. Как-то в нашей деревне мужики с подростками собрались в овине, где рожь сушили. Сидели кругом, пекли картошку в печной золе, разговаривали. В углах скреблись полевые мыши, почуяв обильный и вкусный корм. Один пожилой мужик, Павел, и говорит:

– Эти мыши полевые – тоже Божии твари. А вот крысы – это исчадьё адское. Иначе не скажешь.

– Это почему же? Да противные и злые зверюги, но почему исчадьё? – спросил кто-то из слушателей.

– А то и исчадьё, что беду накликают, где ни появятся.

– Дак расскажи, дядя Павел, как это бывает-то?

– Ох, ребята! Лучше бы вы этого никогда не ведали. Ладно, кое-что расскажу.

Павел помолчал, погружённый в воспоминания, и нехотя начал свое повествование:

«В молодости был у меня друг закадычный Венька. С пелёнок вместе играли. Матери-то наши были тоже подругами, да и жили бок о бок. Вот подросли мы, семилетку закончили и сразу нас председатель определил на работу в колхозе. А перед армией послал он нас на курсы механизаторов в район, и вернулись мы оттуда готовыми трактористами. Хорошо, ладно. Работать стали и получать хорошую зарплату. А тут и повестки в армию нам пришли. Матушки наши волнуются. Рассказывали, что дедовщина тогда была там. Но мы парни крепкие, ничего не боялись.

Мне легко было уходить в армию – никто по мне не тужил, кроме матери. А Веня больно кручинился: расставался он со своей любимой невестой Ириной. Устроили нам в клубе общий прощальный стол, как у нас говорят, отвальную. Вся молодежка собралась, кто с нами попрощаться, а кто просто повеселиться. Мы с Веней и Ирой сидели за столом у самого окна, а напротив один хмырь уселся из соседней деревни. И чего он припёрся?

И вот когда уже все угостились и пошёл весёлый разговор и разные шуточки, мы с Веней почти одновременно посмотрели в окно и там увидели огромную крысу. Она сидела на перилах крылечка, которое было совсем рядом с нашим окном. Эта нечисть смотрела на Веню, и её взгляд был такой злобный и мрачный, что нам стало не по себе. Как будто она хотела съесть моего друга и гипнотизировала его этим страшным взглядом. Не передать то омерзение, которое мы испытали. Как будто адская бездна на нас смотрела.

Так продолжалось несколько секунд, а потом она исчезла. Заметили её только мы с другом. А гости продолжали веселиться, ничего не замечая...

Быстро прошёл год нашей службы, начинался второй... Веня с Ириной постоянно переписывались, невеста слала ласковые письма и писала, что ждёт с нетерпением возвращения друга. И вот мы дома, в родной деревне. Радостные встречи, а потом и Венина свадьба. Председатель дал молодожёнам в кредит новый дом. Живите и радуйтесь!

После этих событий я не видел Веню несколько дней. И вот вдруг однажды утром моя матушка вернулась от колодца домой и не просто плачет – голосит, надрывая душу. Что случилось. Я подбежал к ней, а она и шепчет мне сквозь рыдания:

– Веня застрелился... и... Ирину застрелил.

Я обомлел... Ноги не держали, и я опустился на лавку. Веня, этот мой весёлый и сильный друг, убил себя и молодую жену! Не верю...

Но поверить пришлось. А дело было так. После свадьбы Венина мать и говорит втихаря сыну:

– Что же это такое, сын? Ведь Ирина-то беременна, да и срок уже месяца четыре. Мы, бабы, это на глаз определяем. Ты из армии-то вернулся и месяца не прошло... Куда же ты смотрел!

Бросился Веня к жене в свой новый дом. Схватил в безумии своё охотничье ружьё и застрелил сначала Ирину, а потом себя.

И была в нашей деревне необычная печаль. Хоронили их всем селом. Поминки опять были в клубе. И вспомнил я то зловещее видение в окне. Какой это ужасный знак был! Вспомнил я того хмыря из соседней деревни.

Стали поговаривать, что это он нашу Ирину соблазнил и бросил. Одним словом – ещё одна крыса, которая, кроме беды, ничего не может сделать.

ДРЕВНИЙ СТАРИЧОК

В войну у меня погиб на фронте старший сын, мой первенец. Я сильно убивалась о нём: плакала день и ночь, работу забросила. Тут приходит наша бригадирша Анна и давай стыдить меня:

– Разве только ты одна сына потеряла? А все бабы работают, все на сенокосе...

Я её не слушаю, реву... Тогда она зачем-то и сказала мне, да так горячо:

– Это-то не горяшко, а горе – через полношко!

Что она хотела сказать? Не знаю. Только я чего-то испугалась и тут же перестала плакать. Взяла грабли и пошла в поле, где бабы сено огребали да копнали.

Погода стояла жаркая – июль. И деревенские дети проводили всё время на озере: купались, на долблёнках катались. Моя младшая доченька тоже с ними была. Вот тут-то и случилась беда! Утонула моя младшенькая...

Свет мне не был мил! Сижу дома, никого к себе не пускаю, особенно бригадиршу возненавидела за то, что накаркала мне ещё одно горе. Она тоже стала опасаться меня. Каждый день я ходила на кладбище, к родным могилкам. Однажды иду между могил, задумалась да и свернула куда-то не туда – заблудилась. Кладбище-то старое, всё заросшее, некому было в те тяжёлые послевоенные годы его обихаживать. Сколько людей погибло, сколько по тюрьмам сидело, сколько по стране разбежалось...

До того я добродила, да всё по высокой траве, что выбилась из сил. Села на чью-то могилку и плачу, плачу... Вдруг слышу: кто-то сквозь заросли пробирается. Вышел ко мне древний-древний старичок с большой бородой, на палку опирается и говорит:

– Что ты, милая моя, плачешь! Что ты грешить! Твои дети в раю Господу радуются, а тебе всё печаль!

Я вскочила, как ото сна какого пробудилась. Осмотрелась – никого нету... Испугалась и давай снова дорогу искать. И что ты думаешь! Тут же и нашла. С тех пор перестала я реветь, а только молюсь об упокоении своих ребят. Да вот к вам в Череповец езжу в церкву – панихиды заказывать да сорокоусты.

Рассказала на исповеди батюшке, тоже уже старенькому, что со мной было на кладбище-то. Сначала он спросил, откуда я пришла, потом подумал-подумал да и пошёл в алтарь. Выносит икону: на ней старый священник изображён. Я на него смотрю и глаз отвести не могу: так он похож на того старичка лесного. Батюшка мне объясняет:

– Это преподобный Антоний Черноезерский. Слышала о нём?

Я тут всё и поняла:

– Да как же не слышать! – говорю. – Ведь старый Черноезерский монастырь у нас под боком был. Его преподобный Антоний основал в XVI веке, а в начале XX века игуменья Таисия Леушинская женский монастырь начала обустроивали, строили. Остатки Троицкого храма до сих пор белеют над озером. Всё было разрушено после революции... Так неужто это сам преподобный Антоний меня утешить явился!

– Тебе виднее! Раз чувствуешь, что это он, так теперь молись ему и благодари за благодатное утешение, – сказал батюшка и накрыл меня спитрахилью.

С тех пор стала я ходить к разрушенному монастырю и молиться преподобному Антонию, благодарить его. Стала я замечать, что на Чёрном озере монастырском в любую погоду будто бы дорожка какая проходит. Такая борозда пролегает по воде. Долго я никому об этом не говорила, думала, что мне кажется это. А тут как-то была я на Квасюanine у Раисы Ивановны на Спасов день и встретила у неё с монашкой Натальей, что из разорённого Ярославского монастыря вернулась на родину к нам. Слово за слово и рассказала им о дорожке на озере. Тут мне Наталья и говорит:

– Это Преподобный дорожку-то давно уж проложил. К нам, грешным, по ней и приходит на помощь.

ГОСТЬЯ ИЗ-ПОД МОСТЬЯ

Не в укор будь сказано, ты меня, деушка, гостьей из-под мостья шутя назвала, когда я к вам в Череповец-то приехала. А знаешь ли ты, кого так зовут? Не знаешь! Так вот слушай, расскажу я тебе о ней. Только не пугайся сначала.

Было это года два назад. Хозяин мой занемог. Когда совсем худ стал, дали в колхозе лошадь, и отвезла я его в больницу. Врачи ничего уж не могли сделать. Упрскают меня:

– Что же вы пораньше-то его не привезли. Может, и помогли бы ему.

Я – реветь. Говорю им:

– Да я его и сейчас-то еле уговорила поехать. Не привык он лечиться-то. Всё в работе и в работе.

Так и усхали мы назад в Дёмкино. Братец Александр, было, стал своё лекарство предлагать – шарики-те эти медовые с целебной глиной, только ничего уж не помогало. Укатали сивку крутые горки!

Умер мой хозяин. Царствие ему Небесное! А отпеть некому. В округе ни одного храма не осталось. Решила я его заочно в череповецкой церкви отпеть потом, когда к вам приеду, да все никак не могу выбраться. То погода осенняя плохая, то сама занемогла. Кругом один лес, деревни другие далеко. Ни к кому не сходишь погулять. Уныние страшное напало.

Раз вечером погасила лампу керосиновую и легла спать. Шумит лес за окном, видно, опять ветер дождь нагоняет. Только задремала, слышу какой-то стук дробный. Темнотища крошечная! Затихло, потом опять стукоток пошёл... Прислушалась: так это под моей кроватью стучит тросточка, с которой мой покойный хозяин последнее время ходил...

Неужто черти завелись в доме? Ведь сроду этой нечисти не бывало. Я всегда крещенской водой кроплю все стены в избе! Да и перед иконами молюсь перед сном. А в этот-то вечер так заунывала, что и не помолилась даже. Обмерла я и взмолилась:

– Царица Небесная, спаси и сохрани!

Набралась смелости, встала, зажгла лампу керосиновую и посветила под кроватью-то...

А когда увидела, что на тросточке-то корка хлеба лежит, а мышка от неё в щёлку юрк, так я всё и поняла. И такой смех на меня, грешную, напал, что долго ещё не могла уснуть, а все чего-то усмехалась. А потом заплакала и уснула.

Гостья из-под мостья, вот кто стучал! Мышь – это. Она из подполья вышла, как незваная гостья, и давай грызть корку. Вот и пошёл стукоток от этого. А всё по грехам моим этих страхов натерпелась.

На следующий же день собралась я и поехала в Череповец – отпеть моего покойного хозяина да сорокоуст заказать. А тут и ты, девушка, меня приветила – встретила ласковыми словами:
– Гостья из-под мостья!

СТАРУШКА ИЗ АКСЁНОВА

Давно мы не бывали в родной деревне, лет десять. Уж больно далеко мы залетели от родных мест. И вот, наконец, собрались и приехали к тётё Рас. Как-то раз пошли мы с матерью по ягоды, чернику собирать. Ходим по лесу, всё стало каким-то незнакомым за эти годы. И начали мы блудить, не можем тропинку в нашу сторону найти.

Вдруг кто-то замелькал между ёлками. Смотрим: древняя старушка с корзинкой бродит. Подошли мы к ней и спрашиваем:

– Бабушка, вы с какой деревни будете?

– А с Аксёнова, милые. Али заблудились?

– А мы с Квасюнина. Куда нам лучше-то повернуть.

Старушка как-то грустно смотрит на нас и молчит, словно расстаться с нами не хочет. Помедлила, а потом молча показала своей клюкой, куда нам идти. Мы и пошли в ту сторону, да вспомнили, что не поблагодарили старого человека. Оглянулись – а старушки и след простыл. Нигде её не видно. Мы ещё на всякий случай крикнули:

– Ау! Бабушка, спасибо!

Только эхо нам отозвалось...

Вот приходим мы домой в деревню, хвастаемся тётё Рас, что целое ведёрко черники набрали. Рассказываем ей о своих впечатлениях. И тут я говорю нашей хозяйшке:

– Мы ведь чуть не заблудились. Спасибо старушка с Аксёнова нам дорогу показала.

А тётя Рая нам в ответ и заявляет:

– Вы, девки, что-то путаете. Деревни Аксёново уже пять лет

как нет. Кто уехал, кто умер. Одна вековуха Устинья дольше всех там жила, дак и она померла уже.

Тут моя сестра так схибно и промолвила:

– Уж не с того ли света к вам эта бабушка приходила?

А тётя Рая задумалась:

– Кто его знает! Может, эта вековуха и приходила.

НЕ ПОПАЛАСЬ ПТИЧКА – УЛЕТЕЛА!

Как сейчас вижу эту старую женщину. Никогда не думала, что встречу с чародейкой! А вот пришлось.

Было это в 1984 году. Точно год запомнила, потому что через два года случилась Чернобыльская катастрофа, и мы в те края уже не решались ездить. А в тот год посоветовали нам провести отпуск на юге Белоруссии, в деревне на берегу Днепра, совсем рядом с Украиной. Сняли небольшой домик со старым садом и видом на Днепр. Хорошо, вольготно. Почти всё время проводили на реке или в лес ходили за грибами и ежевикой. Соседи сначала к нам присматривались, а потом подружились с нами, даже на сенокосе мы им помогали. Люди добрые, приветливые. Только меня поразило, что все в округе отворачивались от одной больной старушки Анюты, чуждались её. А жила она прямо против нашего дома.

Сидит она одинокая на лавочке у своей хаты, возьму и подойду к ней. Она мне всю свою горемычную жизнь рассказала: как выдали её силой за нелюбимого, мужика грубого и жестокого, как в войну одна бедовала с детьми, как после войны заново и дом с мужем строили, и добро наживали. А то ведь в 46-м новорожденного сына не во что было завернуть. Ой, горе-то! И вот теперь одна... Муж умер давно, а сыновья разошлись по городам, даже весточки не шлют. Да ещё и болезни всякие навалились.

Я жалела Анюту, подходила каждый день к её скамейке, часто своим обедом угощала. Начали меня соседи предупреждать:

– Ты к ней не ходи. Она ведь колдунья!

А хозяин нашего дома даже историю рассказал, как она успешно ему зубы заговаривала.

Я по молодости этому не верила, пока она сама не начала рассказывать о своих чародейских делах. Видно, хотела мне своё «мастерство» передать, да я вовремя спохватилась.

Раз я спрашиваю Анюту:

– Бабушка, говорят, вы знахарка, лечить людей можете. Это правда?

– Ой, моя птичка! (Она меня почему-то всегда так называла). Раньше лечила, а теперь сил нет. Ведь это какой тяжёлый труд! Вот послушай – один случай расскажу. После войны у нас на полях много мин и всякого железа оставалось. Ведь нашу деревню два раза немцы брали, и два раза наши отбивали. После войны молодые часто на поле калечились, особенно трактористы. Одного паренька убило миной, единственный сынок был у Агафьи. А в тот раз, о котором я расскажу, молодому мужику сильно ногу железом поранило. А ведь после войны прошло немало лет! Отвезли его в ближайший городок в больницу, лечили – лечили и залечили. Гангрена началась. Хотели ногу отрезать, а он ни в какую! Хоть и мужик, плачет:

– Лучше я умру, а ногу отрезать не дам.

Конечно, была у него с матерью надежда на меня. Что говорить! Как привезли его домой, так тут же его мать ко мне и прибежала:

– Анюта, помоги! Дорого тебе заплачу за сына!

– Привози его ко мне. Чем могу, помогу.

И стала я его лечить. Сделала целебную мазь. Намазала больную ногу, холстом завязала всю плотно. И так молилась, что пот выступил на лице. Ведь все эти мои молитвы тайные очень сильные. Только даются они мне с большими трудами и с болью всего тела и души. И так он прожил в моей хате три дня. Каждый-то день я новую повязку ему делала и заклинала его от раны. На третий день он повеселел, дала я ему палку в руки и сказала:

– Теперь иди домой своими ногами.

– Да как я, тётя Аня, пойду. Ведь нога-то не даёт шагу сделать.

– Вставай и иди! Я знаю, что говорю.

Он встал и сделал несколько шагов. Оказалось, что идти может, нога не болит.

На прощание, я его предупредила:

– Неделю сиди один дома. Ни с кем не разговаривай. Не ма-

терись! Не кури и не пей. Иначе вся твоя болезнь к тебе назад вернётся. Как хочешь. Сам решай, что тебе лучше.

Ушёл мужик, а я болеть снова начала. Так утомилась с ним. И вот пяти дней не прошло, как бежит его мать ко мне и плачет:

– Сын-то снова слёг! Все было хорошо. Да на четвёртый день не выдержал. Мужики к нему пришли и смеются над ним:

– Говорят, Анюта заколдовала тебя. Теперь не пьёшь и не куришь. Давай хоть в карты перекинемся.

А как сели за стол, пиво появилось, и трёп пошёл с матом. Часок посидели – а сын и на пол повалился. Так нога заболела. Переложили его на постель. Анюта, помоги!

Рассердилась я и отказываюсь. Не шуточное ведь дело – такую больную ногу вылечить. С гангреной не шутят!

Мать этого дурака плачет и не уходит. Умоляет помочь. Я не выдержала такой материнской печали и согласилась снова помочь.

Что ж! И снова его вылечила. Только какой ценой для себя! Думала – умру после этого. Вот, моя птичка, какой это труд! Правда, через год этот мужик попал в аварию на тракторе и погиб.

В голосе бабушки Анюты послышались и печаль, и гордость. А я ужаснулась этому рассказу. И до поры ему не верила.

Но вот пришлось убедиться самой, кто такая на самом деле эта старушка. Однажды я взяла миску с горячим супом и пошла через дорогу к Анюте. Я беспокоилась: старушка второй день не выходит на улицу. Не слегла ли? Действительно, я зашла в хату и вижу: Анюта лежит на кровати и стонет. В её доме я была впервые, раньше мы беседовали на лавочке у дома. Было просторно, никаких перегородок, только за большой печью маленький чуланчик да кровать хозяйки стоит в нише с откинутым пологом. В красном углу большая старинная икона Богородицы, по полу важно разгуливает чернуший кот с жёлтыми хитрыми глазами. Этого кота я ни разу на улице не видела, хотя жили мы по соседству. Меня сразу какое-то смущение охватило, словно я под слабым током оказалась. Я покормила больную, а она просит:

– Не уходи! Посиди со мной. Как тяжело одной-то лежать. Какой-то груз меня давит. Тяжко!

Я села на скамейку у стены, и мы стали беседовать. Я хотела успокоить старушку. Сначала шёл обычный разговор, а потом

постепенно Анята словно взяла в свои руки течение беседы и без конца что-то говорила, и говорила... Я перестала понимать её речь и почувствовала сонливость и какое-то скрытое насилие, которое начало мной овладевать против моей воли. Одновременно я ощутила небывалое омерзение и желание выскочить на улицу. Я с трудом поднялась, словно кто меня удерживал, и в смущении пробормотала:

– Извините, бабушка Анята! Меня дома ждут к обеду муж и дети.

Я выскочила из дома этой чародейки, которой почти удалось ввести меня в транс, как говорят современные экстрасенсы.

Что со мной происходило? Меня потряхивало, и всё тело ломило. На улице я перекрестилась и поцеловала нательный крест. Видимо, он меня и спас у последней черты. Не поймалась птичка – улетела!

НЕЗАБУДКИ

Мы часто не понимаем, что даже человек опустившийся, утративший дом, семью, работу, внешние приличия, а главное – надежду, Богом всё равно не забыт. Что невозможно человеку, то возможно Господу. Расскажу в связи с этим удивительную и очень печальную историю.

Долгое время мы посещали кладбищенскую церковь на окраине города. Нас очень привлекал туда её настоятель, человек глубоко верующий и очень горячий в своей вере. В те времена он многому нас научил и не только в церковной жизни, но и в бытовой. Он смело проповедовал, каким должен быть христианин и перед Богом, и перед людьми. Честно говоря, мы его побанвались, словно он был нашей совестью.

Приход был небольшой, все друг друга знали и старались поддержать друг друга в смутные 90-е годы. В отличие от церквей в центре города, у ограды нашего храма не было нищих. Видимо, им неуютно было среди могил, да и добираться пешком далеко и лень. Исключением был только один бомж. Высоченный мужчина, когда-то могучий и сильный, а теперь обтрепавшийся, пьющий, но всегда с добрым выражением на измятом лице. Старые прихожанки его жалели. Денег давали мало, у самих не было, но подкармливали. Бывало, идёшь ран-

ним утром на службу в церковь и видишь, как Павел, так звали этого несчастного, уже сидит у дорожки на бугорке и с удовольствием ест принесённую ему картошку с хлебом. Жалкая картина!

Но видели мы порой и отвратительную картину: пьяный Павел валяется прямо на снегу, иногда на тропинке, и что-то бормочет невразумительное. И это недалеко от храма!

Между тем у всех создалось такое впечатление, что этот ужасный человек тоже прихожанин нашего храма. В минуты просветления он робко заходил в церковь, стоял у самых дверей и даже опускал какие-то монеты в ящик для пожертвований. Настоятель пытался неоднократно помочь бедолаге выкарабкаться из этой ямы пьянства и беспризорности, но всё было тщетно. Раза два он договаривался с психиатрической больницей и отправлял этого горького пьяницу на лечение от алкоголизма. Павел возвращался свежий, побритый, в чистой одежде, которую покупал ему настоятель. Все пожилые прихожанки очень радовались такому пресобращению человека. А сам Павел был весел и горд своим достойным видом. Однако этого праздника хватало ненадолго. Через неделю или две всё начиналось сначала. В конце концов, дошло до того, что этого мученика собственной страсти к вину перестали пускать даже в ночлэжку. Никто не знал, где он ночует. Да и не думали об этом, занятые тяготами собственной жизни.

И вдруг обнаружилось, что Павел ночами спит в грубо сколоченном туалете на кладбище. Поужасались: зима-то стоит свирепая. Страшно! Но опять никто ничего не смог сделать, чтобы спасти человека. И пришёл неизбежный конец: несчастного нашли утром замёрзшего и уже окоченевшего. Его похоронили, как хоронили бомжей в 90-е годы, то есть в чёрном мешке для мусора. Прихожане пожалели – пожалели падшую душу и вскоре о ней забыли...

Однако пришла весна, и на том бугорке, где обычно сидел Павел, собирая жалкую милостыню, расцвели незабудки ... Вот ведь чудо! Никогда они здесь не росли, а тут весь холмик сплошь покрыли прекрасные нежные голубые цветы. Прихожане по пути в храм останавливались и с удивлением смотрели на этот праздничный холмик. Он казался фантастическим приветом из иного мира, словно умерший Павел безмолвно говорил нам:

- Люди, я всё равно вас люблю. Простите и вы меня.
И люди шептали, крестясь:
– Бог простит!..

В МРАЧНОМ ДОМЕ

Есть хорошая русская поговорка: «Не место красит человека, а человек место». Спорить с этим никто не будет. Однако заметила я давно, что есть места – благодатные, светлые, а есть и – безблагодатные, тяжёлые для души, какие-то мрачные.

Вспомнилась одна история, о которой расскажу сейчас. Давным-давно, ещё в молодости, снимали мы с мужем жильё у одной женщины в старом доме. Сама хозяйка обитала в благоустроенной квартире. Воспоминания о том периоде нашей жизни были самыми мрачными. Мы жили там поневоле, так как своего жилья у нас ещё не было, а общежитие нам не давали на работе, ссылаясь на то, что у нас был маленький ребёнок.

Дом стоял на окраине города. Хозяйский участок примыкал к старому кладбищу. Даже разделяющей ограды не было. Может быть, такое соседство и накладывало трагическую тень на все события того времени. А неприятных событий было густо в тот период нашей жизни. Гораздо гуще, чем в последующие годы. Теперь, вспоминая, даже трудно поверить, что всё это мы пережили за каких-то полтора года. Из них самые заурядные и каждодневные переживания – это постоянный страх опоздать на работу. Старый автобус ходил в это глухое место очень редко и без постоянного расписания, а идти пешком до настоящего автобуса было очень далеко.

А тут ещё щелястая печь, давно не знавшая ремонта, топилась торфом и очень долго. Бывало, вернёмся с работы, с трудом сё раскопчегарим, а торф тлест и тлест полночи. Опасно закрывать печь. Эта рискованная топка однажды чуть не кончилась бедой. Под утро я просыпаюсь от страшной головной боли, с трудом встаю и иду из маленькой спальни в большую комнату, направляясь на кухню выпить воды. И тут я теряю сознание... Муж просыпается от стука падающего тела и выбегает ко мне. У него тоже голову ломит, и он понимает, что мы сильно угорели. С трудом приводит меня в сознание с помо-

шью пощёчин. Нашатырного спирта у нас не оказалось. Надев на меня пальто, шапку и сапоги, волоком вытаскивает на улицу и кладёт на пышный сугроб во дворе. От холода и угара меня начинает бить страшный озноб. Муж побежал к соседям за нашатырём, но никто не открыл двери в столь ранний час. Целый день мы промаялись, пока восстанавливались от отравления угаром. Единственным большим утешением для нас было то, что я перед этим происшествием отвезла маленькую дочь к матери в Череповец, так как она очень часто болела. Что было бы с ней – даже страшно подумать!

Так мы и жили, ожидая скорейшего наступления весны. Но и весной наши приключения продолжались. Однажды накануне майских праздников, точнее 30 апреля, я возвращалась вечером из города одна. Чтобы сократить путь, я решила пойти через кладбище. Все соседи так делали, даже тропинка была протоптана. Только свернула с дороги на эту тропинку, как услышала дикие выкрики мужских голосов. Спрятавшись за куст, посмотрела и увидела сатанинское празднество: прямо на могилах молодые парни пили водку, хохотали, и один из них вбивал огромный кол прямо в чью-то могилу. Не помню, как я выбралась назад на освещённую дорогу и побежала по ней к свосму дому. Лишь спустя годы я узнала, что, по народным поверьям, ночь накануне первого мая – праздник нечистой силы.

Через несколько дней снова происшествие. Наша спальня была небольшой, и кровать стояла вплотную к окну. В тех местах на окнах по традиции всегда были ставни. Мы их закрывали только зимой, а весной и летом предпочитали держать открытыми, хотя окна нашей избы располагались довольно низко. Любой человек при желании мог подойти к окну и посмотреть к нам в комнату. Однако мы жили на окраине города, улица наша обычно была пустынной, редкий прохожий проходил мимо нашего дома. Однажды я проснулась рано утром от стука в нашем окне. Кто-то с шумом захлопнул ставни, в комнате стало темно. Я села и спросонья посмотрела на окно. Вдруг половинки ставней приоткрылись, и в образовавшийся просвет на меня уставилась с усмешкой незнакомая молодая женщина в чёрном плаще. Её красивый и таинственный облик поразил меня. Форточка была приоткрыта, и я с испугом спросила незнакомку:

– Кто вам нужен?

Но она молчала и так же загадочно на меня смотрела. Я разбудила мужа, он тоже успел увидеть это видение в окне. Но после этого ставни опять с грохотом захлопнулись, и больше уже никто к нам не заглядывал.

Нам стало не по себе. Мы разбудили наших соседей, тоже квартирантов, которых подселила к нам наша хозяйка совсем недавно. Извинились и спрашиваем их:

– Наверное, к вам пришла какая-то женщина. В окно к нам заглядывает.

– Да мы никого и не ждём. Вроде некому к нам приходить. Да ещё в такое время! – ответили соседи.

Сосед и мой муж оделись, взяли с собой железный прут, который хранился в снях, и вышли на улицу. Вернулись расстроенные, и муж удивлённо сказал мне:

– Подхожу ближе к нашему окну, никого нет кругом. И главное – нет даже следов к окну и под окном. Там же грязь, глина. Любой бы след отпечатался. А ведь она, эта женщина, дурачила нас довольно долго. Должна была бы наследить!

Долго мы гадали, что же это было? Так и не разгадали.

Вскоре нам всё-таки дали комнату в общежитии, и мы несказанно счастливые уехали из этого словно бы проклятого дома.

Через жутковатых приключений в том месте продолжалась и после нас. Они становились всё более мрачными и даже коснулись самих хозяев, как только они решили устроить свадьбу сына во дворе этого дома. Стояло жаркое лето, радостные приготовления к свадебному застолью начались заранее. Хозяйка была очень рада, что её тридцатилетний сын наконец-то женится. И вдруг неприятное событие! Невеста пошла за водой к колодцу, и как-то так получилось, что железная ручка ворота с силой ударила её прямо по лицу. Через день свадьба, а лицо невесты от удара стало лиловым. Невеста рыдает, плачут все женщины-родственницы. Как теперь быть? Жаль-то как девушку! Начали делать всякие примочки, но ничего не помогало. В головах ещё мелькала потаённая мысль: ведь это дурное предзнаменование!

Жених помчался в областной драмтеатр за помощью к гримёру. Пообещали утром в день свадьбы наложить хороший грим на лицо невесты. Это исправило тяжёлое впечатление от вида невесты, но праздничное настроение у неё всё равно было испорчено.

Прошло всего два года, и сын хозяйки бросил свою жену и снова женился уже на москвичке, по-видимому, из карьерных соображений. Невольно подумаешь, что, действительно, не зря накануне той свадьбы был дурной знак.

Как мы узнали позже от нашей бывшей хозяйки, ужасные события продолжались и далее. На этот раз – уже кровавые. Сосед-квартирант, здоровенный грубый мужик, ударил свою жену ножом. Её с трудом спасли в больнице. А преступник оказался в тюрьме.

Слава Богу, добрые люди вовремя помогли нам выбраться из этого гиблого места!

АРМЕЙСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Рассказывал мой дедушка одну бывальщину. Неужто и вправду так было? Вот его повествование:

– Наш полк в Первую мировую войну расположился в одном южном городишке. Ждали нового назначения и отдыхали. От нечего делать играли в карты, у кого деньги были – выпивали. Вечерами нередко собирались компаниями и дурачились. Народ-от всё молодой, задорный. И вот однажды поспорили наши солдаты, кто самый храбрый. Стали вспоминать разные случаи, когда шли боевые действия. Много мы тогда разных опасных случаев вспомнили. Оказалось, что в нашей компании почти все – молодцы и уже не один раз доказали свою храбрость. И тут один из солдат, ехидный такой парень, говорит:

– В бою-то легко быть смелым! Там в штыковой атаке или ты немца – или он тебя. А вот кто осмелится в полночь на кладбище пойти да кол забить между могилами? Вот того я зауважаю.

Все с презрением отвергли это предложение как какую-то детскую шалость и даже кощунство. Ведь все крест носили и молитовки, написанные матушками, за пазухой хранили. Да и приказ отправляться в поход ждали с минуты на минуту. Однако был среди нас молоденький солдатик – новичок, вот он-то и смело вызвался сходить на кладбище. Мы его отговаривали

от этой дури, но он заупрямился. В бою он еще ни разу не был и решил нам показать, что и он храбрец.

И вот вытащил он кол из изгороди и пошёл на кладбище. А мы продолжили беседовать. Но как-то тревожно нам было за молодого паренька. Его долго не было, и мы уже забеспокоились. А тут ещё послышался сигнал сбора, мы и заметались. Не бросать же бедного солдатика на кладбище! Видать что-то с ним случилось. Мы, человек пять, пошли его искать.

В темноте старое кладбище и впрямь страшило своей мрачностью и непроглядной темнотой. Но что поделаешь? Мы продолжали искать нашего однополчанина. Долго кричали, звали его, но никто не откликнулся. И тут в кромешной темноте я наткнулась на кол, вбитый в землю, а рядом нашего бездыханного солдатика. Стали его поднимать, а его что-то не отпускает от земли. Конечно, и нам стало не по себе, хотя мы народ бывалый и ни в какую чертовщину не верим. Догадались достать спички, зажгли сухую ветку и тут мы увидели, что кол-то был вбит в полу шинели солдатика, поэтому он и не мог идти, а потом, видно, от страха потерял сознание. Решил, что его мертвецы не пускают от себя... Страшно подумать, что он, бедный, перешел тогда!

Пришлось новобранца доставлять в госпиталь, а потом его комиссовали. Говорят, вернулся домой, в свою деревню весь седой. А какой бы храбрый солдат из него вышел!

КАК ОДИН НАШ БОЕЦ ПЯТЕРЫХ НЕМЦЕВ В ПЛЕН ВЗЯЛ

Моя мать в Отечественную войну служила телефонисткой на границе с Норвегией, на полуострове Рыбачий. Там стояли наши зенитные батареи. Мать спустя годы нам рассказывала:

— Жили мы в землянках, которые с большим трудом были вырыты в каменистой почве. Продукты нам сбрасывали с самолётов, так как по морю добираться сюда очень опасно. Немцы бомбили и топили наши суда. И наш караван только чудом сюда добрался. Летом и осенью мы собирали ягоды и грибы, которых кругом была тьма. Недалеко от нас был «птичий базар» - это такой крутой скалистый берег. Солдаты лазили туда с риском для жизни и добывали птичьи яйца. Зимой нас засыпало снегами, с трудом откапывали вход в жильё. Весной

затапливало талой водой, и только на верхних нарах можно было спать в землянках. Случалось нашим зениткам сбивать вражеские самолёты над морем, а иногда нам с болью приходилось видеть, как гибнет на наших глазах наш советский самолёт, сбитый фашистами. И ничем мы не могли помочь нашим лётчикам.

Иногда в глухое зимнее время выдавались тихие дни. Как-то раз в такой спокойный день двое солдат отпросились поохотиться. Нередко на снегу видны были заячьи и лисьи следы. Командир отпустил, но приказал им держаться вместе. Мало ли что! Солдаты ушли на охоту. После их ухода где-то вдали промелькнул немецкий самолёт, и опять всё стихло.

Прошло время, и вот возвращается только один из солдат, какой-то сердитый, и говорит, оправдываясь:

– Васька чего-то на меня разозлился и отстал. Поругались мы с ним.

Прошли полчаса, и вдруг мы видим небывалую картину: наш солдат Василий ведёт пятерых немцев под прицелом автомата. Их сразу окружили. Началось расследование.

Оказалось, что это были десантники, которых сбросили с немецкого самолёта. Только они собрались вместе, как наш солдат выскочил из кустов с автоматом и закричал:

– Хенде хох! Бросай оружие!»

Немцы подумали, что окружены солдатами, тут же бросили оружие и сдались. Им и в голову не пришло, что один солдат осмелился на такое. А Василий взял их на прицел и погнал в нашу часть.

Но самое интересное выяснилось позже. Автомат Василия был не заряжен! Весь боезапас остался у другого солдата, который его бросил и вернулся в часть первым.

Командиры рассудили так: отважного бойца Василия представили к награде, и он получил медаль «За отвагу», а другой получил наказание. Какое не помню.

О ЖАДНОМ ПОЛЯКЕ

Наш односельчанин Петруша больно остёр был на язык. Вечно над кем-то подшучивал да небылицы разные плёл. Его даже Тёркиным прозвали в деревне. Вот и в этот его рассказ трудно поверить, но он клялся, что так всё и было, как он говорил нам:

– Вернулся я с фронта, как вы сами знаете, летом сорок пятого прямо из Польши. Мы её освобождали от фашистов и много нашей кровушки пролили. Многие поляки тогда нас благодарили и всячески угощали. Мы гордились нашей Победой и думали, что так и надо нас – победителей улаживать. Однако как-то в селе нарвались на очень прижимистого поляка. Мы подъехали к его усадьбе на танке, вышли попить водицы у колодца и перекусить. Наша полевая кухня не поспевала за нами. Ну, думаем, хозяева нас угостят как дорогих гостей. Не тут-то было! Сначала хозяин прятался от нас, мы сами вошли во двор и стали его звать: «Пан, пан!» Он вышел и так недружелюбно на нас уставился. Мы ему пытаемся объяснить, что пить хотим. Где у него колодец? Несколько раз повторили:

– Пить! Пить!

Тогда он осмелел, ухмыльнулся и показывает рукой: дескать, деньги давай! Мы, конечно, удивились, а я сразу догадался: этот жмот думает, что мы у него горилку просим. Он меня и рассмешил, и обозлил. И решил его проучить: пусть не думает, что все русские – пьяницы. Нашим танкистам и говорю:

– Ребята, сейчас будет розыгрыш. Не мешайте мне.

Подошёл я поближе к поляку, говорю ему и руками помогаю, показываю:

– Нет у нас денег! Вот только один танк у нас. Купи за две бутылки.

Наши парни меня схватили:

– Ты что, очумел! Под трибунал пойдёшь, и мы с тобой!

Я им спокойно отвечаю:

– Не волнуйтесь! Танк при нас останется.

Я и сам всё это затеял как бы шутя. Не думал, что этот хозяин такой тупой и жадный. Да и к чему ему танк?

Однако поляк задумался и потом согласно кивнул головой.

Вынес нам две большие бутылки горилки, вручил мне и собрался уже залезать на танк. Знал что ли, как им управлять?

Тут наши парни всполошились завели мотор, я едва успел заскочить к ним, и поехали, поехали... А поляк стоял на дороге и показывал нам вслед кулак.

Мы думали, что этим дело и закончится. Однако следом за нами этот скаред приехал на лошади в нашу часть и подал письменную жалобу. Переводчик перевёл с польского содержание и засмеялся: поляк серьёзно требовал вернуть ему танк. Прочитал командиру, а тот тоже давит смех и говорит через переводчика:

– Хорошо, мы разберёмся и вам письменно ответим.

Вызвали нас, и командир уже не смеялся, а стал очень злой. Кричит:

– Что, победители! Под трибунал захотели!

Все наши попритихли, а я и говорю:

– Товарищ командир, ведь он нам воды попить не дал. Сразу горилкой решил торговать. Меня зло взяло, вот и решил немного пошутить.

Командир смягчился и только сказал:

– Шуточки эти дорого бы всем вам обошлись. Но я понимаю, что вы не собирались танк продавать. Ладно, будем считать, что это произошло из-за непонимание языка.

КИРПИЧ

Приехал к нам в деревню один молодой офицер и рассказывал в нашей компании об одном смешном случае:

– В 1950-м году направили нас, молодых выпускников Иркутского военного училища, сразу в Польшу. А мы, дети войны, за эти годы так наголодались и холоду натерпелись, что жизнь в гарнизоне за границей показалась нам раем. Мы все исправно служили. Кормили нас прекрасно, так что многие парни как-то выправились, похорошели и даже как будто подросли. И конечно, мы повеселели, шутить стали. Мирная жизнь к нам возвращалась, и мы были полны надежд.

Прошёл год, и начали нас по очереди отправлять в отпуск. Все по родине скучали и ждали этого момента, когда увидят своих родных. Отъезд в отпуск обычно справляли весело. От-

пускник устраивал небольшую пирушку на прощание. Только один офицер не отпраздновал свой отъезд. Он всё время нас чуждался, жил сам по себе и был вечно кислым и недовольным. Видно, не хватил лиха в военные годы. Поэтому и служба ему была в тягость, и хорошее питание – не в новость. И вот решили мы над ним подшутить. Тихонько подложили ему в чемодан кирпич. Знали, что с таким странным грузом задержат его на границе.

Так и вышло. Долго его мурыжили, говорят. Весь кирпич по мелким кусочкам обследовали, но, конечно, ничего не нашли, кроме глины. Не один раз допрашивали его, спрашивали, зачем он кирпич в Россию вёз. Он только кислился и отвечал одно и то же:

– Сослуживцы подсунули.

Так его и отпустили домой в конце концов. Но неделя отпуска была потеряна. Сообщили в наш гарнизон. Нас, конечно, наказали, но слегка. Сам командир чему-то улыбался. А того офицера с тех пор прозвали «Кирпич». Правда, он как-то среди нас пообтесался малость, стал помягче.

НАКАНУНЕ МИХАЙЛОВА ДНЯ

Одна пожилая прихожанка Лазаревского храма как-то рассказала мне удивительную историю, которая случилась с ней. Передаю её рассказ, мне он показался очень поучительным:

– Михайлов день в том далёком году запомнился мне на всю жизнь. Вернее, вечер накануне его...

В те времена в нашем городе действовали только две церкви, в одну из них, Лазаревскую, мы и ходили многие годы. Этот храм находится на окраине города, на большом старинном кладбище. Мы ездили туда или на автобусе, или ходили пешком. Дорога к нему шла между старыми деревянными домами и полуразрушенными церквями, посвящёнными святому Николаю Чудотворцу, Архангелу Михаилу и Архангелу Гавриилу. Печальная картина!

Все верующие знают, что Архангел Михаил – главнокомандующий всех святых ангелов, верных Богу, по-гречески

– Архистратиг. Именно он изгнал из рая бунтующих ангелов, ставших демонами, поэтому он – гроза всех бесов. В народе говорят, что накануне Михайлова дня надо особенно быть бдительными, быть верными Богу. Не грешить и ничем не соблазняться, иначе можно оказаться во власти демонических сил.

Но наши вечные враги на праведном пути – наша рассеянность и слабая вера. Именно они и сыграли злую шутку со мной в тот памятный вечер. Расскажу всё по порядку.

Из дома я вышла довольно поздно, легкомысленно надеясь, что быстро доберусь до храма. Обычно троллейбус из нашего микрорайона в пятом часу ходит очень часто, многие возвращаются с работы. А в тот вечер я очень долго простояла, пока, наконец, мне удалось уехать в центр города. Именно там была остановка автобуса, на котором мне предстояло ехать в пригород к Лазаревскому храму. На нужный мне рейс я уже опаздывала, ждать следующего рейса надо было ещё полчаса, да ещё на морозе. Поэтому я соблазнилась и зашла по дороге в большой магазин. Зашла просто так, погреться на несколько минут.

И вот я стою на остановке и жду. Всё-таки перед праздником очень хотелось попасть на вечернюю службу, хотя и с опозданием. Автобус подъехал, сели в него только я и ещё один мужчина. А обычно он в такое время едет полный. Свет в почти пустом автобусе почему-то не горит, на загородной улице тоже не светло. Какое-то волнение начало меня постепенно охватывать. Что-то всё не так идёт, как обычно!

Мужчина вышел первым, а я на следующей остановке, около кладбища. В те времена кругом были лесные заросли, в темноте белел крест на скромной одинокой могиле святого Герасима Вологодского. Красивой большой часовни, которая сейчас там возвышается, ещё не было. Автобус ушёл, а я направилась было к освещённым воротам кладбища, за ними была также освещённая дорожка, которая вела к храму. Окна в нём ярко горели, шла праздничная служба. И вдруг на меня напал необычный страх... Я не могла ступить шагу по дорожке к церкви. Стояла в темноте, и душа моя невероятно страдала и страшилась неизвестно чего... Наконец, я бросилась назад к темной дороге, по которой приехала из города, и быстро пошла по ней, всё дальше удаляясь от освещённого храма. Кругом стояли развалины старых домов, запущенные сады, а я шла и шла. С точки зрения здравого смысла именно этих мест нужно

было страшиться, но я, видимо, уже не владела своей волей...

Как из забытья, я вдруг начала вспоминать, какой завтра праздник и кому посвящена вечерняя праздничная служба в храме. В сердце появилась молитва Господу и его верному Архангелу Михаилу. Я подошла к следующей остановке и стала ждать автобус, чтобы вернуться в город. Напротив, через дорогу, находился полуразрушенный храм Архангела Гавриила. Его кто-то подремонтировал, обнёс забором и поставил проходную. В его помещении находились ремонтные мастерские автомобилей. Вид кошунственно разрушенного и захваченного храма очень угнетал. Я стала мысленно молиться и Архангелу Михаилу, и Архангелу Гавриилу, прося их защиты. Немного успокоилась. Однако мои испытания не кончились. Вдруг из проходной выходит сторож и говорит мне довольно приветливым голосом, словно мы с ним знакомы:

– Автобус придёт только через сорок минут. Я здесь работаю, поэтому знаю. Чем замерзать на остановке, пойдём ко мне в сторожку. Угощу тебя горячим чаем.

Я категорически отказалась и, честно говоря, испугалась такого приглашения. Что это за человек и что у него на уме? А ведь кругом ни души. Он настаивал и настаивал принять его приглашение, повторял, что автобус придёт не скоро. Но я уже ему ничего не отвечала, а молилась, молилась так горячо, как никогда раньше...

И вот неожиданно на дороге засветились горящие фары автобуса, он на большой скорости подъехал к остановке, и я села в него и поехала. Потом уже дома я так объяснила себе столь быстрое возвращение автобуса. Видимо, никого пассажиров не было, и водитель решил вернуться в город, не доезжая до конечной своей остановки. А если бы я зашла пить чай в сторожку, то автобус бы прозвала. И ещё неизвестно, что меня там ждало.

Таковы были мои мистические приключения в тот вечер. Конечно, трезво мыслящий человек, решил бы, что это просто была цепь случайностей. А про меня бы подумал с улыбкой: «Вот ведь какая трусиха!»

Однако страх напал на меня не случайно. Эти страхования пришли ко мне по моей греховной небрежности к посещению церковной службы. Духовный отец мне тогда сказал на исповеди одну фразу:

– Перед службой начинай молиться ещё дома, собирай душевные силы.

Потом добавил с улыбкой:

– А по пути в церковь в магазины больше не заходи!

С тех пор я так и делаю.

ВОСКРЕСЕНИЕ НА ШЕКСНЕ

Шёл 1933 год. Вот уже долгая голодная и холодная зима за плечами, март наступил. Солнечным деньком сжал Степан из леса с ветками на коровник. Видит – председатель к нему бежит, кричит издали:

– Степан! Зайди сейчас ко мне!

Слез неспеша с саней, обмёл валенки на крыльце, зашёл в контору к председателю. А тот:

– Степан! Вот телеграмму тебе свояк из Череповца прислал.

И замолчал, будто слова в горле застряли. Взял молча Степан клочок бумаги и прочитал:

– Ваш сын Анатолий умирает от воспаления лёгких в больнице. Срочно приезжайте. Иван.

Степан опустил голову, постоял молча да так и пошёл ни слова не говоря на улицу.

Слух раньше его принёс в дом страшную весть. Дочери-подростки плакали, маленький Коля им вторил, Володя сидел под иконами, уткнувшись головой в руки. Надежда с потухшими серыми глазами на красивом тонком лице уже собиралась в дорогу. Кому же, как не матери, быть рядом с сыном в последние минуты его жизни! В избу начали собираться родственники и соседи. Решили, что повезёт Надежду в город её брат Андрей, а Степан останется дома с детьми и хозяйством.

До города было вёрст шестьдесят, но мартовская дорога уже сильно растаяла и превратилась в рыхлое месиво, поэтому добрались до Череповца только на следующий день к вечеру. В приёмном покое городской больницы ей холодно сказали:

– Ваш сын умирает, но посторонним вход воспрещён. Карантин.

Как ни умоляла врача, как ни плакала – не дали побыть матери у постели умирающего сына! В изнеможении устроилась она в коридорчике на полу, ожидая утра и страшных вестей.

Сердце замерло и, казалось, превратилось в лёд ... Рано утром вышел врач, поморщился и сказал, глядя в сторону:

– Ваш сын умер в двенадцать часов ночи. Можете забрать тело.

Хоронить Анатолия повезли в деревню. Весеннее солнце беспощадно слепило глаза, снег за прошедшие сутки почти полностью стаял с дороги, и лошадь, всхрапывая и кося глазом, с трудом тащила тяжёлые дровни с гробом. К вечеру, совсем выбившись из сил, завернули к дому, стоящему на окраине деревни недалеко от Шексны, покрытой набухшим, потемневшим льдом. Тревожный ветер гулял на просторе речных далей, безжалостно рвал и тербил ветви прибрежных ив, берёз и тополей.

Робко постучал в двери кнутом Андрей. Через минуту в окно выглянула немолодая женщина, осмотрела внимательно Надежду с братом, дровни с гробом и пошла открывать двери. Вошли в избу, перекрестились на образа и перевели измученный взгляд на хозяйку. Та всё поняла, и когда, наконец, Андрей выдавил из себя фразу:

– На санях не добратся. Надо за телегой ехать... – она тихо ответила:

– Гроб на дровнях поставим в сарай, там у нас теперь чисто. А ты, милая, пока у меня поживи. Даст Бог, мужик-от скоро с телегой вернётся.

Андрей быстро распряг лошадь, попоил, покормил её сеном и, не дав как следует отдохнуть ей и себе, в ночь отправился верхом дальше.

Надежда, казалось, с трудом понимала, что вокруг происходит. Она на всё смотрела с мёртвым равнодушием. Мария, так звали хозяйку, ни на минуту не спускала с неё глаз, нянчилась с ней, как с ребёнком. Прошли ещё сутки, в течение которых Надежда просидела у окна, неотрывно глядя на реку. На попытки хозяйки разговорить её, заставить вместе поплакать и облегчить тем ношу непомерного горя, она или отмалчивалась, или говорила всегда одну и ту же фразу:

– Паренёк-то мой учился в городе, холодал и голодал, вот и помер.

На второй день утром, когда Мария уходила за водой на колодец и немного задержалась с любопытствующими соседками, объясняя им, кто и зачем у неё остановился, Надежда вы-

шла из дома и быстро пошла по тропинке к проруби. Мария с высокого берега издали увидела её, бросила вёдра и кинулась за ней. Догнала у самой кромки чёрной полыни ... Чтобы не испугнуть, тихо подошла сзади и ласково взяла за руку:

– Надя! Вспомни о своих деточках! Ведь их у тебя ещё четверо! Не осироти бедных.

Надежда вздрогнула, словно просыпаясь, невероятным усилием заставила себя отвести непослушные глаза от бездны и посмотрела на плачущую Марию. А та ей опять:

– Пойдём, милая, в дом, погреемся чайком.

Послушалась как-то бессознательно и почти равнодушно, побрела назад. Вернувшись в дом, Мария посуровела и сказала Надежде проникновенно:

– Велико твоё горе, матушка! Но вспомни Богородицу и её слёзы у креста распятого Сына!

После короткого молчания продолжила:

– А сынка своего отпоёшь в церкви, как приедете. И возьмёт Христос к Себе твоё невинное чадо. Только молись Спасителю.

Надежда начала едва заметно оживать, взглянула на иконы, рука сама начала креститься по давней, тысячелетней привычке всех русских женщин. Из глаз полились слёзы – и обе женщины, упав перед образами, тихо заплакали. Впервые за все эти страшные дни...

Ещё одни сутки миновали. Как родная мать, выхаживала Мария свою незваную гостью. Слёзы сменялись разговорами, в которых в основном говорила хозяйка, а гостя только слушала и лишь изредка что-то отвечала. Наконец, христианское смирение кроткого сердца Надежды победило открывшуюся перед ней бездну отчаяния. Она нашла силы встретить приехавшего на телеге мужа. Твёрдо стоя на ногах, нашла слова, чтобы смягчить первый страшный удар встречи мужа с мёртвым сыном.

Вернулись в родную деревню и похоронили юношу на заречном кладбище, недалеко от церкви, в которой его и отпели, как отпевали до этого всех его предков последние триста лет.

ЛЕПТА ВДОВЫ

Тёплый июльский вечер. На фоне заката темнеют силуэты деревьев. Притихла деревня после трудового дня на сенокосе и в огородах. Тишина деревенского воздуха пропитана запахами сена, молока, навоза. Но слышнее всего аромат полей. Оттуда, с северо-востока, веет прохладой, цветущими и свежескошенными травами. Притихшие поля и перелески погружены в прозрачную синеву неба с молодым месяцем в вышине.

По деревенской дороге бредёт худая, маленькая женщина: одежда с чужого плеча, небрежно заколотый узелок волос, а в руке корзина, наполненная сочным, зелёным луком. За ней вприпрыжку бежит мальчик, то останавливаясь, привлечённый каким-нибудь предметом – палочкой, камешком, цветком, то снова догоняя мать... Тихо на улице, только из некоторых домов слышатся чуждые этой тишине голоса и музыка из включённого телевизора.

Женщина подошла к одному из домов, зашла во двор, а затем на веранду. Там её встретила хозяйка Людмила и старушка-соседка Елена Ивановна. До появления гостьи женщины вели разговор о том, что «больно уж разбахвалились ныне по телевизору новые русские», по выражению Елены Ивановны. И там подарками всех осыпают, и тут миллионы предлагают. Одним словом, «спонсоры». По-змеиному свистящее так часто звучит в эфире это слово. Только уж больно громко кричат о своей доброте, благодетели.

– Крик-от их каждый день до нас долетает, а вот добрые-то дела их где-то по дороге к нам застревают – не доходят до наших краёв. – Подводит итог старушка. Её собеседница Людмила, которая в своём доме телевизора не держала, а по вечерам читала Евангелие, ответила:

– Да, Елена Ивановна, согласна с вами – добро молча делают... И не кричат о своей доброте. Вот послушайте – прочитаю я вам из Евангелия, как Иисус Христос учил:

– «Остерегайтесь книжников, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение».

Елена Ивановна внимательно слушала, и Людмила продолжила чтение:

– «Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу. Увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила. Ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила всё пропитание своё. Какое имела».

Старушка задумчиво вслушивалась в слова Евангелия. Она годами не бывала в церкви, так как в ближайших деревнях храмы давно разрушены теми «добрыми книжниками» двадцатого века, которые народу рай земной обещали. А теперь новые «добрые книжники» такие большие деньги за поездку на автобусе дерут, что до ближайшей церкви за шестьдесят километров не часто можешь съездить. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, церковную жизнь, православные обычаи она хорошо помнила и твёрдо соблюдала. Да и как не помнить! Разве можно забыть истоки жизни, детство, юность. Помнила она и то, как в 30-е годы, её подростка, мать послала в далёкую лесную деревню с мешком продуктов, тайно собранных односельчанами для местного священника. После закрытия храма власти изгнали его со всей многочисленной семьёй из своего дома и сослали в лесную глушь, в маленькую деревеньку, в которой доживали свой век несколько стариков и старух. Помнила Елена Ивановна, как везла она этот мешок на санках – «чунках» по-местному, как холодно ей было в плохонькой одежонке и старых валенках, как страшно одной в зимнем лесу. Но как радостно и тепло стало ей в маленькой дряхлой избушке батюшки Николая, где её встретили ласково и с душевной благодарностью. Свет в душе остался от того дня. Но никому не рассказывала Ульяна Ивановна о том путешествии. Опасно в те времена было говорить о том, как голодающие в коллективизацию крестьяне из последних средств помогали погибающему семейству священника. Да и в голову не приходило хвастаться таким сокровенным... Да, Елена Ивановна понимала, о чём говорил Иисус Христос. Женщины сидели молча, глядя в синеющие на востоке вечерние поля, на молодой месяц, вдыхали родной деревенский воздух и думали об одном и том же, как бы мысленно продолжая начаты разговор.

В это время на веранде появилась женщина с большой охапкой свежего лука в корзине.

– Здравствуйте! – сказала она, смущённо косясь на Елену

Ивановну. Она не предполагала встретиться с ней здесь. А та, как и ожидалось, неприветливо ответила, прищурив глаза:

– Ну, что Нинка! Опять попрошайничать пришла? Будет тебе пить-то! Пора делом каким заняться!.. Ох, тошнѣхонько на тебя смотреть! – добавила она, вставая.

– А ты не потакай! Пусть работать идѣт! – повернулась она к Людмиле и ушла, не столько рассерженная, сколько расстроенная.

Нину гнали отовсюду. Волею судьбы бродячего безродного человека оказалась она в этой деревне недавно. Она не умела и не хотела работать, вместе с мужем пьянствовала, а когда он умер, не имея уже никакой поддержки, начала пропивать всё, что ещё оставалось в доме. Но некоторые односельчане жалели её, как больного безродного человека, и давали еду, поношенную одежду, когда она просила. Но их терпение уже кончалось. Так что суровые слова, сказанные Елсней Ивановной, были гласом народным. Однако на этот раз мудрая Елсна Ивановна ошиблась. Нина пришла не просить, а дарить. Она смущѣнно протянула Людмиле корзинку с зелѣным луком и сказала:

– У тебя, я слышала, лук нынѣ не уродился, а семья вон какая собралась на лето в доме. Возьмите вот, съѣте. У нас лук хороший вырос, ещё покойный Коля его сажал.

Людмила растерялась от неожиданности. Она-то знала, что это последнее добро, которое осталось у Нины. Сначала она пробовала категорически отказать от неожиданного дара, потом предлагала деньги, но Нина неожиданно проявила характер:

– Нет! Не обижай меня! Я от всего сердца хотела тебе что-то доброе сделать! Возьми Христа ради!.. Я ведь тоже живой человек.

Что-то перевернулось в душе. Людмила взяла лук. Напоила Нину с сыном чаем с пирогами. Расставались они у калитки. Уже стемнело, небо было наполнено прозрачным синим светом, а в вышине повсюду сиял тонкий молодой месяц. Глядя на него, Людмила вспомнила прозвучавшие сегодня в её доме слова Иисуса Христа о лепте вдовы.

К калитке подошла соседка. Она уже всё знала, что произошло в её отсутствие. Она всегда удивляла Людмилу своей проницательностью. Людмила смущѣнно проговорила:

– Не она, а я теперь у неё в долгу. В Библии сказано: «Не суди превратно... и у вдовы не бери одежды в залог». А Елена Ивановна, следя глазами за уходящей вдаль Ниной, с грустью и одновременно с каким-то облегчением ответила:

– Тоже ведь живой человек...

ТАЙНОЕ КРЕЩЕНИЕ.

Рассказы бабушки

В нашу-то молодость креститься было делом не шуточным. Вот моя дочь в Череповец вышла замуж, и пошли у неё дети один за другим. Всех крестить стали. Узнало начальство об этом. Пришёл к ним на дом какой-то уполномоченный и стал пугать:

– Ещё одного ребёнка окрестите – сразу уволим с работы.

А зять и отвечает:

– Права такого у вас нету – за веру увольнять!

– Ничего, другую причину всегда найдём для этого!

А зять не уступает:

– Уволите меня из пожарников – невелика беда. Я – хороший плотник. Пойду с плотницей артелью по деревням. Там всегда строительной работы полно для нас.

Так ни с чем и ушёл этот, прости Господи, не человек, а бес. А тут вскоре и ещё младенец родился. Его тоже с Божией помощью окрестили!

Да, простым людям легче было, а вот образованным – просто беда. Старались тайно креститься. Расскажу сейчас я вам об этом, а то, поди, и не знаете, как ваших матерей да отцов в советское время крестили. Сколько испытаний приходилось перетерпеть!

ГРЕХОВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Моя племянница Елена была учительницей в школе. Очень ей хотелось окрестить свою маленькую дочку. В Череповце это было опасно делать – сразу бы потеряла работу. Написала она своим верующим родственникам в Ленинград: так и так, мол, надо крестить дочь, но боюсь. Они всё это прекрасно понимали, поэтому сразу обратились к знакомому священнику. Он к старости уже ничего не боялся: и лагеря прошёл, на Беломор-

канале поработал, на Соловках побывал. Но, слава Богу, выжил и теперь всем, кто к нему обращался, помогал обрести веру и окреститься. Вот к этому-то старому батюшке и направилась Елена с дочкой.

Когда они пришли к церкви Покрова Пресвятой Богородицы, то как в раю оказались. Красивый храм был окружён сиренью и цветами. Стоял май, и всё благоухало. Крещение прошло благоговейно, потом пили чай в домике священника. Этот светлый день запомнился на всю жизнь.

Вернулись в Череповец, и тут начались странные приключения. Приходит Елена на работу в школу, а завуч ей и говорит:

– В моём кабинете Вас ожидает сотрудник из КГБ. Пройдите туда.

Племянница заволновалась, сразу поняла, почему он к ней пришёл.

Сотрудник этот был человеком очень представительным, начальственным. Елена испугалась и удивилась одновременно: зачем посылать к ней, простой учительнице, такую важную особу?

Сотрудник ни слова не сказал о тайном крещении, однако смотрел грозно и словно глазами говорил, что всё ему известно. Стал командовать:

– Вы нам просто обязаны помогать. Будете нашим тайным сотрудником.

Моя племянница давай, конечно, отказываться. А он – ни в какую! Давит и давит на неё! Однако не удалось ему её окончательно запугать и добиться своего. На прощание он сказал ей:

– Подумайте! Через две недели я пришлю к вам своего сотрудника. Тогда и решим это дело окончательно.

Пришла домой Елена сама не своя. Страшно, ещё упекут куда-нибудь!

Стала думать, откуда они узнали о крещении. В Череповце никому не рассказывала об этом. Может, услышали по телефону её разговор с родственниками? Так тогда и не поняла, кто на неё донёс. Стала молиться Божией Матери, ведь крестили-то дочку в церкви Покрова Пресвятой Богородицы:

– Пресвятая Богородица, укрой Своим Покровом, спаси и сохрани от греха и вражьего нападения.

И что вы думаете? Ведь осмелела Елена, откуда и силы взяли!

Через две недели приходит ещё один хмырь, тот видом и чином помельче. От него уже легче было отбиться. Но решили они всё-таки попортить крови племяннице. Вскоре на педсовете стала завуч отчитывать её: дескать, и учишь школьников не так, и оценки ставишь неправильно, и вообще пора менять тебе профессию. Такие кадры нам не нужны.

Конечно, тяжело было Елене это всё выдержать, но Бог миловал: с работы не уволили. Уже не те времена, не тридцатые годы, а семидесятые шли. Хотя и тогда много печали было.

ИСПЫТАНИЯ

А теперь поведаю, как крестился мой племянник Валера. Вот кому горькие испытания достались, дак это ему. Как говорят наши старцы: «Без страдания нет и покаяния». А ему ведь во многом надо было покаяться, чтобы креститься. Но расскажу всё по порядку.

Валерий работал на заводе инженером. Был он не то что неверующим, а просто никогда о Боге не вспоминал. Но Бог сам о нём вспомнил. А случилось это так. В 1976 году поехал он в командировку в Москву и там неожиданно тяжело заболел, на «скорой помощи» увезли в больницу в хирургическое отделение, там срочно сделали операцию. В палате с ним по соседству лежал профессор московский, тоже после операции. Вдвоём они тут и жили. Как только ему стало лучше, стал этот профессор утром и по вечерам читать какую-то книгу. Она у него в особой обложке была, так что и названия не видно. Да так усердно читал, ни на что внимания не обращал. Перед чтением перекрестится и после него то же самое. Валера лежит, скучает, боли отпустили, но ходить можно только по палате. И от скуки взяло его любопытство: что это за книга такая интересная, и почему этот профессор крестится, когда её читает? Он же не в церкви, а в больнице.

Стал он помалу разговаривать с этим книгочеем, когда тот был свободен от чтения. И, в конце концов, спросил у него, какую книгу важную читает и почему она его так привлекает. Профессор сначала молчал, видимо, думал, стоит ли свою тайну открывать, а потом решился и говорит:

– Читаю Евангелие.

– Евангелие? Я о такой книге слышал. Она церковная. Простите меня за любопытство, о чём написано там? Вы так её внимательно читаете, как учебник по математике.

– Это тоже учебник, самый важный для человека. Он учит праведной жизни, учит подражать Иисусу Христу, учит любить ближнего и не грешить.

Валера обомлел от удивления и совершенно незнакомого ему трепета души. Лежал на койке и думал об этой книге. Появилось желание и ему эту книгу почитать. Хотя сосед говорил дружелюбно и без поучения, мой племянник почему-то почувствовал обиду на него и словно бы свою неполноценность. Он размышлял: профессор-то чудаковатый да и горделив, видать. Я ведь тоже Льва Толстого читал, великого мудреца. Но чтобы так постоянно его читать – это уже какой-то персебор.

Постепенно соседи стали разговаривать. Профессор некоторые притчи из Евангелия Валере прочитал и объяснил. Кончились эти разговоры тем, что племянник умолил дать ему эту Книгу почитать хотя бы на ночь. Поколебался сосед, но всё-таки дал.

И вот какие дела после этого чтения начались. Племянник вернулся из Москвы домой и сразу пришёл ко мне и говорит:

– Вот что, тётушка. Ты помогла Елене дочку крестить в Питере. Как хочешь, но помоги теперь и мне там окреститься.

Стал он рассказывать о своих происшествиях в командировке, и не столько о своей болезни и операции, а сколько – о Евангелии.

– Да, Валерий, – говорю я, – призвал тебя Бог к вере через страдание и встречу с верующим человеком. А главное, конечно, ты через Евангелие – Слово Божие прозрел. Видно, в командировку-то тебя отправил не твой начальник, а сам Господь.

Поехал племянник в Питер, а я всё беспокоюсь, думаю, как бы новые испытания не пришлось ему пережить. Одно дело невинного младенца крестить, а в тридцать лет креститься – дело очень серьёзное. Тёмные силы могут и навредить. Боятся они креста, как огня. Не захотят, чтобы человек понял, где Божий Свет а где тьма греховная. Стала я за Валерия молиться: «Святый Ангеле, не оставь грешного Валерия и не дай лукавому демону обладать им. Укрепи бедствующую и худую его руку и наставь его на путь спасения».

Волновалась я не зря. Что же в этот раз произошло? Расскажу всё по порядку. Дело было морозной зимой. Приехал племянник в Питер к родственникам. А там эпидемия гриппа. Его, правда, сразу обнадёжили, что через три дня приглашают к священнику на исповедь и затем после литургии окрестят. Валерий обрадовался. Стали родственники его готовить к этому таинству, рассказали, как оно будет проходить, что священник будет говорить, а что он должен отвечать ему. Племянник посерьёзней и стал побаиваться, как бы всё правильно ему делать. Особенно его поразили вот эти слова священника: «Отрскаясь ли от сатаны?». А он должен сказать: «Отрекаюсь!» Валера даже засомневался: разве он когда-нибудь с ним был заодно?» Даже страшно подумать! Да и есть ли сатана на самом деле?

На следующий день родственники поехали на загородную дачу в деревню Дивинскую. Пригласили и его с собой, однако он пообещал приехать вечером на семичасовой электричке. Нужно было ему побыть одному. Договорились, что родственники встретят его на перроне, ведь в этой местности он ни разу не бывал.

Вечером Валерий сел на электричку, и вскоре она привезла его к станции «Дивинская». Вот тут-то началось с ним происходить диво-дивное. Он вышел из вагона один, да ещё из соседнего вагона появилось двое пассажиров. Перрон был пуст... Никто племянника не встречал. Он походил туда – сюда, подумал: «Видно, опаздывают родственники, подожду их». Долго он ходил в ожидании, но потом понял, что никто его не будет встречать. Заволновался: не случилось ли что с ними? Стал и за себя беспокоиться: куда деться – толи ехать назад в Питер, толи идти искать дом. Адрес они ему записали на бумажке на всякий случай. Решил сначала искать дом по этому адресу, а там видно будет, что ему дальше делать.

Пошёл Валерий по деревне, она была довольно большой в несколько улиц. Кругом ни души. Всё как вымерло. В темноте светятся окна домов. А на улице некого и спросить, как найти нужный дом. Завьюжило, начался сильный вестер со снегом, он заметал и без того узкие тропинки. Племянник почувствовал какое-то небывалое смятение. А ведь взрослый мужчина, не из робкого десятка. Какая-то страшная неизвестность его гнала. Он даже вспомнил пушкинские строки:

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...*

И тут он увидел клуб. Открытые двери были с улицы освещены, из клуба раздавалась дикая громкая музыка. Валерий даже опешил: то глухая тишина вокруг, то вдруг эта бесовская музыка. Он решил всё-таки зайти и спросить, где искать ему нужный номер дома. Только он перешагнул порог, как тут же отпрянул назад. В совершенно тёмном зале, беснуясь, скакала молодёжь. Дикая музыка била по голове, там и тут слышались взвизги невидимых в темноте девиц... Мелькали воздетые вверх руки, словно вся эта скачущая толпа спешила скорее сдаться какому-то страшному врагу.

На улице Валерий немного пришёл в себя, однако со страхом подумал: «Какой-то сатанизм! И где меня носит!» Быстро пошёл прочь от этого Богом забытого места. Решил сам искать родственников. Долго он бродил по деревне, молился, призывая Господа: «Помоги, Господи! Спаси и сохрани!» Он сильно замёрз, устал, но, в конце концов, дом нашёл и постучал в освещённое окно. Родственники открыли ему двери и изумились:

– Валера, ты откуда? Мы тебя встречали на вокзале, но ты не приехал на той электричке. Проходи скорее, ты весь в снегу и, видно, замёрз.

К всеобщему удивлению оказалось, что Валера приехал вовремя и родственники его встречали на вокзале. Почему же они не увидели друг друга? Что за испытание?

Утром поехали в Гатчинский храм на литургию, а потом вернулись в Ленинград. На следующий день благополучно прошло крещение, все были рады новому христианину. День был солнечный, что редко бывает в начале февраля. Дома устроили небольшой праздник.

Однако на следующий день начались новые испытания не только для Валерия, но и для его благодетелей, которые по-

могли ему креститься. Видимо, племянник простудился в тот злополучный вечер, когда он блуждал по Дивинской, или в электричке подцепил грипп. Поднялась высокая температура. Самое для него тяжёлое было то, что следом за ним по очереди заболели все его родственники. Слегка поправившись, он решил срочно уезжать домой в Череповец.

В поезде его ждало следующее испытание. Вагон не отапливался. Кондуктор оправдывался перед возмущёнными пассажирами: неожиданно произошёл какой-то сбой в отопительной системе. Валерий уже догадывался, какого происхождения был этот «сбой». Он, как и другие, «совершенно невинные», пассажиры вагона, всю дорогу сидели, а потом и спали в зимних пальто, шапках и сапогах. Некоторые даже укрывались тюфяками. Ведь на улице стоял тридцатиградусный мороз. Почти в бреду племянник вернулся домой и тяжело проболел ещё неделю. Врач даже опасался за его жизнь. Но, слава Богу, опасность миновала. Но и это оказалось не последним его испытанием.

Через несколько дней, племяннику позвонили из Ленинграда и сообщили печальную весть: одна из его родственниц, пожилая женщина, не выдержала осложнения после гриппа и умерла. Валерий был в отчаянии. Он думал, что все беды в этом доме случились из-за него. Те демонические силы, которые всячески препятствовали ему перед крещением, теперь мстили его родным, благодаря которым он крестился. Он молился и всё время вспоминал мудрые слова своего крёстного отца, который на прощание ему сказал:

– Тот, кто верит в случай, не может верить в Бога. Бог говорит с человеком событиями его жизни. Всегда помни это и будь внимателен к этим событиям.

После этих испытаний мой племянник Валерий стал другим человеком.

Он крестился Святым Духом и не только святой водой, но и огнём страданий.

УЛЬЯНА ИВАНОВНА

*Не кукуй, кукушка, в лесе
На осине проклятой.
Сядь на белую берёзку -
Покукуй над сиротой.*

Жила в Череповце после войны на Советском проспекте в маленькой комнатке старушка. Звали её Ульяна Ивановна. Славилась она тем, что все земляки деревенские, что стали недавно городскими, в гости к ней ходили и искали в беседах с ней душевного утешения. Была она мастерица рассказывать, слушать, утешать, а то и поругать, коли было за что. Не любила она, когда при ней люди ссорились или других за глаза осуждали. Она такому собеседнику обычно говорила:

– Не поддерживай! На поддержку не купишь красную телушку, а пёструю, и то бесхвостую.

Давно умерли её собеседники и она сама. Только не умерла та живая сила доброты и правды жизни, которая была в каждом их слове и поступке. Мы этой добротой и правдой до сих пор держимся в мире, часто сами этого не осознавая. Но приходит сокровенная минута, и оглянется человек на прошлое, и всколыхнётся в нём родное тепло, и согреет его сиротеющую в холодном мире душу.

В моём архиве сохранилась почти дословная запись рассказа Ульяны Ивановны о своём детстве, которое проходило в последнее десятилетие девятнадцатого века. Вот эта запись, сделанная в 1963 году.

Я по четвёртому году после мамы осталась. Отца чуть-чуть одну помню. Как мама умерла, за ним на Назарово съездили. Пьянчужка был.

Осталось нас четверо после матери. Митрию, старшему было годов четырнадцать, Матвею – около двенадцати, мне – четвёртый год, а Николаю и двух не исполнилось.

Митрию пришлось обрывать, самому хлеб печь на поду.

Один раз хлеб кувылял-кувылял в мукс, да в лохань кулыбыш и угадал.

Приютили меня сначала Евдичи. Жена Марфа была очень хорошая. Ребят своих шестеро перемоеет и меня, не свою, вымоеет. Вшами не травила, нечо и говорить. А муж у неё был не пьяница и не разгула, а воришко. У нас, сирот, муки полмешка унёс. Марфа-то как узнала об этом, так и жунула ему. Брат мой Матвей пришёл к нему и спрашивает:

– Где муку-то взял?

А он отвечает и как всегда принахривает:

– Где-где... На пристане.

Вывели его всё-таки на чистую воду. Он муку-то назад к нам и притуганил.

С шести лет я жила в няньках у кабатчика. Конечно, няня не велика: ребёнка качала, цветы поливала, пол мела. И повадилась одна соседка ко мне ходить и подговаривать, чтобы я шкаф-от хозяйский отперла, а она денежек-то и выудит. Я мала была да смекнула, Оксинье-то, своей хозяйке, всё и рассказала. Тем от беды и избавилась.

Когда поболее стала, меня к псаломщику порядили в няни. Псаломщик очень хороший мужчина был, добросовестной. А хозяйка была так себе: не даст ни обутки, ни оболочки – иди снег выметай на мосту. И вот что приключилось со мной однажды: разбила я у хозяйки чашку фарфоровую. Я так болела за эту чашку – реку слёз пролила. Эдакая-то маленькая-то да и просила Бога: «Господи! Прикрой ризой нетленной эту чашку». Пока и жила не спросили о чашке! И по сю пору не спросили!

Потом меня взял священник. У него дочка была мне ровесница. Батюшка взял меня за сиротство. Перво жила и мало чего делала по дому, а поболее стала – поболее и спрос. Просфоры пекла, за коровами ходила. Жила в этой семье годов восемь.

А потом вот что случилось. У Микулича-то на квартире учительница жила. Она узнала, что есть в деревне сирота беспризорная, и отправила меня в Рыбинск в мастерские учиться. Я там жила года два, нашто. Были мы три сироты среди других на побегушках. А всего было четырнадцать девушек. Вот как-то кухарка мне и говорит:

– Девка, ты, девка. Топерь ты становишься порядошная, доносишь ты свои виски, кто оденет?..

Это мне на уста и намоталось. Зашел брат Митрий наве-

стить – я за него и уцепилась. Когда я поехала домой, хозяйка со мной расплатилась – дала материю шерстяной на платье. Глупа, так чево?! Ещё отдавала она мне старую швейную машину, знаешь, челнок-от с дырочками. Да куда она мне.

А братья мои ходили на судах, пока я в таких волнах была.

Приехали домой, натопили свою хижину, и стала я жить дома с младшим братом Николаем. Старшие братья только к зиме с судов приезжали, муку привозили. А к лету наступал у нас с Николаем великий пост. И стала я смсать, как дальше-то жить. Уговаривала братьев взять нетёлочку, а они не решались. Вот раз весной они уехали на суда, а я пошла к Башмачку, нашему соседу. Он перегонашивался – шпикулировал скотом-то. Он мне и говорит:

– Девка, дам я тебе нетёлочку, значит. Если сразу за деньги берёшь – то плати 8 рублей, а если ждать мне, так заплатишь потом 16.

Я и согласилась поневоле на 16 рублей. Где деньги-то взять? Они ещё и не заработаны у ребят-то.

Привела нетёлочку домой. Двор был – хоть на тройке поезжай. Поставила я нетёлочку в подъязбицу и порадовалась: обзавелась своей животинкой. Потом уж раз навоз есть, так и земельки взяла полдуши. Малоё дело, чево-же. Стала огороды городить, огородами заниматься. И всё в душе радуюсь: вернуться с судов братьевья, а у нас и коровушка есть и землячка своя.

И пошла жись всё-таки полегче.

Удивляет в этом рассказе мудрое отношение к бедам и несчастьям, несуетность, мужественная надежда на избавление, целомудренное неумение осуждать кого-либо, отсутствие всякого желания сваливать на других тяжесть собственной судьбы. Единственное, что иногда позволяла себе Ульяна Ивановна, так это пошутить, например, сказать тому, кто жалуется на свою жизнь, одну из своих бесконечных прибауток и поговорок, вроде такой:

– Ты, парень, шилом патоки не хлёбывал...

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСТВО НА ШЕКСНЕ.

Автобиографическая повесть	3
Глава 1. Предания русского семейства	4
Глава 2. Первые впечатления в младенчестве	9
Мандаринка	9
Фрицы идут!	11
Болезни	12
Глава 3. Как меня крестили	13
Глава 4. На кладбище	19
Глава 5. Непреклонный отец Валентин	21
Глава 6. Прихожанки Воскресенского собора	27
Мастерица	27
Марфа и Мария	28
Анюта Стафиева	30
Анна Аркадьевна	34
Глава 7. Городской быт Череповца в 50-е годы	37
Старый и новый город	37
Десятый	40
Глава 8. Бедные люди	43
Родственница Ленского	43
Сёстры	45
Митя – дурачок	49
Тётя Лиза	50
Глава 9. Сочельник и святки в богоборческие годы	52
Ряженые	52
В сочельник	54
Гадание	57
Глава 10. «Когда б имел золотые горы»	59
Глава 11. Первые поездки в Квасюнино	64
Крушина	64
Феоктиста	68
Спасов день	71
Глава 12. Демкарь и Великанида	75
Глава 13. Квасюнинский пастух Павел Мороз	81
Глава 14. В школе	86
Одноклассники	87
Борька и Валерка	89
Глава 15. Соседи	92
Тётя Зоя и её сын Венька	92
Шумная семейка	94
Глава 16. Летние каникулы в Квасюнино	96
Егор, Ефрася и их родственники	96
Ларичевы	100

Глава 17. Опасные приключения	105
Гроза над Рыбинским водохранилищем	105
Спасительная травма	105
Глава 18. Лунное озеро	110
Глава 19. Прощай, детство	116
ШЕКСНИНСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ	119
Предисловие	120
Матушкино проклятие	121
Вечная невеста	123
Пальто для Капы	124
Трос	127
Последнее «Прости»	130
Волки	133
Ветер	136
Совет святого Николая Чудотворца	138
Камешек от Ксении Блаженной	139
Как меня пророк Илья накормил	140
Вместо свадьбы – прощание	143
Страшная месть	144
Обет	146
Житие Клавдии	149
Как целая бригада баб в лесу заблудилась	154
Шуточки	156
Записка от баннушки	156
Чудище	157
Поиграл	158
Дом за рекой	159
Нечисть	164
Древний старичок	166
Гостья из-под мостья	168
Старушка из Аксёнова	169
Не попалась птичка – улетела	170
Незабудки	173
В мрачном доме	175
Армейские бывальщины	178
У страха глаза велики	178
Как один наш босц пятерых немцев в плен взял	179
О жадном полеке	181
Кирпич	182
Накануне Михайлова дня	183
Воскресенье на Шексне	184
Лепта вдовы	189
Тайное крещение. Рассказы бабушки	192
Греховное предложение	192
Испытание	194
Ульяна Ивановна	199

Литературно-художественное издание

Яцкевич (Калачёва) Людмила Григорьевна

ДЕТСТВО НА ШЕКСНЕ

Повесть
Бывальщины

ISBN 978-5-9729-5004-1

Подписано в печать 03.12.2020
Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Тираж 1000 экз.

Издательство «Родники»
160011, г. Вологда, ул. Козленская, д. 63
Тел.: 8 (800) 250-66-01
E-mail: irodniki@yandex.ru

12+

Издательство приглашает
к сотрудничеству авторов

7.02.22 ALBA BOP
16.06.2022 ALBA (memory)
09.02.2023 BOP

[450_p]

ДЕТСТВО НА ШЕКСНЕ

Повесть • Бывальщины

Яцкевич (Калачёва) Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, член Союза писателей России. Ею опубликованы научные работы по русской филологии и краеведению, в том числе исследования языка и поэтики Н. А. Клюева, В. И. Белова, Н. М. Рубцова, А. Шадринова, современных писателей – А. А. Цыганова, С. М. Мишнева, Н. М. Олькова, В. В. Дворцова и других. В 2019 году вышла из печати её книга «Православное слово в творчестве вологодских писателей» (384 с.).

Л. Г. Яцкевич – автор сборника рассказов «Вологодская нива», воспоминаний о своей родной деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области в книгах «Слово о родной деревне» и «Квасюнинская поговорочка», а также небольших повестей «Поэт и блаженный» и «А я всё живу...».

Она публиковала статьи по литературоведению в журналах «Вологодский лад», «Берега», «Родная Кубань», «Север», а также на сайтах «Вологодский литератор», «Российский писатель», «День литературы», «Русская народная линия».

ISBN 978-5-9729-5004-1

9 785972 950041